

The background is a deep red. A dark, gnarled tree branch with white cherry blossoms and falling petals is the central element. Five golden bullet casings are positioned along the branch. A bright blue snake is coiled around the lower part of the branch.

Дэвид
Митчелл

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ПРИЗРАК

Волшебно, мистично,
проникновенно и утонченно иронично...

Guardian Books of the Year

Большой роман

Дэвид Митчелл

Литературный призрак

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Д.

Литературный призрак / Д. Митчелл — «Азбука-Аттикус»,
1999 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-20242-9

Дебютный роман современного классика Дэвида Митчелла, дважды финалиста Букеровской премии – за «Сон № 9» и за «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тиквером и братьями Вачовски). Именно «Литературный призрак», с его фирменной митчелловской полифоничностью, в мгновение ока вознес молодого автора на британский литературный олимп. На этих страницах переплелись жизненные пути молодого сектанта, по указке Его Провидчества устроившего зариновую атаку в токийском метро, и начинающего саксофониста, который подрабатывает в магазинчике коллекционного винила, банковского менеджера из Лондона, отмывающего в Гонконге деньги русской мафии, и ветерана английской разведки, решившего опубликовать свои воспоминания, его «литературного негра» (по совместительству – лидера панк-группы) и витающего над монгольскими степями бесплотного призрака, женщины-физика с ирландского островка, за которой охотится Пентагон, похитителей эрмитажных картин, нью-йоркского диджея и многих-многих других... «Один из лучших романов, прочитанных мною за долгое время. <...> Я буквально не могла оторваться от книги – а еще больше удовольствия получила при перечитывании» (А. С. Байетт). Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20242-9

© Митчелл Д., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Окинава	12
Токио	31
Гонконг	50
Конец ознакомительного фрагмента.	76
Примечания	

Дэвид Митчелл Литературный призрак

Я считаю Чехова своим святым покровителем. Конечно, так думают многие писатели, но я читаю Чехова каждый год. Он напоминает мне о том, что самое главное в литературе – это не идеи, а люди. Очень люблю Булгакова. Он достаточно популярен в англоязычном мире. Булгаков очень изобретателен, и у него большое «чеховское» сердце. Например, Набоков тоже изобретателен, но у него «платоновское» сердце. Его волнуют идеи, а не люди. Ну и конечно же, Толстой. Например, «Анна Каренина» – 700 страниц, но не скучно ни на секунду, Толстой умудряется оставаться увлекательным даже на такой большой дистанции.

Дэвид Митчелл

Сравнения Митчелла с Толстым неизбежны – и совершенно уместны.
Kirkus Reviews

Дэвид Митчелл – английский Харуки Мураками.
The New Yorker

Митчелл – один из лучших писателей современности.
San Antonio Express-News

Гениальный рассказчик. Возможно, именно Дэвид Митчелл окажется наиболее выдающимся британским автором нашего времени.
Mail on Sunday

Митчелла сравнивали с Харуки Мураками, Томасом Пинчоном и Энтони Берджессом, но на самом деле он занимает особое место в литературном ландшафте. Восемь его книг экспериментальны, но удобочитаемы. Его предложения лиричны, но повествование стремительно мчится вперед. Под наслоениями аллюзий и необычных конструкций скрывается прозрачный нарратив. В созданной Митчеллом фантастической метавселенной его интересуют общечеловеческие проблемы: как за отпущенный нам краткий срок раскрыть свой потенциал и понять, кто ты и как связан с окружающими.
Time

«Литературный призрак» – потрясающий роман.
Тибор Фишер

Триллеры шпионский и финансовый, история любви (вернее, несколько историй), рассказ изнутри об апокалипсической секте, сравнительный анализ мифов творения, стенограмма прямого эфира ночной радиостанции в смутные времена, даже три азимовских закона робототехники, ну и конечно, история о призраках – все это Дэвид Митчелл мастерски смешивает в своем поразительном дебюте.
Лоуренс Норфолк

Один из лучших романов, прочитанных мною за долгое время. Несмотря на замысловатые зигзаги сюжета, несмотря на географические метания и все упражнения в полистилистике, рассказываемая Митчеллом история держит ваше внимание железной хваткой. Я буквально не могла оторваться от книги – а еще больше удовольствия получила при перечитывании.
Антония Байетт

Лучший дебютный роман за долгое время... он завлекает, озаряет, шокирует и очаровывает... Митчелл обладает удивительно богатым и эклектичным воображением.
Уильям Бойд

Один из сильнейших дебютов последних лет, удивительно естественный сплав всевозможных жанров (триллер, научная фантастика, история любви), да и голос рассказчика на любой вкус – молодежь, старики, мужчины и женщины, даже бесплотный разум. Юный барабанщик ввязывается в игорную авантюру, чтобы выкупить из ломбарда свою ударную установку; в Монголии затерянный дух дрейфует от тела к телу в поисках своих корней; не обходится и без комических интерлюдий. И ни одной фальшивой ноты! Не зря многоопытный Бойд Тонкин из Букеровского комитета пророчит Митчеллу большое будущее.
The Times

Если вам интересно, что представляет собой лучшая литература XXI века, начните с этой книги.

Бойд Тонкин (Independent)

Необъятный, основательно продуманный роман, порожденный глубоким пониманием связи между вымыслом и реальностью... Лебединая песнь коррумпированного юриста в Гонконге, внутренний монолог организатора теракта в токийском метро, сказка о старухе, живущей на Святой горе, возвращение известного ядерного физика в ирландское захолустье – все это сплетается в общую картину параллельных жизней, сливается в многоголосый хор, но в то же время дает ясное представление о неистребимой индивидуальности каждой отдельной личности... Лучший из прочитанных за последнее время современных романов.

Express on Sunday

Поразительный дебютный роман... Его части читаются как отдельные истории со своими героями, но каждая из них отражает главную тему: борьбу между случаем и судьбой. Герои-маргиналы испытывают экзистенциальную тревожность рубежа веков и первую подростковую влюбленность, сталкиваются со шпионами и преступниками, а то и с откровенной фантастикой... Такое неожиданное сопоставление тем воодушевляет... ориентальная, эфемерная, местами нарочито грубоватая, эта многогранная книга полна сюрпризов.

Time Out

Увлекательная и захватывающая книга, написанная с поистине дзенской ясностью.

Daily Mail

Необычайно увлекательный роман молодого необычайно талантливого писателя. Книга запоминается широтой и разнообразием стилей – тут и карикатурность, и глубина, и лиричность, и цинизм, и элегантность... наслаждайтесь юмором и калейдоскопичным многоцветьем историй, стремительностью мысли, изобретательностью изложения.

Observer

Ряд ироничных, хитроумно связанных эпизодов, разбросанных по всему земному шару, описывает масштабное путешествие... Здесь представлен и глубоко психологичный реалистический стиль Митчелла, и способность автора ярко описывать чужие страны... Книга пленяет своей безумной любовью к совпадениям и требует внимательного прочтения.

Daily Telegraph

Блистательный дебют.

Independent

Волшебно, мистично, проникновенно и утонченно иронично... великолепный новый талант.

Guardian Books of the Year

Митчеллу удалось написать дерзкий и достоверный роман с глобальным размахом. «Литературный призрак» – редкий пример эпического, полифоничного полотна, не придавливающего своих героев масштабом. Митчелл ни на секунду не забывает о человеческом измерении.

Esquire

Дивная новая книга для дивного нового мира, подстегиваемая безудержным воображением и прекрасной, воодушевляющей манерой письма.

USA Today

У Дэвида Митчелла есть дар создавать литературу, которой наслаждаешься, – изощренные сюрпризы, искусное повествование, оригинальные голоса.

The New York Times Book Review

Искусно скомпонованная книга, мастерски выстроенная и полная юмора.

Los Angeles Times

В отличие от многих мастеров пастиша XXI века, по большей части творцов рекламных слоганов и актуальных статей, а не литераторов, Митчелл создает живых персонажей, а не архетипы, и в результате пишет поразительный роман.

The Washington Post

Митчелл так умело выписывает своих героев, что в них невозможно не поверить. В его книгу окунаешься с головой... Девять персонажей и их случайные, но судьбоносные встречи дают возможность увлеченно погрузиться в наш стремительно сокращающийся мир.

Entertainment Weekly

Не роман, а затейливо собранное яйцо Фаберже, полное неожиданных и прелестных сюрпризов... В эпоху, когда многим литературным произведениям присущи излишняя ирония и налет цинизма, невозможно не проникнуться гуманизмом, которым исполнена книга Митчелла.

New York

Необычный и увлекательный роман... «Литературный призрак» показывает странные взаимосвязи современного мира и импровизационную природу судьбы.

The New York Times

Смелый роман с необычной композицией... удивительно притягательный.

The Denver Post

Творчество Митчелла отличается жанровым и стилистическим многообразием, но его проза всегда кристально ясна и динамична.

The New Yorker

Митчелл слышит музыку окружающей действительности и, не сбиваясь с ритма, глубоко погружается в нее.

Booklist

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все.

Адам Джонсон (лауреат Пулицеровской премии)

Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом...

Джо Хилл

Околдовывает и пугает... истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.

The Washington Post

Ошеломляющий фейерверк изумительных идей... Каждый новый роман Митчелла глубже, смелее и интереснее предыдущего. Его проза искрометна, современна и полна жизни. Мало кому из авторов удастся так остроумно переплести вымысел с действительностью, объединить глубокомыслие с веселым вздором.

The Times

Митчелл – непревзойденный литературный гипнотизер. Как жаль, что в обычной жизни так редко встречаются изящество и воодушевление, свойственные его романам. Он пишет с блистательной яркостью и необузданным размахом. Воображаемый мир Митчелла радует и внушает надежду.

Daily Telegraph

Митчелл – один из самых бодрящих авторов. Каждый его роман отправляет читателя в увлекательнейшее путешествие.

The Boston Globe

Дэвида Митчелла бесспорно можно назвать самым многогранным и разноплановым среди всех писателей его поколения. Он пишет стильнее Джонатана Франзена, его сюжеты стройнее, чем у Майкла Шейбона, повествование глубже и сложнее, чем у Дженнифер Иган, а мастерством он не уступает Элис Манро...

The Atlantic

Митчелл – прекрасный писатель. Один из секретов его популярности и заслуженной славы заключается в том, что его творчество совмещает неудержимый полет воображения гениального рассказчика с приземленным

реализмом истинного гуманиста. Его романы находят отклик у всех, будь то любители традиционного реалистичного повествования, постмодернистского нарратива или фантастических историй.

The New Yorker

Митчелл – писатель даже не глобального, а трансконтинентального, всепланетного масштаба.

New York

Я хочу продолжать писать! Почему по-настоящему хорошие, многообещающие произведения пишут тридцатилетние писатели, которые в свои шестьдесят не всегда могут создать нечто столь же потрясающее и великолепное? Может, им мешает осознание собственного выхода на пенсию? Или они когда-либо сотворили безумно популярное произведение, а потом строчили все менее качественные дубликаты своего же успеха? А может, просто нужно быть *жадным и всеядным* в чтении, в размышлениях и в жизни, пока вы еще на это способны, и тогда каждый ваш роман будет лучше предыдущего. Я на это надеюсь.

Дэвид Митчелл

Посвящается Джону

...И если я, как мне кажется, знаю больше, – разве можно быть уверенным, что и от меня не укрылась пружина пружин?

Одни говорят, что нам никогда не узнать и что для богов мы – как мухи, которых бьют мальчишки летним днем, другие говорят, напротив, что перышка воробей не уронит, если Бог не заденет его пальцем.^[1]

Торнтон Уайлдер Мост Короля Людовика Святого (перев. В. Голышева)

Окинава

* * *

Кто там дышит мне в затылок?

Я обернулся. С шипением съехались створки дымчатых стеклянных дверей. Яркий свет. В пустом фойе слегка покачивались листья искусственных папоротников, вверх-вниз. На зали-той солнцем автостоянке ни малейшего движения. Вдали шеренга пальм и глубокое небо.

– Простите, господин?..

Я повернулся обратно. Дежурная все еще ждала, протягивая авторучку. Улыбка сидела безупречно, как и униформа. Сквозь пудру на лице дежурной проступали поры, сквозь негром-кую музыку в фойе проступала тишина, сквозь тишину проступали шорохи.

– Кобаяси. Я недавно звонил из аэропорта. Забронировал номер.

Покалывание в ладонях. Крохотные шипы.

– О да, господин Кобаяси^[2]...

Что, не поверила? Тоже не беда. Нечистые часто регистрируются в отелях под вымыш-ленными именами. Чтобы предаваться блуду с иностранцами.

– Будьте добры, господин Кобаяси, впишите имя и адрес... Сюда и сюда... И род занятий, пожалуйста.

Я показал забинтованную руку:

– Боюсь, вам придется заполнить анкету за меня.

– Конечно, конечно! Ох, а что случилось?

– Зажало в дверях.

Она сочувственно поморщилась и повернула бланк к себе.

– Ваша профессия, господин Кобаяси?

– Инженер-программист. Разрабатываю софт по заказам разных компаний.

Она нахмурилась. Я не вписывался в ее анкету.

– Значит, у вас нет постоянного места работы?

– Укажите компанию, с которой у меня сейчас договор.

С этим проблем не было. Технический отдел Братства организует любое подтверждение.

– Прекрасно, господин Кобаяси. Добро пожаловать в отель «Сад Окинавы».

– Благодарю.

– Цель вашего приезда – бизнес или туризм, господин Кобаяси?

Нет ли двусмысленности в ее улыбке? Подозрительности во взгляде?

– Всего понемногу, – ответил я, голосом воздействуя на альфа-волны.

– Надеюсь, пребывание у нас доставит вам удовольствие. Вот ключ. Если возникнут затруднения, господин Кобаяси, обращайтесь. Мы вам охотно поможем.

Вы? Мне?!!

– Благодарю.

Нечистота, нечистота. Окинавцы никогда не были чистокровными японцами. Другие предки, пожизне. Я направился к лифту и спиной ощутил – экстрасенсорное восприятие сработало, – что дежурная усмехается. Она бы не усмехалась, если б знала, с кем имеет дело. Ничего, придет время – узнает. И все остальные тоже.

Огромный отель – и в полдень нет ни души. Безмолвные коридоры тянулись вдаль, пустынные, как катакомбы.

В номере нечем дышать. В Прибежище запрещено пользоваться кондиционерами – они отрицательно влияют на альфа-волны. Из солидарности с братьями и сестрами я отключил кондиционер. Окно открыл, но шторы задернул. Кто знает, чей телеобъектив берет меня в этот самый момент на прицел.

Я поглядел в глаз солнца. Наха^[3] – бедный, уродливый город. Если бы не аквамариновая полоска Тихого океана вдали, вполне сошел бы за какое-нибудь щупальце Токио. Обычная красно-белая телевышка с передатчиком, который на частотах, воздействующих на подсознание, транслирует правительственную программу промывания мозгов. Обычные универмаги и супермаркеты высются, будто храмы без окон, внушают нечистым благоговение. Промышленные районы. Фабрики отравляют воду и воздух. Выброшенные холодильники на пустырях и помойках. Ох уж эти их города – рассадники мерзости и нечистоты! Я провижу Новую Землю: могучая длань как метлой сметет скверну смердящую и вернет мир в первозданное состояние. А затем Братство построит Град, достойный уцелевших, и они будут беречь его как зеницу ока во веки веков.

В ванной после омовения я пристально осмотрел свое лицо в настенном зеркале. Ты, Квазар, один из тех, кому предстоит уцелеть. Резкие черты – наследие предков-самураев. Четкие брови. Орлиный нос. Квазар, провозвестник. Его Провидчество в своей прозорливости избрал и меня, и мое имя. Моя миссия – воссиять на пороге царства верных. Одинокая вспышка во тьме крошечной. Зачинатель. Предвестник.

Жужжал вентилятор. Сквозь жужжание слышался плач ребенка. Девочки. Да, много слез проливается в этой юдоли греха. Я приступил к бритью.

Проснулся рано и долго не мог сообразить, где нахожусь. Мой сон, как мозаика, рассыпался на куски. В нем мелькнул мой биологический отец. Еще там был господин Икэда, воспитатель старших классов, и пара-тройка придурков похуже. Помню день, когда эти придурки подговорили класс считать меня мертвым. К полудню забавлялась уже вся школа. Все притворялись, что не видят меня. Когда я заговаривал, делали вид, что не слышат. Новость дошла до господина Икэды, и что же он сделал, этот уполномоченный обществом пестун юных душ? Сукин сын перед отбоем устроил мне отпевание. Воскурил благовония, распевал молитвы и все такое.

Пока Его Провидчество не вдохнул в меня жизнь, я был беспомощен. Я надрывался от плача, умолял их прекратить, но никто не видел меня и не слышал. Я был мертв.

После пробуждения обнаружил, что тело осквернено эрекцией. Очень уж много гамма-волн наложилось. Медитировал на портрет Его Провидчества, который всегда при мне, пока не прошло.

Что ж, если нечистым так хочется похорон, они их получают в избытке – во время Белых Ночей, накануне того, как Его Провидчество явится и провозгласит свое царствие. Похороны, на которых не будет скорбящих.

Я шел по Кокусай-дори, главной улице города, петляя и путая следы, чтобы сбить с толку ищеек. К сожалению, мой альфа-потенциал еще слаб, становиться невидимым пока не

могу и вынужден отделяться от преследователей допотопными способами. Убедившись, что за мной нет хвоста, я нырнул в игровой центр, чтобы позвонить из телефонной будки. Телефон-автомат гораздо труднее засечь.

– Брат! Говорит Квазар. Пожалуйста, соедини с министром обороны.

– Да, брат. Министр ждет. Позволь поздравить тебя с успешным выполнением задания.

Прошло несколько минут. Министр обороны – любимец Его Провидчества. Он окончил Императорский университет^[4]. До того как услышать зов Его Провидчества, работал судьей. Он прирожденный лидер.

– А, Квазар! Отлично. Как самочувствие?

– Как всегда, прекрасно – я ведь на службе у Его Провидчества. И аллергия прошла, вот уже девять месяцев не было ни одного...

– Мы очень довольны тобой. Его Провидчество высоко ценит силу твоей веры. Крайне высоко. Сейчас он в уединении, медитирует на тебя. Только на тебя, чтобы укрепить твой дух и придать тебе сил.

– Министр! Умоляю, передайте Ему, что я бесконечно благодарен!

– С удовольствием. Но ты заслужил такое внимание. Идет война с мириадами нечистых, и подлинное мужество не останется без одобрения и награды. И еще. Сейчас тебе нельзя вернуться в семью, нужно переждать какое-то время. Я понимаю, ты огорчен. Кабинет министров считает, что семи дней будет достаточно.

– Слушаюсь, министр. – Я поклонился.

– Ты смотрел новости по телевизору?

– Министр, я сторонюсь лжи государства нечистых. «Зачем змее вслушиваться в голос своего заклинателя?» Пусть сейчас я вне стен Прибежища, но наставления Его Провидчества запечатлены в моем сердце. Представляю, какое осиное гнездо мы разворошили!

– Вот именно. Все только и твердят про террористов, показывают кадры, где у нечистых идет пена изо рта. Бедных животных почти жаль. Почти. Только они, как и предрекал Его Провидчество, совершенно забыли, что на их головы пали их же собственные грехи. Квазар, ты вправе гордиться собой – ты был избран одним из вершителей правосудия. Сакральное откровение номер тридцать девять гласит: «Гордость жертвоприношением не есть грех, но заслуженное самоуважение». И все-таки держись незаметно. Смешайся с толпой. Осмотри достопримечательности. Надеюсь, денег у тебя достаточно?

– Казначей был щедр, а мои потребности скромны.

– Ну вот и хорошо. Через семь дней свяжись с нами. Все члены Братства с нетерпением ждут возвращения своего возлюбленного брата, чтобы раскрыть ему объятия.

Я вернулся в отель для полуденного омовения и медитации. Поел крекеров, орешков кешью, сушеных водорослей и запил зеленым чаем – автомат для продажи напитков стоял рядом с моей комнатой. После обеда взял у нечистой дежурной в фойе карту и выбрал достопримечательность, которую стоило осмотреть.

Штаб-квартира японской военно-морской базы расположена севернее Нахи, в запущенном парке на холме, с которого открывается вид на город. Во время войны штаб-квартира была так хорошо замаскирована, что американцы наткнулись на нее только через три недели после захвата Окинавы. Американцы вообще не блещут. Не видят даже очевидного. Десять лет тому назад их посольство имело наглость отказать Его Провидчеству в визе. Теперь-то, конечно, Его Провидчество может перемещаться, куда захочет, пользуясь техникой подпространственного перехода. Он не раз совершенно беспрепятственно посещал Белый дом.

Я купил билет и спустился по ступенькам в подземелье. В прохладном сумраке слышно было, как где-то капает вода. Американских захватчиков здесь поджидал сюрприз. Чтобы не

потерять воинской чести, весь личный состав базы в количестве четырех тысяч человек совершил самоубийство. За двадцать дней до прихода американцев.

Честь. Что этот суетный, одержимый идолами мир нечистых знает о чести и доблести? Я шел по туннелям, поглаживал шрамы, оставленные разрывами гранат и кирками, которыми солдаты возводили укрепления своего последнего оплота. Ощутил глубокое внутреннее родство с защитниками цитадели. Такое же чувство я всегда испытываю в Прибежище. С моим повышенным альфа-потенциалом я воспринимал остаточное излучение душ героев. Бродил по туннелям, потеряв представление о времени.

Я уже собирался покинуть этот памятник человеческому благородству, когда прибыл автобус с туристами откуда-то из Кансая^[5]. Едва я глянул на них – с их фотоаппаратами, чипсами, тупыми физиономиями, с их альфа-потенциалом ниже, чем у навозной мухи, – то пожалел, что у меня не осталось ни одного сосуда с очищающим веществом. А то бы метнул им вслед и запер бы всех в подземелье. Им бы выпала благодать пройти через спасительное очищение, как и тем, ослепленным погоней за деньгами горожанам, которых я очистил в Токио. А души юных солдат, которые давным-давно пожертвовали жизнью ради идеалов – и я был готов к этому трое суток назад, – обрели бы наконец покой. Этих героев предали марионеточные правители, погубившие нашу страну после войны. Так же как всех нас предаёт общество, выродившееся в рынок для «Диснея» с «Макдональдсом». Все эти жертвы – ради чего они? Что построили на этой крови? Непотопляемый авианосец Соединенных Штатов Америки.

Но сосудов у меня не осталось, и пришлось терпеть этих нечистых, болтающих, пердящих, смердящих, плодящихся и размножающихся кретинов. Я буквально чуть не задохнулся.

Спустился с холма, зашагал под пальмами.

* * *

На ладони левой руки находится точка – альфа-рецептор. Когда Его Провидчество впервые удостоил меня личной аудиенции, Он повернул мою руку ладонью вверх и легонько надавил указательным пальцем на эту точку. Я почувствовал странный толчок, как удар электрическим током, только приятный, а после обнаружил, что моя способность к концентрации учетверилась.

В тот благословенный день, три с половиной года назад, шел дождь. С горы Фудзи строем спускались облака. На холмах вокруг Прибежища волновались под восточным ветром нивы. Двенадцатью неделями раньше Братство зачислило меня на программу для начинающих, а утром мы с младшим секретарем казначейства завершили важное дело. Я подписал документы, которые освободили меня из плена материального мира. Отныне мой дом со всем имуществом, банковский и пенсионный счета со всеми накоплениями, автомобиль и даже карточка члена гольф-клуба принадлежали Братству. Я почувствовал такую свободу, о возможности которой даже не подозревал. Родные – я имею в виду нечистую, биологическую семью по плоти и крови – меня не поняли, как и следовало ожидать. Всю мою жизнь померяли они по линейке успехов и поражений, засекая каждый миллиметр в ту или иную сторону, и вот я сломал проклятую линейку об колено. В последнем письме, которое я получил от матери, она сообщала, что отец вычеркнул мое имя из завещания. Как сказал Его Провидчество в Сакральном откровении номер 71, «ярость одержимого бесом подобна крысе, которая тщится прогрызть священную гору».

Вообще-то, они меня никогда не любили. И слова такого не знали бы, если б не телевизор.

В сопровождении министра безопасности Его Провидчество спускался по лестнице. По мере Его приближения становилось светлее. Передо мной возникли Его ноги в сандалиях,

затем пурпурное одеяние, а потом и весь Его возлюбленный облик. Его Провидчество улыбнулся мне – благодаря дару телепатии Он уже знал, кто я и что сегодня сделал.

– Я учитель, – сказал Он.

Я опустил на колени, и Он позволил мне поцеловать свой священный перстень с рубином. Я чувствовал его альфа-эманации, как компас чувствует магнитный полюс.

– Учитель! – ответил я. – Наконец-то я дома.

Его Провидчество говорил красиво и ясно, слова исходили будто не из уст, а из очей.

– Ты вырвался из гнездилища нечистоты, младший брат мой. Сегодня ты обрел новую семью. Старую плотскую семью ты оставил и присоединился к новой, духовной. Отныне у тебя есть десять тысяч братьев и сестер. К моменту, когда наступит конец света, нас будет миллионы по всему миру. Наша семья будет расти и пускать корни во всяком народе. Мы обретаем плодородную почву и в других странах. Наша семья будет расти, пока не вберет в себя весь мир. Это не фантазия. Это неизбежная грядущая реальность. Что ты сейчас чувствуешь, новообретенное дитя нашего царства без границ, без страданий?

– Блаженство, Ваше Провидчество! Какая удача – испить из источника истины, когда тебе нет еще и тридцати!

– Младший брат мой, мы оба знаем, что отнюдь не удача привела тебя к нам. Тебя привела любовь.

Он поцеловал меня. Словно уста вечной жизни коснулись моего лба.

– По словам министра образования, твой альфа-потенциал растет не по дням, а по часам, – сказал Учитель. – Если так пойдет и дальше, со временем мы сможем поручить тебе важное задание.

Сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Они говорили обо мне! Я всего-навсего какой-то новичок, а они говорили обо мне!

В кофейнях и магазинах, в офисах и школах, на гигантских экранах торгового центра, в каждой квартирке, похожей на клетку для кроликов, люди смотрели новости с репортажами об очищении. Горничная пришла прибраться в моем номере и без умолку тархтела об увиденном. Я не прерывал ее. Она спросила, что я об этом думаю. Ответил, что я всего-навсего инженер-компьютерщик из Нагои и не разбираюсь в таких вещах. Мое безразличие она сочла недостаточным, от меня требовалось возмущение. Пришлось ломать комедию, чтобы не вызвать подозрений. Горничная упомянула о Братстве. Похоже, мерзкие журналисты все-таки стали тыкать в нас своими грязными пальцами, хоть мы и предупреждали.

В середине дня вышел купить шампунь и мыло. Дежурная сидела спиной, не отрывая глаз от телевизора. Телевидение извергает скверну и ложь, оно повреждает участок коры головного мозга, ответственный за альфа-потенциал. Но я подумал, что несколько минут не принесут мне большого вреда, и стал смотреть вместе с ней. Двадцать два человека очищены полностью плюс несколько сотен наполовину. Недвусмысленное предупреждение для нечистых.

– Не могу поверить, что это произошло в Японии, – сказала дежурная. – В Америке – еще куда ни шло. Но чтобы у нас?

«Эксперты» за круглым столом обсуждали это «злодейство». Среди экспертов – девятнадцатилетняя поп-звезда и профессор социологии из Токийского университета. Почему японцев так интересует мнение поп-звезд и профессоров социологии? Без конца показывали одни и те же кадры: толпы недоочищенных пытаются вырваться из метро, зажимают платками рты, бьют и расцарапывают себе глаза. Как сказал Его Провидчество в Сакральном откровении номер 32, «если твой глаз влечет тебя ко греху, вырви его». Потом крупным планом – очищенные, смиренно лежат там, где их настигла благодать. Потом – их кровные родственники, рыдают в своем неведении. Потом – премьер-министр, самый непроходимый тупица из всех, клянется,

что не обретет покоя, пока «организаторы и исполнители этого чудовищного преступления не будут преданы суду».

Как слепы они в своем лицемерии! Неужели не видят, что настоящее злодейство – это ежедневное, ежечасное убийство души человеческой, которое совершается в современном мире! Братство всего лишь попыталось противостоять подлинному чудовищу – веку нынешнему. Преступному веку. Первая схватка в долгой войне, в которой нам суждено победить.

Неужели люди не могут понять, что сопротивление бесполезно? Этот жалкий политик, взяточник, лицемер, слепой таракан, неспособный даже уразуметь, в каком дерьме он барахтается. Неужели эти низшие, нечистые существа всерьез рассчитывают одолеть Его Провидчество и помешать Его замыслам? Одолеть бодхисатву, который может становиться невидимым по желанию, перемещаться в пространстве, дышать под водой? Предать Его самого и Его верных слуг их «суду»? Это мы – вершители правосудия! У меня лично альфа-потенциал пока слабоват – телепатией или телекинезом не воспользуешься, но ведь и нахожусь я за сотни километров от места чистки! Никому и в голову не придет искать меня здесь.

Я выскользнул из прохладного вестибюля гостиницы.

Всю неделю я вел себя тихо, но чрезмерная незаметность тоже могла привлечь внимание. Поэтому я делал вид, будто у меня деловые встречи, и с понедельника по пятницу ровно в восемь тридцать проходил мимо дежурной, бросив через плечо «Доброе утро». Время тянулось еле-еле. Наха – заштатный городишко. По проспекту с важным видом расхаживают американцы с военных баз, которыми усыпаны эти острова. Многие под руку с местными женщинами. Японки едва прикрыты узкими полосками ткани. Местные мужчины подражают иностранцам. Я ходил по универсам, смотрел на бесконечные толпы алчущих и покупающих. Ходил, пока ноги не заболят. Потом отправлялся в кофейню, где полки ломаются от журналов, а в них ничего, кроме забивающего мозги мусора. Прислушивался к разговорам бизнесменов, которые покупают и продают то, что им не принадлежит. Потом снова гулял. Лентяи-служащие зевали перед грохочущей пустотой игровых автоматов патинко – как и я когда-то, пока Его Провидчество не открыл мне внутреннее зрение. Туристы с материка обходили сувенирные лавки, покупали коробки с низкопробным дерьмом, которое никому больше и не нужно. На тротуаре иностранцы торговали без лицензии наручными часами и дешевыми украшениями. Забрел я в галереи игровых автоматов, куда сползаются после школы дети с отравленными мозгами и прилипают к экранам, на которых сражаются злые киборги, призраки, зомби. Те же магазины, что и везде, – «Бенеттон», «Найк», «Бургер-кинг»... Думаю, сейчас во всех городах мира центральные улицы похожи друг на друга. Я углублялся в закоулки. Во дворах хозяйки выбивали футоны, из года в год, и так шестьдесят лет подряд. Гончар с рябым лицом склонился над своим кругом. Смертельно больной старик на крыльце ремонтировал детский трехколесный велосипед, кашлял, не вынимая сигареты изо рта. Беззубая женщина ставила свежие цветы в вазу у семейного алтаря. Потом я отправился в старый рюкюский замок^[6]. Во дворе – автоматы с напитками и магазин под названием «Святой воин», в котором не продают ничего, кроме брелоков для ключей и фото пленки. На древних бастионах копошились старшеклассники из Токио. Мальчишки ничем не отличались от девчонок – длинные волосы, серьги в ушах, брови с пирсингом. Девчонки – вылитые паукообразные обезьяны – хихикали в мобильные телефоны. Если возненавидишь их, Квазар, придется возненавидеть весь мир.

Ну и отлично, Квазар. Значит, возненавидим весь мир.

Единственное приличное место в Нахе – это порт. Я смотрел на лодки, рыбаков, туристов и на огромные грузовые суда. Мне всегда нравилось море. Мой биологический дядя водил меня в порт в Иокогаме. Мы обычно брали с собой карманный атлас и в нем искали города и страны, откуда прибыли суда.

Конечно, это было тысячу лет назад. До того, как мой подлинный отец призвал меня к себе.

Однажды днем, выйдя из альфа-транса, в котором пребывал после омовения, я заметил странную тень – круглую, со ступицами. Она уплотнилась и превратилась в паука. Я хотел сбросить его в унитаз и смыть водой, но тогда он, к моему превеликому удивлению, просигнализировал мне альфа-послание! Конечно, это Его Провидчество посылал мне весточку. У нашего Учителя особое чувство юмора!

– Мужайся, Квазар, избранник мой. Мужайся и крепись. Такова твоя участь.

Я упал на колени перед паучком.

– Я знал, Отец, что Ты не забыл меня! – ответил я ему.

Паучок ползал по моему телу, а я не сводил с него глаз. Потом посадил его в баночку. Решил купить липучку, чтобы ловить мух и кормить меньшого брата. Мы оба посланники Его Провидчества.

Болтовня про «апокалиптическую секту» и «секту конца света» не прекращается. Как она меня бесит! Братство стремится к свету, а не к его концу. Братство – это не секта. Секта поработывает. Братство освобождает. Главари сект – мошенники с лукавыми устами, они втайне содержат гаремы со шлюхами и гаражи с «ролс-ройсами». Я удостоился чести наблюдать, как живет Учитель и его ближайшее окружение. Ни одной особи женского пола в поле зрения! Его Провидчество свободен от липких пут сладострастия. Он избрал себе супругу лишь для того, чтобы она выносила ему детей. Младшим сыновьям членов кабинета министров и любимейшим ученикам дозволено прислуживать Учителю в его скромном быту. Из одежды на этих счастливицах только набедренные повязки, поэтому они могут принять позу лотоса в любой момент, когда Учитель изволит благословить их для медитации. И на все Прибежище только три «кадиллака». Его Провидчество прекрасно знает, когда беса вещизма, которым одержимы нечистые, следует изгонять, а когда использовать как троянского коня, чтобы проникнуть в их прогнившую крепость.

С целью отвести подозрения от Братства Его Провидчество допустил в Прибежище кое-кого из журналистов и разрешил заснять братьев и сестер во время занятий по наращиванию альфа-потенциала. Корреспонденты осмотрели также наши химические лаборатории. Министр науки сообщил им, что мы там изготавливаем удобрения. Поскольку в Братстве все вегетарианцы, нам нужно много огурцов, пошутил он. Когда репортаж показывали по телевизору, я увидел знакомых братьев и сестер. С экрана они телепатически передали своему брату Квазару привет и ободрение. Я засмеялся от радости! Эти грязные шакалы с телевидения пытаются обвинить Братство и даже не подозревают, что их поганый канал служит для связи со мной! Министр безопасности согласился дать интервью. Блестяще! Он опроверг все обвинения в причастности Братства к чистке. «Бесов возможно одолеть не иначе как их же собственным оружием – хитростью», – учит Его Провидчество в Сакральном откровении номер 13.

А вот интервью с омраченными отступниками огорчили меня. Предатели. Братство приняло их в объятия любви, а они ее отвергли и, покинув Прибежище, вновь погрузились в зловонную пучину. В бесконечном своем милосердии Его Провидчество позволил оставить этим гнидам жизнь – если их прозябание можно назвать жизнью, – но при одном условии: они не будут клеветать на Братство. Если же они нарушат это условие и начнут распространять свои грязные измышления через прессу и телевидение, то министр безопасности уполномочен подвергнуть их чистке вместе с семьями.

На экране телевизора лица омраченных оцифрованы в сетку, но человека с моим альфа-потенциалом не проведешь дешевыми уловками. Я узнал Маюми Аои, которая вступила в Братство вместе со мной. На словах она клялась в верности Его Провидчеству, но в одно пре-

красное утро мы обнаружили, что она сбежала. Мы сразу заподозрили, что она была агентом полиции. Послушав, как она лжет про жизнь в Прибежище, я выключил телевизор и решил больше никогда его не смотреть.

Снова позвонил в Прибежище – после первого звонка прошла неделя. Ответил незнакомый голос.

– Доброе утро. Говорит Квазар.

– А, Квазар. Министр информации сегодня занят. Я его заместитель. Мы ждали твоего звонка. Ты заметил, как нарастает истерика?

– Да, господин заместитель министра.

– Вот именно. Успех твоей операции по очистке даже превзошел наши ожидания. Его Провидчество приказывает тебе затаиться еще на пару недель.

– Я во всем подчиняюсь воле Его Провидчества.

– Кроме того, тебе следует перебраться куда-нибудь подальше. Просто так, на всякий случай. Наши братья в полиции сообщили нам, что твои приметы переданы в розыск. Нужно действовать осторожно и хитро. Официально мы отрицаем нашу причастность к твоей акции. Это позволит выиграть время и укрепить ряды Братства новыми братьями и сестрами. Такая тактика дала хорошие результаты в прошлом году, когда проводилась пробная операция по очистке в префектуре Нагано. До чего же легко водить за нос этих навозных жуков!

– Вы правы, господин заместитель министра.

– Если тебя арестуют, ты должен взять всю ответственность на себя. Скажешь, что тебя исключили из Братства как сумасшедшего. После этого ты действовал сам, на свой страх и риск. Понял? Его Провидчество с помощью телепортации освободит тебя из тюрьмы.

– Слушаюсь, господин заместитель министра. Я во всем подчиняюсь воле Его Провидчества.

– Братство очень дорожит тобой, Квазар. Вопросы есть?

– Господин заместитель министра, я только хотел бы знать, начался ли второй этап великой чистки? Скажите, наши посланцы уже совершили телепортационный перелет в парламенты разных стран, чтобы заставить правительства всего мира принять учение Его Провидчества в качестве национальной программы? Боюсь, если мы промедлим, нечистые успеют...

– Квазар, ты забываешься! С каких пор ты уполномочен обсуждать внешнюю политику Братства?

– Простите, господин заместитель министра. Осознаю свою ошибку. Умоляю, господин заместитель министра, простите меня.

– Ты прощен, возлюбленный сын Его Провидчества! Тебе, наверное, очень одиноко вдали от семьи?

– Очень, господин заместитель министра. Но я получил альфа-послание моих братьев и сестер с экрана телевизора. А когда медитирую, Его Провидчество сам обращается ко мне с добрыми словами, поддерживает в изгнании.

– Вот и превосходно! Думаю, через две недели ты сможешь к нам вернуться. Если понадобятся деньги, свяжись с Тайной службой Братства, код тебе известен. А в остальном – веди себя как можно тише.

– Еще один вопрос, господин заместитель министра. Насчет этой отступницы, Маюми Аои...

– Министр информации уже в курсе. «А сплетчики сплетен сами плетут паутину, которой будут удушены». Министр безопасности примет нужные меры, когда шумиха поутихнет. По всей видимости, до сих пор мы проявляли излишнее мягкосердечие. Но теперь вступает в силу закон военного времени.

Палила нестерпимая жара. Я пошел в порт посмотреть расписание движения катеров. Открыл карту. Карты я всегда любил больше, чем книги. Они не важничают и не поучают. Никогда не выбрасываю карты. Острова выглядели очень заманчиво, величественные изумруды посреди небесно-голубого моря. Мне приглянулся островок под названием Кумэдзима. До него всего полдня пути на запад, и не такой уж он маленький, чтобы приезжий бросался в глаза. Катер туда отходит раз в день – в 6:45 утра. Я купил билет на завтрашний рейс.

Остаток дня просидел на причале. Повторял про себя все Сакральные откровения Его Провидчества, не обращая внимания на обтекающий меня поток пропащих душ.

Солнце, багровое и дрожащее, наконец закатилось. Я даже не заметил, как наступила темнота. Вернулся в отель и сказал дежурной, что закончил все свои дела и завтра рано утром отбываю в Осаку.

Поезд в токийском метро был набит битком, как вагон для скота. Битком набит человеческими органами, запрятанными в тела, запрятанные в одежду. Трясутся. Молчат. Потеют. Я побаивался, вдруг какой-нибудь кретин раздавит сосуды раньше времени. Наш министр науки подробно объяснил, как работает устройство. После того как я отверну крышку и нажму три кнопки разом, у меня останется только одна минута, чтобы выбраться наружу, прежде чем соленоиды разобьют сосуды и начнется великая чистка человечества.

Я положил сумку на багажную полку и стал ждать назначенной минуты. Напряг свои телепатические способности, разослал сообщения поддержки братьям-очистителям в разных вагонах метро по всему Токио.

Одновременно я рассматривал людей в вагоне. Тех, кому выпала эта честь – быть первыми в великой чистке. Отупевшие. Унылые. Усталые. Безмозглые. Ослы, втянутые в бесконечный водоворот лжи, страдания, неведения. За спиной у матери, в переноске, спал младенец в вязаной шапочке, пускал пузыри. От него влажно пахло, как от всех малышей. На шапочке вышита розовая Минни-Маус. Значит, девочка. Чуть подальше – пенсионеры. В будущем их ничего не ждало, кроме маразма да инвалидной коляски в доме престарелых, под сенью магнолий. А вот молодые люди из клерков. Наверное, полны надежд, в голове только одно – жажда наживы и успеха любой ценой.

Жизнь и смерть этих одноклеточных была в моих руках! Что бы они сказали, узнай об этом? Как попытались бы отговорить меня? Как эти насекомые доказывали бы свое право на жизнь? Какие слова нашли бы? Как головастик может общаться с богом?

Вагон покачивался, поскрипывал. Лампы мигнули, погрузив его на мгновение в полумрак.

Не очень внятно.

Мне припомнились слова, которые Его Провидчество сказал нам утром: «Там, за пределами пределов, куда не простирается человеческий разум, я видел комету. Новая Земля грядет. Приближается час последнего суда над грешниками. Ускорив его чуть-чуть, мы всего лишь избавим несчастных от их жалкой участи. Дети мои, вы избранные, вы проводники Божественной воли!»

В эти последние мгновения, когда поезд подъезжал к станции, Его Провидчество укрепил меня, послав видение Будущего. Через какие-нибудь три года Его Провидчество войдет в Иерусалим. Тогда перед Ним склонится мусульманский мир, а папа римский и далай-лама будут искать Его благоволения. Президенты России и США передадут свои государства под власть Его Провидчества.

В июле все обсерватории мира зарегистрируют приближение кометы. Пройдя рядом с Нептуном, она достигнет Земли и закроет Луну, она будет полыхать на небе даже среди бела дня – над аэродромами, горными хребтами и стогами городов! Нечистые бросятся навстречу этому чуду. И примут от него погибель! Земля подвергнется мощному микроволновому излу-

чению кометы, от которого будут защищены только люди с высоким альфа-потенциалом. Несчастные же станут умирать, корчась в блевотине, выцарапывая себе глаза, задыхаясь от запаха собственной плоти, жарящейся прямо на костях. А выжившие начнут создавать Рай. Тогда Его Провидчество явит свою Божественную природу – она, словно бабочка, родится из куколки Его бrenного тела.

Я сую руку в спортивную сумку с дырочками и на ощупь отвинчиваю крышку. Теперь нужно нажать три кнопки и удерживать в течение трех секунд, чтобы запустился таймер. Один. Два. Три. Новая Земля грядет. Тикают часы истории. Задерживаю молнию на сумке, незаметно ставлю ее на пол и украдкой задвигаю ногой под сиденье. В вагоне так тесно, что зомби ничего не замечают.

Да свершится воля Его Провидчества.

Поезд въезжает на станцию и...

Из канализационного люка доносится шум, но я не желаю, не желаю вслушиваться в слова.

Если когда-нибудь этот шум обратится в слова – не сейчас, конечно, еще не сейчас, может, и никогда... Что тогда?

Я смешался с толпой, которая двигалась к эскалатору. Прочь отсюда.

У меня за спиной поезд набирал скорость, погружаясь в удушливый мрак.

* * *

В потных ладонях покалывало. Чайка, важно прохаживаясь по подоконнику, смотрела на меня. До чего злое у нее лицо.

– Ваше имя, господин?

Старуха, хозяйка гостиницы, улыбнулась, будто храмовый божок. С какой целью, интересно знать? Чтобы я понервничал? Черных дыр у нее во рту больше, чем желтых зубов.

– Меня зовут Токунага. Бунтаро Токунага.

– Токунага... Красивое имя^[7]. В нем есть что-то величественное.

– Никогда не задумывался.

– Чем занимаетесь, господин Токунага?

Опять вопросы. Без конца вопросы. Когда же нечистые угомонятся?

– Служу в маленькой компании. Ничем не знаменитая компания на окраине Токио. Работаю начальником компьютерного отдела.

– В Токио? Правда? А я никогда не бывала на Большой земле! К нам приезжает много отдыхающих из Токио. В сезон, конечно. Сейчас почти никого, сами видите. Я только раз в году езжу на большой остров, провести внуков. У меня четырнадцать внуков, представляете? «Большой остров», – конечно, я имею в виду Окинаву, а не Японию. Там побывать я даже не мечтаю!

– Вот как?

– Говорят, Токио ужас какой большой город! Даже больше Нахи. Значит, вы начальник отдела? Как, наверное, гордятся вами родители! Просто замечательно. Вы уж заполните эту дурацкую анкету, сделайте милость! Я бы не стала вас утруждать, но дочка с меня спросит. Такой порядок, ничего не поделаешь. Лицензия, налоги, сами знаете. Очень утомительно, ей-богу. А куда деваться? И сколько времени вы проведете у нас на Кумэдземе, господин Токунага?

– Полагаю, пару недель.

– Правда? Надеюсь, вам не будет скучно. Островок-то наш невелик, сами видите. Но рыбу лови сколько влезет или серфингом занимайся, а хочешь – ныряй, хоть так, хоть с аквалангом.

А в остальном жизнь у нас очень тихая, очень. Не то что в Токио, думаю. А жена, наверное, скучает без вас?

– Нет, не скучает, – ответил я. Пора заткнуть ей пасть. – По правде говоря, у меня отпуск по семейным обстоятельствам. Жена скончалась в прошлом месяце. От рака.

Тут челюсть у старой карги отвисла.

– Боже мой, боже мой, – прошептала она, прижав ко рту ладони. – Вот ведь как... А я-то, дура, прямо по больному... Дочка сгорит со стыда за меня. Просто не знаю, что и сказать...

Старуха с виноватым видом засопела, что было вдвойне противно – изо рта у нее разило креветками.

– Да не волнуйтесь вы так. Смерть избавила ее от страданий. Пусть это жестокое избавление, но избавление. Не корите себя. Я немного устал. Вы не проводите меня в мою комнату?

– Да-да, конечно... Вот тапочки. Заодно покажу вам, где ванная. А это наша столовая. Идите за мной, ах, бедняга вы, бедняга... Подумать только, что вы пережили... Боже мой... Но вы правильно сделали, что приехали к нам... Кумэдзима, знаете, лечит любые раны. Я просто убеждена в этом...

После вечернего омовения я почувствовал усталость, которую не смогли одолеть никакие упражнения по альфа-медитации. Проклиная собственную слабость, я улегся в постель и погрузился в глубокий сон, почти бездонный.

Когда я все-таки достиг дна, то оказался в туннеле. Безлюдный туннель метро, кругом только рельсы и трубы. Моя обязанность – патрулировать туннель, охранять его от зла, которое обитает под землей. Вдруг ко мне подошел офицер и строго спросил:

– Что вы тут делаете?

– Выполняю приказ, господин офицер.

– Какой приказ?

– Охранять туннель.

– В Прибежище, как всегда, неразбериха, – присвистнул он. – Появилась новая опасность. Дело в том, что зло может поглотить вас, только если знает о вашем существовании. Пока вы храните свое имя в тайне, то недостижаемы для зла. Как вас зовут, патрульный?

– Квазар, господин.

– Да нет, как вас звали в прежней жизни? Ваше настоящее имя?

– Танака. Кэйсукэ Танака.

– Ваш альфа-потенциал, Кэйсукэ Танака?

– Шестнадцать целых девять десятых.

– Место рождения?

И вдруг я понимаю, что попался. Офицер – он и есть зло. Он расколол меня вопросами и теперь может поглотить. Последний шанс спастись – не подавать виду, что я обо всем догадался. Продолжаю что-то лепетать, но тут в туннеле появляется девушка. Она приближается к нам, в руках у нее футляр со скрипкой и цветы. Я видел ее где-то раньше. В моем грязном прошлом, до очищения. Зло в обличье офицера поворачивается к ней и начинает ту же игру.

– Вы что, не слышали о зле? Кто вас сюда пустил? Назовите свое имя, адрес, род занятий! Немедленно!

Я хочу спасти ее. Без всякого плана в голове хватаю за руку, и мы мчимся изо всех сил, быстрее ветра.

– Почему мы бежим? – спрашивает она.

Иностранка на холме, смотрит, как погружается в землю деревянный столб.

– Некогда объяснять! Офицер – он вовсе не офицер. Это оборотень. Он – то самое зло, которое обитает в туннеле.

– Уверяю, вы ошибаетесь!

– Что? А вы откуда знаете?

Мы бежим, крепко держась за руки. Тут я наконец-то смотрю ей прямо в лицо. Она косится на меня и улыбается – ждет, когда я оценю жуткую шутку. Вот оно, подлинное лицо зла.

Утром вышел пораньше, чтобы осмотреть остров. Море млечно-бирюзовое. Песок белый, горячий и вязкий. То и дело встречались птицы, которых я никогда раньше не видал, и бабочки, розовые, как лосось. Вдоль берега гуляла влюбленная парочка, а с ними – собака лайка. Парень не переставая что-то шептал на ухо девушке, а та не переставая смеялась. Собаке очень хотелось поиграть с палкой, но не хватало ума сообразить, что палку нужно принести хозяевам под ноги. Когда парочка проходила мимо, я заметил, что они без обручальных колец. В занюханном магазинчике купил пару рисовых колобков на завтрак и банку холодного чая. Поел, сидя у какой-то могилы. Пытался припомнить, когда же в последний раз я где-нибудь чувствовал себя своим. Если не считать Прибежища, конечно. После еды пошел дальше. Миновал старое камфорное дерево и поле, где пасся на привязи козел. Жара стояла такая, что крестьяне в широкополых плетеных шляпах обливались потом. Из их приемников неслись жестяные звуки поп-музыки. На обочине ржавели автомобили, решетки радиаторов проросли травой. Далеко в море выдавалась одинокая коса, на ней стоял маяк. Я подошел к нему. На дверях – замок.

Какой-то фермер притормозил у обочины и предложил подбросить. Я стер ноги до крови, поэтому согласился. Говорил он на жутком местном диалекте, и я с трудом разбирал его слова. Он начал беседу с погоды, и я издал все междометия, какие полагаются в таком случае. Затем он перешел к моей персоне. Он знал и в какой гостинице я остановился, и на какой срок, и мое вымышленное имя, и профессию. Он даже выразил мне соболезнование по поводу смерти жены. Слово «компьютер» он произносил, как бы заключая его в кавычки.

В гостинице всюду шел обмен сплетнями. Телевизор беззвучно мигал. Над пятью чашками с зеленым чаем на кофейном столике поднимался пар. Вокруг стола расположилась компания: мужчина, с виду рыбак, женщина в рабочих штанах, которая сидела по-мужски, худышка с тонкими губами и тип с огромной бородавкой, свисавшей у него над глазом, словно гроздь винограда.

Все внимали старухе, хозяйке гостиницы.

– У меня до сих пор перед глазами стоят эти кадры! По телевизору показывали, как все случилось. Несчастные люди бежали, прижимали платки ко рту... Кошмар! Просто кошмар! Добро пожаловать, господин Токунага. А вы в тот день были в Токио?

– Нет. Уезжал по делам в Иокогаму.

Я просканировал мозги всех присутствовавших – не шевелятся ли там подозрения на мой счет. Нет, все в порядке.

Рыбак закурил и осведомился:

– А что там творилось на следующий день?

– Испуг, конечно. Всеобщая паника.

Женщина в штанах кивнула и сложила руки на груди.

– Одно утешает, – похоже, этой банде сумасшедших скоро конец.

– Что вы имеете в виду? – спросил я. Голос вроде не дрогнул.

– А вы разве не слышали? – удивился рыбак. – Полиция захватила штаб-квартиру Братства. Давно пора. Их банковские счета заморожены. Их так называемому министру обороны предъявлено обвинение в убийстве бывших членов секты. Еще арестованы пятеро участников диверсий в метро. Двое повесились в камерах. Но в предсмертных письмах сказали достаточно, чтобы продолжить аресты. Да вот же, возьмите мою газету.

Я отдернул руку от пачки пропитанных ложью, ядовитых листков.

– Нет, спасибо! А что слышно про Учителя?

«И пусть даже ветви сгорят в лесном пожаре, но могучий ствол даст новые побеги!»

– Про кого, про кого? – Бородавчатый сморщил нос, будто резиновый.

Мне захотелось придавить ему шею коленом и отрезать уродливый отросток острыми ножницами.

– Ну, про главу Братства.

– А, вы про этого мерзавца! Скрывается, как последний трус. Бежал, словно крыса. – Бородавчатый задохнулся от ненависти.

Каким беспросветным зверинцем стал этот мир, если ангелов тут мешают с грязью!

– Он просто дьявол, вот он кто! Самый настоящий, из преисподней.

– Олицетворение зла! Пожалуйста, вот ваш чай, господин Токунага! – Старуха налила мне чашку зеленого чая.

Мне хотелось поскорее запереться в своей комнате и все обдумать, но прежде надо было выведать у них побольше.

– Он обирает несчастных дураков, которые к нему тянутся. Морочит им головы, разыгрывает из себя отца, а потом посылает их на преступления. Они делают за него всю грязную работу, исполняют его кошмарные фантазии. А он как будто и ни при чем.

Их тупость и слепота меня убивают. Как сделать, чтобы этот сброд начал хоть что-то понимать!

– Просто в голове не укладывается, – встряла женщина в штанах. – Как это все возможно? Он ведь там не один, правда? В Братстве было много умных людей, с университетскими дипломами, из хороших семей. Полицейские, учителя, ученые, адвокаты. Уважаемые люди. Как они могли поверить в этот альфа-бред? Почему захотели стать убийцами? Почему? Неужели в мире столько зла?

– Промывание мозгов, – заявил бородавчатый, переводя палец с одного собеседника на другого. – Промывание мозгов.

Худышка рассматривала дракона на стенках своей чашки.

– Дело не в этом. Они вовсе не хотели стать убийцами. На самом деле они пытались отречься от своего внутреннего «я».

Крайне противная особа. И голос ее словно доносился из соседней комнаты.

– Я не совсем поняла вас, – сказала та, что в штанах.

– Общество – это внешнее отречение. – Худышка произнесла это слово так, что я сразу понял: учительница. – Мы отказываемся от части своих свобод, а взамен получаем блага цивилизации: защиту от голодной смерти, от бандитов и от холеры. Это честная сделка. Образовательно-воспитательная система общества подписывает этот договор от нашего имени в момент нашего рождения. Однако у каждого есть внутреннее «я». Оно решает, в какой мере принимать этот договор. Внутреннее «я» – это личная ответственность каждого. По-моему, вся эта молодежь, которая вступила в Братство, просто-напросто перепоручила свою личную ответственность Учителю, а уж он распорядился ей по своему усмотрению. Вот так. – Она указала на газету.

– У вас весьма шаблонные представления, – не удержался я.

Худышка посмотрела мне прямо в глаза. Я выдержал ее взгляд. А у нас в Прибежище женщин учат смирению.

– Но почему? – Рыбак глубоко затянулся сигаретой, надул щеки. – Почему его последователям так хотелось отказаться от своей воли?

– Об этом надо бы спросить их самих. – Худышка не сводила с меня взгляда. – У каждого, наверное, свой ответ. Кто-то находит удовольствие в унижении и рабской зависимости. Кто-то страдает от страха одиночества. Кто-то тоскует по чувству сопричастности. Кто-то хочет стать

большой рыбой в маленьком пруду. Кто-то жаждет чуда. Кто-то мечтает отомстить родителям и учителям, которые всем сулят успех в будущем, а посулы не всегда сбываются. Этим людям нужен красивый миф, который невозможно осуществить – а значит, испортить. Отказ от своей воли для них – цена ничтожная, и они охотно платят этой монетой за счастье. Ведь на их Новой Земле своя воля им не понадобится.

Я понял, что больше не в силах слушать этот бред.

– А может, вы все чересчур усложняете? Может, они просто любят своего Учителя? – Я залпом выпил свой чай, слишком горький и слишком горячий – язык обжег. – Могу я получить ключ от своей комнаты?

Старуха не спеша подала мне ключ.

– Вы, наверное, очень устали – так долго гуляли. Жена моего племянника видела вас аж возле маяка!

На островах секреты существуют только для приезжих, но не для островитян.

Я лежал на кровати и обливался слезами.

О мои братья и сестры, совершившие самоубийство! Кто вы, мои соратники, павшие в этом последнем бою, и за что вам такая участь? Все-таки мы – настоящие герои! Погибнуть всего за несколько месяцев до скончания века нечистых! На пороге Новой эры, которая вот-вот наступит! Меня очень удивило, что министр обороны позволил себя схватить. Ведь у него такой высокий альфа-потенциал! Он в состоянии диссоциироваться на молекулы и просачиваться сквозь стены.

Паучок в банке умер. Ну почему, почему, почему?

После вечернего омовения я пошел прогуляться по рыбацкой деревне. Дети помладше с диким визгом играли в какую-то непонятную игру. Подростки околачивались у перекрестка, вырядившись с явным намерением походить на своих токийских сверстников с фотографий в журналах. Мамаши сплетничали у входа в универсам. Меня так и подмывало крикнуть: «Скоро наступит конец света, и все вы изжаритесь в огне Белых Ночей!» Из бара доносилась местная мелодия – пронзительно-резкая, визгливая... В конце улицы меня встретили горы, море и ночь.

Я побрел по усыпанному галькой берегу. Пластмассовые буйки; скорлупки сейшельских орехов, формой напоминающие женские бедра; всякий прибитый к берегу хлам: резиновые перчатки, пивные банки, бутылки, флаконы от моющих средств. Из-под перевернутой облезлой лодки, которой не суждено больше плавать, доносились кряхтенье и повизгивание. Вдали какая-то тень зажгла огонек.

Его Провидчество говорит со мной – я слышу Его голос в плеске волн и в шорохе прибоя, облизывающего гальку. К чему телефоны, когда существует телепатия? Его Провидчество поведал, что преданному бойцу Квазару уготована в этой пьесе величайшая роль. Наступили Судные дни, о которых говорится в Сакральном откровении номер 143. Учитель сообщил, что я буду пастырем верных во времена Белых Ночей. И когда комета возвестит наступление Новой эры, я встану одесную Его Провидчества, буду Его именем вершить правосудие и излучать свет мудрости. Я послал Его Провидчеству ответ – что готов умереть за Него. Что люблю Его, как сын отца, а защищать готов, как отец сына. За сотни миль от меня Его Провидчество улыбнулся в ответ. Комета появится перед самым Рождеством. Новая эра не за горами. Обновленное человечество поселится на самом чистом из островов, и уцелевшие назовут меня отцом. Там не будет обидчиков и не будет обиженных. Все самонадеянные, тупые, неверующие нечестивцы изжарятся в своем невежестве, как в масле. А мы будем вкушать папайю, орешки кешью и манго, учиться делать самые простые орудия труда и расписные горшки из глины. Его Провидчество подберет каждому пару, совместимую по уровню альфа-потенциала,

и научит нас высшим ступеням альфа-медитации: мы сможем совершать астральные путешествия и посещать другие звезды.

Я опустил на колени и возблагодарил Господина за поддержку. Над заливом взошла луна и одна за другой зажглись те самые звезды, на которые мы скоро полетим.

Девочка в вязаной шапочке, которая спала в переноске за спиной у матери, открыла глаза. Мои глаза. Бестелесный хор что-то пел не умолкая. В моих глазах отразилось ее лицо. Она знала, что я намерен сделать. И умоляла не делать этого. Но ведь она все равно обречена на смерть во дни кометы! Пойми, Квазар, ты просто избавляешь ее от новых страданий в мире нечистых! Невинные наверняка воскреснут, но уже в Новом мире! Очистись и будь тверд в вере!

В темноте на часах светились цифры 1:30. От жуткого караоке сотрясались стены. Я не сомкнул глаз. Под пропотевшей простыней – как в смирительной рубашке. Боль все глубже запускала пальцы в виски. Кишечник скрутило от резко возросшего уровня гамма-ритмов. Пошатываясь, я поплелся в туалет. По цвету и консистенции мое дерьмо напоминало мазут. Я думал о тощей учительнице, о том, что должен был сказать ей, чтобы поставить ее на место. Взгляд блуждал по истертому узору линолеума. Я принял обжигающе горячий душ.

В пустом холле гостиницы я, впервые после моего вступления в Братство, купил пачку сигарет из автомата. Закурил и вернулся в номер. Я был на грани срыва.

* * *

На ладонях появились красные пятна. Моюсь по восемь-девять раз в день, но ничего не помогает – по всей коже сыпь. По утрам стал смотреть телевизор. Ведется следствие, Братство хотят разгромить, а его членов – объявить вне закона. В новостях упомянули и мое имя, продемонстрировали фотографию из архивов Братства. К счастью, на ней я с бритым черепом и с альфа-усилителем на голове, поэтому узнать меня трудно. Из всех участников акций в метро на свободе остался я один. Показали моих кровных родителей – под натиском репортеров они бежали к машине моей сестры. Все было залито сиянием фотовспышек. Его Провидчество задержан, Ему предъявлены обвинения в подготовке геноцида, мошенничестве, похищении людей и применении психотропных средств первой категории. В новостях все время крутили одни и те же кадры – агенты нечистых запикивают Его Провидчество в автомобиль и везут сквозь толпу, которая требует Его крови. Этот эпизод показывали с утра до вечера, сопровождая зловещей музыкой, дабы убедить безмозглых тварей, что Он злодей, как Дарт Вейдер, что Его нужно ненавидеть и проклинать. Все члены правительства также арестованы. Они низко пали – дают показания друг на друга в надежде, что смертный приговор заменят пожизненным заключением. Против меня дал показания министр образования. Даже супруга Его Провидчества отеклась от Учителя – говорит, ничего не знала об изготовлении отравляющего газа. Это она-то, которой так не терпелось поскорее начать чистку! Одна телевизионная компания даже послала своих шакалов в Лос-Анджелес, чтобы заснять элитную школу в Беверли-Хиллз, где учатся сыновья Его Провидчества.

Из порта я позвонил в Прибежище.

– Сообщите ваше имя, место жительства и род занятий, – ответил металлический голос.

Коп. Даже если у тебя альфа-потенциал, как у навозной мухи, копа почуешь за версту. Я повесил трубку.

Плохо дело, однако. В Японии для меня ничего не осталось. Мой паспорт находится в Международном отделе Братства, поэтому искать помощи у наших братьев в России или в Корее я не могу. Деньги опять же на исходе. Собственных средств у меня нет вообще: после

церемонии посвящения Братству перешло все до последней иены. Кровные родственники от меня отказались и выдадут полиции. Да и старые друзья из прошлой омраченной жизни тоже выдадут. Впрочем, меня это не огорчает. Когда наступят Белые Ночи, все нечистые пожнут то, что посеяли. Моя настоящая семья – это Братство.

У меня осталась еще одна надежда. Тайная служба Братства. В новостях ничего не сообщали об их аресте, – может, они успели уйти в подполье. Я набрал засекреченный номер телефона и произнес пароль: «Собаке нужен корм».

Молча ждал, как меня учили в Прибежище на инструктаже. Не вешать трубку: сотрудник Тайной службы сам отключится, когда специальная аппаратура зарегистрирует мои координаты. И тогда мне вышлют помощь. Мастер левитации прилетит с бумажником, полным хрустящих купюр. По моим альфа-сигналам он найдет меня, когда я буду один бродить на берегу или спать под сенью пальмовых кущ. Я проснусь, и он склонится надо мной – возможно, сияющий, как Будда или архангел Гавриил.

Остров Кумэдзима похож на грязную кровосмесительную тюрьму. Подумать только, некогда это был главный центр торговли между государством Рюкю и Китаем! Причаливали и отчаливали корабли, а в них – пряности, рабы, кораллы, слоновая кость, шелк, мечи, кокосовые орехи, пенька. В порту кипела жизнь, кричали грузчики, старухи с весами, сидя на коленках, торговали сушеной рыбой и фруктами. Девушки с податливыми грудями выглядывали из пыльных окон, заставленных цветочными горшками, шептали, зазывали...

Все это в прошлом. В далеком прошлом. Теперь Окинава – горстка убогих островов, из-за которых ведут распри владыки, в глаза их не выдавшие. Никто не хочет признавать, что эти острова сейчас гибнут. Молодежь уезжает в Японию. Сельское хозяйство приходит в упадок из-за отсутствия субсидий и твердых закупочных цен. Когда японские пацифисты добьются своего и захватчики-американцы уберутся восвояси, закрыв военные базы, экономика Окинав охнет и сдохнет. Рыбу ловят тралами. Дороги ведут в никуда. Всякое новое строительство заканчивается появлением бетонного фундамента, кучи гравия и зарослей чертополоха. Где, как не в этих местах, продолжить великое дело Его Провидчества! Я сгораю от желания разбудить этих людей, поведать им о Белых Ночах и Новой эре! Но я не имею права рисковать, привлекая к себе внимание. Моя последняя защита – в незаметности. Без нее останется рассчитывать только на свой альфа-потенциал новичка.

Вчера со мной заговорил местный полицейский-усач. Он стоял у магазинчика товаров для подводного плавания, завязывал шнурки, а я проходил мимо.

– Как отдохнули, господин Токунага?

– Замечательно. Благодарю вас, господин полицейский.

– Я слышал про вашу жену. Примите мои соболезнования. Такое горе!

– Вы правы, господин полицейский. – Я напруг весь свой альфа-потенциал, чтобы заставить его поскорее отвязаться.

– Значит, завтра уезжаете, господин Токунага? Госпожа Мори, хозяйка гостиницы, говорила, что вы на пару недель.

– Я подумываю остаться еще на несколько дней.

– Вот как? Разве вам не нужно на службу?

– Я сейчас разрабатываю новую компьютерную систему. Для этого не обязательно быть в Токио, я могу и здесь этим заниматься. А тишина и покой стимулируют вдохновение.

Полицейский понимающе кивнул:

– Я вот о чем... У нас старшеклассники недавно организовали компьютерный клуб, а моя невестка, жена брата, – директор школы. Госпожа Оэ. Да вы с ней уже встречались, у

госпожи Мори. Госпожа Оэ, она из деликатности сама вас не осмелилась беспокоить... Вот я и подумал...

Я молча ждал.

– Может быть, выкроите время и придете рассказать ребятам, чем занимается настоящая компьютерная компания? Конечно, если это вас не очень затруднит.

Похоже, я попал в ловушку. Но безопаснее отвертеться потом, чем отказаться сразу.

– Хорошо, с удовольствием.

– Огромное вам спасибо! Обрадую невестку, когда буду у брата...

На пляже встретил собаку лайку. Завидев меня, она залаяла. Я сразу понял, что Его Провидчество избрал ее для разговора со мной.

– А ты как думал, Квазар? Неужели рассчитывал, что зачинать Новую эру – эру человека осчастливленного – будет легко и просто?

– Нет, мой господин, не рассчитывал. Но когда же мастера йогической левитации проникнут в Белый дом и Европарламент и потребуют вашего освобождения?

– Кушай яйца, возлюбленный сын мой.

– Кушать яйца, мой Господин?

– Яйцо символизирует воскресение, Квазар. И соси побольше апельсиновых леденцов на палочке.

– А они что символизируют, Учитель?

– А ничего. В них много витамина С.

– Слушаюсь, мой Господин. И все-таки когда же мастера йогической левитации...

Но вместо ответа – только собачий лай да удивленные взгляды влюбленных, которые внезапно появились из-за груды ржавых нефтяных цистерн. Мы все трое смутились. Собака задрапа лапу и справила нужду на шину старого трактора. Океан равнодушно шумел.

Маленькая девочка в вязаной шапочке. Она улыбнулась мне. Значит, я ей понравился. Чепуха, как я мог ей понравиться? Просто непроизвольное сокращение лицевых мускулов, вот и все. Она лопотала и улыбалась мне. Ее мать повернулась узнать, кому улыбается дочка, и тоже улыбнулась мне. У нее были ласковые глаза. А я не улыбнулся в ответ. Я отвел взгляд в сторону. Лучше бы я им улыбнулся. Нет, лучше бы они мне не улыбались. Выжили они? Или отравились газом? Сумка стояла как раз напротив них. Если они не вышли из вагона, то газ быстро добрался до их губ, глаз, ноздрей, легких...

Мамочка. Папа!

Мы же просто отбиваемся от нападок! Не выходит из головы один случай. Я тогда служил у министра информации. Нечистый родственник одной нашей духовной сестры, кажется дядя, обратился в суд, чтобы помешать ей продать семейную ферму и землю. Он был адвокат по недвижимости. Секретная служба доставила этого родственничка к нам на допрос. Его Провидчество сразу понял, что перед ним убийца, подсланный нечистыми. Они вообразили, что Его Провидчество можно убить! Просто смешно! Да любой у нас в Прибежище знал, что лет тридцать тому назад во время поездки Его Провидчества в Тибет некий бесплотный разум, именуемый Арупадхату^[8], вселился в тело Его Провидчества и открыл Ему тайны высвобождения духа из оков плоти. Это стало началом восхождения Его Провидчества на святую гору. Даже если тело Его Провидчества будет разрушено, Он просто покинет старую оболочку и трансмигрирует в новую так же легко, как я переселяюсь из гостиницы в гостиницу. Он может трансмигрировать даже в своего убийцу.

Короче, пришлось вколоть этому адвокату сыворотку правды, и он во всем признался. В его задачу входило подбросить лишенный запаха яд в котлы с рисом в столовой. Говорили, что супруга Его Провидчества лично вела допрос.

Понимаете?! Мы просто отбиваемся от нападок.

Ногти на пальцах рук отслаивались.

Днем я пошел к маяку. Сидел на камне, смотрел на волны, на птиц. В сторону китайского берега в обход Тайваня двигался тайфун, горизонт темнел. На западе сгущались тучи, ветер усиливался. В штабе, конечно, обсуждали мое положение, чтобы принять решение. Не понимаю – что стряслось? Еще несколько месяцев – и мой альфа-потенциал достиг бы 25 единиц. Я стал бы одним из двухсот самых продвинутых жителей Земли – Его Провидчество сам так сказал. Он вручил мне несколько своих ресниц, чтобы я проглотил их. За успешное прохождение начального курса меня наградили пробиркой со спермой Его Провидчества, сперму я тоже принял внутрь. Сперма Его Провидчества подавляет нечистые гамма-ритмы, которые препятствуют обновлению. После этого из отряда, занятого уборкой туалетов, меня перевели в отряд чистильщиков. Впервые в жизни меня оценили по достоинству.

Рифленая железная крыша заброшенного сарая гремела под ветром.

А что, собственно, стряслось? Все в порядке, Квазар. Твоя вера привлекла к тебе внимание Его Провидчества. Твоя вера проведет тебя через Судные дни, через Белые Ночи, ты ступишь на Новую Землю. И сейчас твое спасение лишь в твоей вере.

Все-то на этом богом забытом острове рассыпается, разваливается. Нужно было оставаться в Нахе. А то затерялся бы в заснеженной деревне, или на ледяном Хоккайдо, или даже в большом городе. Интересно, а что стало с господином Икэдой? Куда попадают те, кто сорвался с обрыва твоей жизни?

Тайфун приближался.

Никогда не раздвигаю занавески на окнах. Нашему министру обороны сообщили, что правительство нечистых разработало микрокамеры – их вживляют в черепа чайкам, которые потом проходят специальный курс дрессировки в шпионской школе. Я уж не говорю об американских разведывательных спутниках, опутавших все небо над земным шаром. Они ведут слежку за Братством по поручению политиков и евреев, которые давным-давно устроили масонский заговор и подкупают китайцев, чтобы те загрязняли родник истории человечества.

Я сидел на пустынной косе, прислонясь спиной к стене маяка. Вдали показался свет фар, приближался, нащупывая меня. Я огляделся – где бы спрятаться? Негде. Чайка уставилась на меня. Какое злое у нее лицо. Подъезжает синяя с белым машина. Поздно, скрыться некуда. Передняя дверца открылась, и салон озарился слабым светом.

Меня разыскали! Остаток вечности проведу в камере...

И вдруг меня охватило странное чувство облегчения. Все кончилось. По крайней мере, больше не нужно убегать.

Рука смахнула что-то с переднего сиденья, ее обладатель выглянул из машины.

– Господин Токунага, если не ошибаюсь?

Я мрачно кивнул и сделал шаг навстречу своему тюремщику.

– Вы-то мне и нужны. Меня зовут Ота. Я начальник порта. Мой брат разговаривал с вами насчет лекции в школе, которой заведует моя жена. Хотите, подброшу вас в город? Вы наверняка устали – вон в какую даль забрались, и все на своих двоих.

Я послушно сел в машину и дрожащими руками пристегнул ремень.

– Как хорошо, что я мимо проезжал. Было штормовое предупреждение, слышали? Гляжу – сидит кто-то, сгорбился, вид такой, словно ждет конца света. Не Токунага ли это, думаю. Неважно чувствуете себя сегодня?

– Нормально.

– Наверное, вы переусердствовали с морским воздухом. Наш воздух хорошо освежает мозги, но не в лошадиных же дозах... Вы очень много гуляете... Мне сказали про вашу жену... Искренне вам сочувствую.

– Смерть – это часть жизни.

– Верная мысль, согласен. Но ведь с чувствами так трудно совладать.

– Только не мне. Я прекрасно владею своими чувствами.

Он притормозил и погудел козлу, стоявшему посреди дороги. Козел презрительно фыркнул и удалился в поле.

– Надо сказать госпоже Бэссё, что Калигула опять сбежал. Козы все сожрут. Так вы говорите, что владеете своими чувствами. Замечательно, замечательно. Будет преступлением, если вы тут не поныряете, это я вам точно говорю. Какие у нас рифы! К северу от экватора лучших просто не найти – так все считают. А наша молодежь ждет не дождется, когда к ним в школу придет настоящий компьютерщик! Может, и не бог весть какие отличники, но ребятки они славные. Господин Токунага, если вы завтра свободны, жена приглашает вас на ужин. Так вот, господин Токунага, расскажите о себе...

Дорога свернула к порту, как и все дороги на этом острове.

Тучи вычеркивали звезды с ночного неба, одну за другой.

Токио

* * *

Дождливое утро. Весна опаздывала. Я тоже. Горожане спешили на работу, подняв воротники и зонтики. Вишневые деревья в переулке выглядели совсем по-зимнему – мокрые голые ветви, корявые стволы в оспинах. Я выудил из кармана ключи, поднял ставни и открыл магазин.

Пока закипала вода для чая, я просмотрел почту. Несколько заказов – отлично. Счета на оплату – плохо. Пара запросов от постоянного клиента из Нагано по поводу редких пластинок, о которых я никогда не слышал. И всякая макулатура. Совершенно заурядное утро. Пора выпить чаю. Ставлю очень редкий диск Майлза Дэвиса, который Такэси откопал в коробке со всякой музыкальной всячиной, купленной в прошлом месяце на аукционе в Синагаве^[9].

Это шедевр. «It Never Entered My Mind»^[10] – тут и счастье, и отчаяние. Ювелирная работа сурдиной, звук трубы сфокусирован в один луч. Медная тарелка солнца прячется в облаках.

Первым покупателем на этой неделе оказался иностранец – то ли американец, то ли европеец, а может, австралиец. Попробуй разбери их – они же все на одно лицо. Короче, долговязый прыщавый иностранец. Но коллекционер настоящий, не праздный зевака. В глазах – искра одержимости, пальцы привыкли быстро-быстро перебирать метровые стопки дисков: так кассир в банке пересчитывает банкноты. Он купил минтовый первопресс «Stormy Sunday»² Кенни Баррелла^[11] и «Flight to Denmark»³ Дюка Джордана^[12], пластинка 1973 года. Еще на нем была крутая футболка: летучая мышь кружит над небоскребом, а за ней тянется звездный шлейф. Я спросил, из какой он страны. Он ответил: «Большое спасибо». Все-таки европейцам плохо дается японский.

Чуть погода позвонил Такэси:

– Сатору! Как вчера отдохнул?

– Да ничего особенного. Днем – урок игры на саксе, потом заглянул к Кодзи. А, еще помог Таро выгрузить доставленное пиво.

– Чеков на эпические суммы не присылали?

– Нет, ничего особо эпичного. Мелочевка всякая. А ты как провел выходные?

Собственно, ради этого вопроса он и звонил.

¹ «Мне и не приходило в голову» (англ.).

² «Бурное воскресенье» (англ.).

³ «Полет в Данию» или «Бегство в Данию» (англ.).

– Забавно, что ты спросил! В пятницу познакомился в одном клубе в Роппонги^[13] с божественной крошкой! – (Даже по телефону почти слышно, как у него текут слюнки.) – Двадцать пять лет, прикинь! – (Для Такэси это идеальный возраст, он на десять лет старше.) – Помолвлена! – (А это обстоятельство привносит аромат адюльтера и снимает с Такэси ответственность. «Трахаться только с теми женщинами, которым есть что терять» – таков его девиз.) – Тусовались до четырех утра. Просыпаюсь в субботу после полудня в какой-то гостинице в районе Тиёда^[14], вся одежда наизнанку. Понятия не имею, как мы там оказались! Тут она выходит из душа – голая, загорелая, капельки стекают по коже! И опять хочет, прикинь!

– Да, райское наслаждение. Вы еще встретитесь?

– А как же, конечно встретимся. У нас же любовь с первого взгляда! Сегодня ужинаем во французском ресторане в Итигае^[15]. – (Это означало, что им предстоит ночь любви в доме свиданий где-нибудь в Итигае.) – Серьезно, видел бы ты ее попку! Два спелых персичка! Едва коснешься – сок так и брызжет!

Лучше бы он не упоминал этих подробностей.

– Так говоришь, она помолвлена?

– Ага. С клерком из отдела конструкторских разработок производства чернильных картриджей для копировальных устройств компании «Фудзицу». Он знаком со знакомым начальника ее папы.

– Вот уж повезло парню.

– Да нет, все нормально. Никто ж не видал, верно? Из нее наверняка получится милая маленькая женушка. Просто сейчас ей хочется перебеситься, прежде чем заделаться домохозяйкой на всю оставшуюся жизнь.

Похоже, девица загуляла. А Такэси вроде бы забыл, что всего две недели назад пытался помириться с женой, с которой они живут раздельно.

А дождь все шел и шел – вместо покупателей: те сидели по домам. Дождь то усиливался, то затихал, то опять усиливался. В телефонных проводах шипело статическое электричество. Как перкуссия Джимми Кобба в «Blue in Green»^{4[16]}.

Такэси на миг умолк – видно, ждал от меня какой-то реакции.

– А что она из себя представляет? Какой у нее характер?

– Отменный, – ответил Такэси так, словно я поинтересовался новым сортом рисового печенья. – Ну ладно, мне пора. Пойду взбодрю моего риелтора. А то вообще не шевелится, и дело не с места. А ты давай там, торгуй как следует, заработай мне побольше денежек. Если что, звони на мобильный.

Вот уж чего я никогда не делал. Он повесил трубку.

Двадцать миллионов людей живут и работают в Токио. Город так огромен, что никто не знает, где он заканчивается. Он давно уже вышел за пределы равнины и с запада карабкается в гору, а на востоке отвоевывает землю у залива. Город непрерывно перечерчивает свои границы. Путеводители устаревают, не успев выйти из типографии. Город раскинулся ввысь, вширь и вглубь. У тебя под ногами и над головой непрерывное движение. Люди, эстакады, автомобили, тротуары, пешеходные переходы, линии подземки, офисы, небоскребы, электрические провода, трубопроводы, жилые здания обступают со всех сторон, наваливаются на тебя. Нужно усилие, чтобы сопротивляться этой массе, иначе превратишься в пылинку, в муравья, затянутого в водоворот. В городах поменьше человек может использовать окружающее пространство, чтобы отделить себя от других, чтобы напоминать себе о своей сути. Другое дело – Токио. Здесь человек – за исключением президентов компаний, гангстеров, политических дея-

⁴ «Синее на зеленом» (англ.).

телей и императора – лишен этого пространства. В вагонах метро тела вдавлены друг в друга, несколько рук цепляются за один поручень. Окна квартир смотрят в окна квартир напротив.

Поэтому в Токио, если хочешь спастись, приходится создавать *внутреннее* пространство – у себя в голове.

Все решают эту задачу по-разному. Кто-то выбирает физическую нагрузку до боли, до седьмого пота, до изнеможения. Такие предпочитают спортзалы и плавательные бассейны. Они же бегают трусцой в маленьких вытоптанных скверах. Кто-то предпочитает другое прибежище – телевизор. Там ярко, шумно и весело, там вечный праздник и не смолкают шутки, а законсервированный смех на всякий случай подсказывает, когда хохотать. Новости из-за рубежа обработаны с тонким расчетом: волновать, но не слишком, а ровно настолько, чтобы дать человеку повод еще раз порадоваться, как ему повезло родиться в своей стране. Под музыку вам объяснят, кого ненавидеть, кого жалеть, над кем смеяться.

Личное пространство Такэси – ночная жизнь. Клубы, бары и женщины, которые там обречаются.

Есть множество других пространств такого же рода. Все вместе они образуют еще один Токио, только невидимый. Он существует лишь в нашем сознании – сознании его обитателей. Интернет, манга, голливудское кино, апокалиптические секты – это все своего рода укромные уголки, тайные прибежища, куда отправляется человек, чтобы ощутить свою индивидуальность. Иные с ходу начинают рассказывать вам про свой уголок и тараторят без умолку весь вечер. Другие хранят свое прибежище в тайне от чужих глаз, словно садик высоко в горах.

А те, кто не находит себе прибежища, в конце концов бросаются на рельсы подземки.

Мое прибежище – джаз. Джаз – самый прекрасный из всех укромных уголков на свете. Краски и чувства там рождаются из звуков, а зрение ни при чем. Ты словно ослеп, но видишь больше. Вот почему я работаю в магазине у Такэси. Только об этом никогда никому не рассказываю.

Зазвонил телефон. Мама-сан.

– Сато-кун, Акико и Томоми подхватили жуткий грипп, который гуляет по городу, да и Аяка еще не оправилась. – (На прошлой неделе Аяка сделала аборт.) – Поэтому я сама открываю бар. Придется пойти пораньше. Ты сможешь где-нибудь поужинать?

– Мне уже исполнилось восемнадцать! Я смогу где-нибудь поужинать, что за вопрос!

Она рассмеялась своим каркающим смехом.

– Ты славный мальчуган! – И повесила трубку.

Настроение как раз для Билли Холидей. Я имею в виду «Lady in Satin»⁵, которую она записала после дозы героина и бутылки джина за год до смерти^[17]. В голосе – обреченные ноты осеннего гобоя.

Интересно, что случилось с моей настоящей матерью. Нет, я не то чтобы стораю от любопытства. Толку-то сторать. Мама-сан сказала, что ее депортировали обратно на Филиппины и запретили приезжать в Японию. Но иногда, очень-очень редко, я думаю о ней – где она сейчас, что делает и вспоминает ли обо мне.

По словам Мамы-сан, когда я родился, моему отцу было восемнадцать. Теперь мне столько же. Его, конечно, выставляют жертвой. Этаким невинный парнишка, которого соблазнила коварная иностранка – сцапала, как акула, чтобы заполучить визу. Ясно, что правды я не узнаю, если только не разбогатею и не найму частного сыщика. Думаю, у семьи моего отца водятся денежки, если он в моем нежном возрасте захаживал в хостес-бары, а потом вышел сухим из этой скандальной истории. Интересно знать, какие чувства они с матерью питали друг к другу, если питали.

⁵ «Дама в атласном платье» (англ.).

Он как-то раз заходил. Я почти уверен, что это был он. Крутой, на вид лет под сорок. Походные ботинки, темно-рыжая замшевая куртка. Серьга в ухе. Лицо сразу же показалось знакомым, будто я его где-то раньше видел, но тогда подумал, что он, наверное, музыкант. Он прошелся по магазину, спросил пластинку Чика Кория^[18], которая у нас, к счастью, была. Он расплатился, я упаковал диск, и он вышел. Только тут я сообразил, на кого он похож. На меня.

Я попробовал рассчитать вероятность нашей случайной встречи в таком мегаполисе, как Токио, но калькулятор зашкалило – не влезали все знаки после запятой. Тогда я предположил, что он приходил посмотреть на меня. Может, думал обо мне, как и я о нем. Нам, сиротам, приходится всю жизнь трезво относиться к вещам, поэтому при первом же удобном случае мы начинаем все романтизировать, да еще как! Хотя, в общем-то, я не то чтобы настоящий сирота из детского дома. У меня всегда была Мама-сан.

Я на минутку вышел из магазина, чтобы почувствовать капли дождя на коже. Будто чье-то дыхание. Какой-то фургон резко затормозил и библикнул старушке, которая толкала перед собой тележку. Старушка оглянулась и замахала на него руками, как ведьма. Фургон прерывисто забибикал, как оскорбленный пупс. Мимо проплыла длинноногая красotka в норковом пальто, ничуть не сомневаясь в своей безумной привлекательности. За ней вышагивал богатенький муж, вел на поводке пса с вислой складчатой шкурой. В белозубой пасти телепался громадный язык. Красotka перевела взгляд в сторону и, прежде чем скрыться из виду, мельком заметила меня – выпускника средней школы, гробящего свои молодые годы в убогой лавчонке, где и посетителей-то обычно почти не бывает.

Это мое прибежище. Еще один диск Билли Холидей. Она пела «Some Other Spring»^[19], и слушатели аплодировали, пока не растворились в знойной душной ночи полузабытого чикагского лета.

Телефон.

– Привет, Сатору. Это я, Кодзи.

– Ничего не слышу! Что там у тебя гроыхает?

– Я из институтской столовой.

– Как экзамен по машиностроению?

– Пришлось попытеть...

Ну ясно, сдал на отлично.

– Поздравляю! Значит, в храме побывал не зря? Когда объявят результаты?

– Недели через три-четыре. Главное, все позади. Уже хорошо. А поздравлять меня пока рано... Слушай, отец сейчас в Токио. Мама сегодня готовит сукияки^[20]. Вот они и подумали: может, зайдешь, поможешь нам с ним управиться? Как ты, старик? А засидимся – переночуешь в комнате сестры. Она с классом уехала на экскурсию на Окинаву.

Я что-то промычал и мысленно вздохнул. Вообще-то, родители Кодзи – славные, порядочные люди, одно плохо – считают своим долгом наставлять меня на путь истинный. Никак в толк не возьмут, что меня вполне устраивает моя жизнь – с дисками, с саксофоном и с моим укромным уголком. Их участие объясняется жалостью, а вот жалости я не перевариваю, лучше буду дерьмо ложкой лопать, как и полагается сироте.

Но Кодзи – мой друг. Пожалуй, единственный.

– Спасибо, приду с удовольствием. Что захватить?

– Ничего, захвати себя.

Значит, цветы для мамы и пиво для папы.

– Я буду сразу после работы.

⁶ «Будет другая весна» (англ.).

- О'кей, до встречи.
- До встречи.

Это время дня всегда ассоциируется у меня с Мэлом Уолдроном. Вечер подступил внезапно. Хозяин овощной лавки начал заносить внутрь ящики с белым редисом, морковкой и корнями лотоса. Опуская ставни, он заметил меня и сдержанно кивнул. Он никогда не улыбается. Прогрохотал грузовик, и стайка голубей рассыпалась в разные стороны. Нотки «Left Alone»⁷ дробинками падали на дно глубокого колодца: звуки саксофона Джеки Маклина^[21] кружили в воздухе, исполненные такой печали, что едва поднимались над землей.

Открылась дверь, пахнуло свежим воздухом, дочиста промытым дождем. Вошли четыре старшеклассницы, но одна из них – совершенно, совершенно особенная. Она сияла и переливалась невидимым светом, будто квазар. Я понимаю, это звучит глупо – но что поделаешь, если она светилась!

Три вертихвостки сразу бросились к прилавку. Хорошенькие, спору нет, но можно подумать, что все три вылупились из одного яйца. Волосы одинаковой длины, помада одного цвета, одинаковые фигуры в одинаковой школьной форме. Одна – видимо, заводила – жеманным и капризным голосом потребовала последний хит, от которого балдели все подростки.

Я не очень-то к ним прислушивался. Я не умею описывать женщин, не то что Такэси или Кодзи. Но если вы слышали «After the Rain»⁸ Дюка Пирсона^[22] – то вот, четвертая была так же чиста и прекрасна.

Она остановилась у окна и посмотрела на улицу. Что ее там привлекало? Чувствовалось, что она стесняется своих одноклассниц. Да и как могло быть иначе! Она была такая живая и настоящая рядом с этими картонными куклами. Она жила настоящей жизнью, которая и делала ее такой настоящей, и мне захотелось узнать эту жизнь, прочесть, как книгу. У меня возникло странное чувство. Точнее, я подумал... Не помню, что я подумал... Впрочем, вряд ли я думал вообще...

Она замерла и слушала музыку! Боялась шевельнуться, чтобы не вспугнуть музыку.

– Так есть у вас этот диск или нет, я спрашиваю? – визгливо осведомилась вырезанная по трафарету девчонка. Наверное, нужно долго тренироваться, чтобы голос зазвучал так противно.

Две другие захихикали.

У заводилы в кармане зазвонил телефон. Она его достала.

Я разозлился на девиц, потому что они мешали мне смотреть на четвертую.

– Слушайте, наш магазин для коллекционеров. То, что вам надо, продается в ларьках с игрушками у метро.

Богатые девчонки из Сибуи – болонки, откормленные трюфелями. Девушки в баре у Мама-сан прошли суровую школу выживания. Им нельзя потерять клиентов, нельзя потерять лицо, нельзя потерять себя. Да, жизнь оставила на них глубокие шрамы. Но они себя уважают, и это сразу видно. Они уважают друг друга. И я уважаю их. Они настоящие.

А в девчонках, которые молятся на глянцевые журналы, нет ничего настоящего. У них журнальное выражение лица, они щебечут на журнальном языке и одеты все по-журнальному. Не знаю, можно ли их винить. Конечно, шрамы не украшают. Но посмотрите! Эти девчонки такие же пустые, глянцевые, одинаковые и бездушные, как их журналы.

– Мальчик слегка не в духе сегодня? Подружка продинамила? – Заводила наклонилась над прилавком, призывно раскачиваясь в нескольких сантиметрах от меня.

⁷ «Одиночество» (англ.).

⁸ «После дождя» (англ.).

Я представил, как она с таким же выражением лица переходит из бара в бар, из бара в автомобиль, из автомобиля в дом свиданий.

Подружки прыснули со смеху и оттащили ее прежде, чем я успел придумать в ответ что-нибудь остроумное. Они направились к дверям.

– Ну, что я тебе говорила! – фыркнула одна девушка.

Другая все еще болтала по телефону:

– Понятия не имею, где мы. Какой-то паршивый магазин возле паршивого сарая. А ты где?..

– Так ты идешь? – Заводила повернулась к *ней*, а *она* все так же стояла у окна и слушала Мэла Уолдрона.

«Нет, – гипнотизировал я ее. – Скажи „нет“ и останься со мной, в моем уголке».

– Повторяю, – отчеканила заводила. – Ты – идешь – с – нами?

Может, она глухонемая, подумал я.

– Да, пожалуй, – откликнулась она удивительным голосом. Таким живым и настоящим.

«Оглянись, – мысленно взмолился я. – Оглянись. Взгляни на меня. Хотя бы раз – взгляни на меня».

В дверях она обернулась и посмотрела на меня через плечо. Мое сердце подпрыгнуло, как на батуте, а она следом за остальными вышла на улицу.

* * *

На вишневых деревьях набухали почки, их острые кончики распирали красновато-коричневую оболочку, надрывали ее изнутри. Голуби курлыкали и прохаживались с важным видом. Интересно, они напускают на себя важность, чтобы произвести впечатление на противоположный пол, или они по натуре пижоны? Вот что следовало бы изучать в школьной программе, а не всякую чепуху типа «как называется столица Монголии». Воздух стал теплым и влажным. На улице было душно, как в палатке. В соседнем здании дрель вгрызалась в бетон. Такэси сказал, что там готовится к открытию очередной магазин спортивного снаряжения для серфинга и водных лыж. Просто диву даешься, сколько у нас в Токио любителей серфинга и водных лыж.

Я включил сборник Чарли Паркера на полную громкость, чтобы заглушить скрежет металла. Чарли Паркер, пылкий и затейливый, уж он-то не понаслышке знал, что такое жестокость. «Relaxin' in Camarillo», «How Deep is the Ocean?», «All the Things You Are», «Out of Nowhere», «A Night in Tunisia»⁹[23].

Я мысленно нарядил ту девушку в ситцевое платье^[24], но она ускользнула в североафриканскую ночь.

Быть не таким, как все, вот как я, – ничего хорошего.

Однажды мы с Кодзи пошли в Роппонги, он был в ударе и завел знакомство с двумя девчонками из Шотландии. Я-то сперва подумал, что они учительницы в какой-нибудь задрипанной английской школе, но нет, оказалось – «экзотические танцовщицы». Кодзи здорово говорит по-английски – в классе всегда был одним из первых. Я-то не особо налегал на английский – это девчачий предмет, но, когда открыл для себя джаз, признался английским дома, сам, чтобы читать интервью с великими музыкантами, а они все сплошь американцы. Но читать – это одно, а говорить – совсем другое. Поэтому Кодзи приходилось работать за переводчика. Так вот, эти девчонки сказали, что у них на родине каждый стремится быть не как все. Ради этого красят волосы в такой цвет, как ни у кого, покупают одежду, как ни у кого, увлекаются музы-

⁹ «Отдых в „Камарильо“», «Как глубок океан?», «Все это – ты», «Из ниоткуда», «Ночь в Тунисе» (англ.).

кой, которой никто не знает. Просто не верится! Потом они спросили: отчего здесь наоборот, все девчонки хотят походить друг на друга? Кодзи ответил: «Потому что они девчонки! Почему все копы одинаковые? Потому что они копы, вот почему». Тогда одна из этих шотландок спросила: а почему японские ребята, как мартышки, подражают американцам? Одежда, рэп, скейт-борды, стрижки. Я сказал, мол, дело не в том, что они так уж обожают все американское, просто отвергают все японское, доставшееся от родителей. Но поскольку собственной молодежной культуры у нас нет, вот им и приходится брать первое, что под руку попадет, а это, естественно, американское. Но вообще-то, не американская культура имеет нас, а мы имеем ее.

У Кодзи возникли трудности с переводом последней фразы.

Я начал расспрашивать девушек про личное пространство: есть ли у них по жизни свой уголок. Подумал, такой разговор как раз в тему. Но ничего путного не добился, если не считать того, что в Японии, дескать, квартирки ужасно маленькие, а вот в Англии все дома с центральным отоплением. Потом подошли их приятели-моряки, здоровенные американские гориллы. Они без особого интереса смерили нас с Кодзи взглядом, и мы отчалили, решив, что самое время пропустить по стаканчику в баре.

Да, жизнь у меня, конечно, не такая, как у всех. В старших классах ко мне прикапывались из-за того, что нет родителей. Даже подработать и то было сложно устроиться – все равно как если у тебя родители корейцы. Людям до всего есть дело. Проще, конечно, было сказать, что родители погибли в автомобильной катастрофе, но я не собираюсь врать в угоду каждой дубовой башке. К тому же, если говорить о человеке, что он умер, судьба сочтет это намеком и пошлет ему смерть. В Токио слухи распространяются телепатически. Город гигантский, но всегда есть кто-то, у кого есть знакомый, который знает твоего знакомого. Анонимность не исключает совпадений, она только делает их более поразительными. Вот почему я до сих пор убежден, что мой отец вполне может зайти к нам в магазин.

Так что с младших классов я вынужден был драться. Я часто проигрывал, но это не важно. Таро, вышибала в баре Мамы-сан, всегда говорил, что лучше терпеть поражение в драке, чем терпеть обиду. Проиграть бой лучше, чем отказаться от него: так закаляешь волю, а это главное. Таро внушал мне, что уважают того, у кого сильная воля, а труса не уважает даже трус. Он учил меня, как ударить головой, если противник выше ростом, как бить коленом в пах, как выкручивать руки. Поэтому в старших классах уже мало кто решался меня задевать. Помню, однажды возле школы меня поджидала шайка молодых якудза: чьему-то брату я на перемене раскровенил нос. До сих пор не знаю, кто предупредил Маму-сан – Кодзи, наверное, – потому что она в тот день попросила Таро меня встретить. Он выждал, когда в парке меня окружили, потом подошел и напугал их до усрачки. Вот так-то. Мне только сейчас пришло в голову, что Таро, по сути, всегда был мне как отец.

В магазин вошел заскорузлый тип в кроваво-красном пиджаке. Не обращая внимания на меня, он отыскал стеллаж с Чарльзом Мингусом^[25] и скупил почти все, что было на полках, включая раритеты. Купюры в десять тысяч иен он комкал, как туалетную бумагу. Его глазные яблоки странно подергивались в такт басам. Он водрузил на стойку картонную коробку, сложил туда купленное и ушел. Даже скидкой не поинтересовался, хотя я готов был ее предоставить. Я остался один на один с кучей денег и сразу позвонил Такэси, сообщить хорошую новость, мол, пусть заедет вечером, заберет деньги – у него же вечно проблемы с наличными.

– Вот это да! – обрадовался Такэси. – Тогда живем, малыш! Просто здорово, здорово, здорово!

В трубке слышались звуки галлюциногенной музыки, напоминающей мигрень, и стоны изнемогающей от щекотки женщины.

Сообразив, что вклинился не вовремя, я попрощался и повесил трубку.

А было еще только одиннадцать утра!

В старших классах Кодзи считался заучкой, а значит, тоже не таким, как все. Аутсайдером. Вообще-то, он мог бы пойти в школу гораздо лучше нашей, но, пока ему не исполнилось пятнадцати, отца часто переводили с места на место, и Кодзи нелегко было каждый раз заново приспособливаться. К тому же у Кодзи всегда были страшные проблемы с физкультурой – спортсмен из него никакой. Клянусь, я не видел, чтоб он хоть раз за три года попал бейсбольной битой по мячу. А однажды, когда он размахнулся что было сил, бита вырвалась у него из рук, полетела, как баллистическая ракета, и угодила прямо в господина Икэду, нашего учителя физкультуры, который боготворил Юкио Мисиму, но вряд ли за всю свою жизнь хоть одну книгу прочел до конца.

От смеха меня скрючило пополам, поэтому я не видел, смеялся еще кто-нибудь или нет. Этот смех мне дорого обошелся: весь семестр мы с Кодзи убирали туалеты. Тогда-то я и узнал, что он увлекается игрой на фортепьяно. А у меня был саксофон. Так вот мы и подружились. Благодаря учителю физкультуры, из которого вышибло дух, и самым вонючим туалетам во всей системе национального образования.

В обед пришел один из наших завсегдатаев, господин Фудзимото. Прозвенел дверной колокольчик, и под порывом ветра затрепетали бумаги на прилавке. Господин Фудзимото засмеялся. Он всегда смеется, потому что рад меня видеть. Как обычно, он выложил на прилавок стопку книг для меня. Я каждый раз пытаюсь отдать ему деньги, а он каждый раз не берет. Говорит – это плата за мои консультации по джазу.

– Здравствуйте, господин Фудзимото! Как дела на работе?

– Отвратительно!

Господин Фудзимото говорит очень громко, при любых обстоятельствах, будто больше всего на свете боится, что его не услышат. А когда он хохочет от души, то просто чувствуешь, как звуковая волна толкает тебя в грудь.

Наш магазин находится между деловым кварталом Отэматэ и издательским кварталом Отяномидзу, и наши покупатели, как правило, работают либо там, либо там. Отличить одних от других не составляет труда. У тех, кто имеет дело с большими деньгами, появляется сосредоточенный, голодный взгляд. Его трудно описать словами, но это так. Для таких деньги – внутреннее прибежище. К тому же деньгами можно измерять свою значимость.

А служащие издательств – совсем другой народ, они одержимы маниакальной веселостью. Господин Фудзимото – прекрасный тому пример. Он каламбурит без конца и бездарно. Вот образчик:

– Добрый день, Сатору-кун! Ты бы не мог попросить Такэси, чтобы он поставил сюда стул поудобнее? А то он, как всегда, гуляет, а тебе – сиди и сиди!

– Ну что вы! Я не сижу, я работаю, – с опаской возражаю я, предчувствуя развязку.

– А я и сказал – тебе «си-ди», CD! – хохочет он.

Я невольно морщусь, но его это не смущает. По нему, чем хуже, тем лучше.

На этот раз господин Фудзимото искал чего-нибудь в духе Ли Морган^[26]. Я порекомендовал ему «A Caddy for Daddy»¹⁰ Хэнка Мобли^[27], и он купил пластинку не раздумывая. Я знаю его вкус. Чем фанковей, тем лучше. Я вручил ему сдачу, а он неожиданно посерьезнел, снял очки с толстыми стеклами, протер их и сказал более официальным тоном:

– Позволь поинтересоваться, Сатору, не намерен ли ты в следующем году подавать документы в колледж?

– Да что вы, нет, конечно...

¹⁰ «Кадиллак для папочки» (англ.).

– Ты еще не выбрал профессию?

Он уже не раз заводил этот разговор. Я знал, к чему он клонит.

– Нет; правда, пока у меня нет конкретных планов. Поживем – увидим.

– Разумеется, Сатору, это абсолютно не мое дело, и прости, что вмешиваюсь. Я позволяю себе это лишь потому, что у меня на работе открылась пара вакансий. Конечно, скромных. Немногим лучше должности редакционного мальчика на побегушках. Но если ты заинтересуешься, с радостью дам тебе рекомендацию. И на собеседование устрою. По-моему, неплохой вариант. Знаешь, когда-то я сам так начинал. Отчего ж не пособить хорошему человеку.

Я обвел взглядом магазин.

– Это очень заманчивое предложение, господин Фудзимото. Но я не знаю, что сказать.

– Обдумай все хорошенько, Сатору. Я на несколько дней уеду по делам в Киото. Пока не вернусь, собеседования не начнутся. С твоим боссом я сам могу поговорить, если это тебя смущает. Я знаю, Такэси хорошо к тебе относится, так что не станет вставлять палки в колеса.

– Нет, не в этом дело. Благодарю вас. Просто я должен все хорошенько обдумать. Еще раз благодарю... Сколько с меня за книги?

– Нисколько. Это гонорар за твои консультации. Некоторые образцы мы раздаем бесплатно, для рекламы. Карманные издания классики в мягкой обложке. Помню, тебе понравился «Великий Гэтсби». Я принес рассказы Фицджеральда в новом переводе Мураками. А вот еще «Повелитель мух», очень смешно. И новый Гарсиа Маркес.

– Вы очень добры.

– Ерунда! Так ты всерьез подумай об издательской карьере. Не худший способ зарабатывать на жизнь.

Я все время думал о той девушке. Двадцать, а может, тридцать, а может, сорок раз на дню. Начинать думать о ней и не хотел останавливаться, как не хочется зимним утром вылезать из-под теплого душа. Приглаживал пальцами волосы и рассматривал себя в диск Фэтса Наварро^[28], будто в зеркало. Встретимся ли мы еще? Я даже не помнил точно ее лица. Нежная кожа, высокие скулы, миндалевидные глаза. Эдакая китайская императрица. Думая о ней, я вспоминал не лицо. Просто впечатление. Цвет, у которого еще нет названия. Звук, еще не сложившийся в слово.

Я сам на себя злился. Не то чтобы я рассчитывал снова встретить ее. Токио есть Токио, как ни крути. И потом, допустим даже, что мы встретимся. Из чего следует, что она обратит на меня хоть малейшее внимание? Моя голова так устроена, что я могу думать зараз только об одном. По крайней мере, надо думать о чем-то толковом.

Я решил обдумать предложение господина Фудзимото. И вправду – что я тут делаю, в этом магазине? Кодзи строит свою жизнь. Все мои одноклассники либо учатся в колледжах, либо пристроены в хорошие фирмы. Мама Кодзи регулярно докладывает мне об их успехах. А я что делаю?

За окном проехал тип в инвалидной коляске.

Нет уж, тут мой уголок, мое место в жизни. Пришло время слушать джаз.

«Undercurrent»¹¹ Джима Холла и Билла Эванса. Альбом то зыбкий, как океанская гладь под ветром, то тихий и медленный, как река под деревьями. А еще в нем есть композиции, где аккорды сверкают и рябят во внутренних морях.

И девушка тоже в нем была. Плыла на спине, обнаженная, течение ее покачивало^[29].

¹¹ «Подводное течение» (англ.).

Я заварил себе зеленого чая и смотрел, как над чашкой поднимается пар и смешивается с запыленным днем. Кодзи постучал в окно, дурашливо улыбнулся, прижал физиономию к стеклу и стал похож на ехидного карлика.

Я улыбнулся в ответ. Он вошел своей размашистой прыгающей походкой.

– Где это ты витаешь? – спросил он. – Я по дороге заглянул в «Мистер Донат»^[30]. Как насчет ванильного пончика?

– Отлично. Давай-ка налью тебе чаю. Вчера получили прекрасный диск Кита Джарретта, ты обязан послушать! Просто не верится, что он импровизирует все это на ходу!^[31]

– Ну, это печать гения. Может, когда закончишь работу, сходим куда-нибудь, посидим?

– Куда?

– Не знаю. Туда, где бывают сексапильные девушки, которые изголодались по свежему мужскому телу. Может, в бар Студенческого союза? Но если ты сегодня вечером занят поиском смысла жизни, отложим до другого раза. Закурим?

– Давай. Бери стул, садись.

Кодзи очень нравится разыгрывать из себя прожженного волокиту с черствым сердцем, на манер Такэси. На самом деле сердце у него мягче ванильного пончика. За это я его тоже люблю. Мы закурили.

– Кодзи, а ты веришь в любовь с первого взгляда?

Он откинулся на спинку стула и плотоядно оскалился:

– И кто же она?

– Нет, нет, нет. Никто конкретно. Я спрашиваю в принципе.

Кодзи задумчиво посмотрел в потолок, выпустил колечко дыма и изрек:

– Я верю в страсть с первого взгляда. Только нужно сохранять твердость, иначе превратишься в слизняка. А в слизняков не влюбляются. Ни в коем случае не смей показывать свои чувства. Иначе ты пропал, – заявил Кодзи и продолжил тоном Хамфри Богарта: – Будь загадочен, малыш. Будь жесток. Понял?

– Понял, понял. Буду брать пример с тебя. Когда ты прошлый раз влюбился, ты был жесток, как Бемби. А если серьезно?

– А если серьезно... – Кодзи выпустил еще одно колечко дыма. – По-моему, любовь вырастает из понимания. Нужно очень хорошо узнать человека, чтобы полюбить его. Поэтому любовь с первого взгляда – явное противоречие. Если, конечно, с первым взглядом не происходит мистическая загрузка гигабайтов информации из одного мозга в другой. Но это ведь маловероятно, правда?

– Хм. Кто его знает...

Я налил другу чашку чая.

* * *

Вишневые деревья как-то внезапно зацвели. Волшебная кипень колыхалась над головой и наполняла воздух красками, которые невозможно описать обычными словами вроде «белое» или «розовое». Как невзрачным деревцам из безымянных закоулков удастся породить эту нездешнюю материю? Ежегодное чудо, которое не укладывается у меня в голове.

Такое утро просто требовало Эллы Фицджеральд. На свете много чудес, что ни говори. Достоинство, благородство, доброта и юмор встречаются там, где не ждешь. Уже старухой, с ампутированными ногами, в инвалидной коляске, Элла пела как школьница, встретившая первую любовь.

Зазвонил телефон.

– Это Такэси.

– Привет, босс. Как дела? Все хорошо?

– Ничего хорошего. Хуже некуда.

– Что случилось?

– Я идиот. Полный идиот. Законченный идиот. Почему, почему люди так по-идиотски себя ведут? – (Он уже был пьян, а я успел выпить только чашку чая.) – Скажи, Сатору, в каком месте у человека рождаются такие желания? Нет, ты мне скажи! – требует Такэси, словно я наверняка знаю, но из вредности отказываюсь открыть секрет. – Полчаса судорожных объятий, несколько укусов, три секунды оргазма – если повезет, затем полчаса приятной полудремы, а когда очнулся – понимаешь, что ты просто мерзкий кобель и спустил в унитаз миллионы сперматозоидов и шесть лет брака. Почему мы устроены таким образом, ну почему?

Я не знал, как ответить и честно, и в то же время утешительно, поэтому так и сказал:

– Не знаю.

Тогда Такэси изложил мне всю историю, причем раза три.

– Понимаешь, за мной заехала жена. Мы условились пообедать вместе, хотели обсудить наши отношения, договориться до чего-нибудь... Я купил ей цветы, она мне новый полосатый пиджак... Ужасно отстойный, конечно, но главное – она помнит мой размер, понимаешь... Это как трубка мира... Мы уже собирались выходить, но тут она зашла в ванную, а там... Знаешь, что она там обнаружила?

Я хотел было сказать «труп медсестры», но благоразумно сдержался.

– Что?

– Косметичку медсестры. И ее халат. И еще записку. Губной помадой на зеркале.

– И что она написала?

Послышалось звяканье льдинок – Такэси долил бокал.

– Не твое дело. Короче, жена все прочла, спокойно вышла из ванной, облила пиджак водкой, подожгла и ушла, не сказав ни слова. Пиджак скукожился и расплавился.

– Такова сила письменного слова.

– Пошел к черту, Сатору. Мне бы твои годы! Как тогда все было просто! Что я наделал? Скажи, откуда пошел этот миф?

– Какой еще миф?

– Такой, который отравляет жизнь всем мужикам. Что жизнь без секса, без обмана и без тайны – только полжизни. С чего это взяли? И ладно бы встретил королеву красоты, потерял голову. Так нет же, нет. Тупая шалава-медсестра. Ну почему? Ради чего?

Мне же только девятнадцать. Окончил школу в прошлом году. Я и правда не знаю.

Он так убивался, что мне стало его очень жалко. Слава богу, в магазин вошли Мама-сан и Таро, и я с чистой совестью оставил без ответа вопросы Такэси, на которые ответа нет и быть не может.

Если бы Мама-сан была птицей, то, наверно, вороной – доброй, белой.

Таро никак не может быть птицей. Он, скорее, танк. Уже много-много лет он повсюду сопровождает Маму-сан. Это началось задолго до моего появления. Я не могу полностью оценить всю глубину их отношений. На старых фотографиях шестидесятых-семидесятых годов Мама-сан и Таро выглядят прекрасной парой, в своем роде, конечно, а сейчас больше напоминают хрупкую госпожу и ее верного бульдога. Поговаривают, что в молодости Таро выполнял кое-какую работенку для якудза – выбивал долги и тому подобное. У него до сих пор остались дружки в этом мире, и эти связи очень кстати, когда «Дикой орхидее» приходит время платить за крышу. Мама-сан получает шестидесятипроцентную скидку. Те же дружки, связанные с городской администрацией, помогли мне получить полноценное японское гражданство.

Мама-сан принесла мне обед.

– Я знаю, ты проспал сегодня утром, – прохрипела она. – И все из-за ночного разгула.

– А у вас когда разошлись последние посетители?

– В полчетвертого утра. Люди из «Мицубиси»... Один положил глаз на Юми-тян. Наставляет на встрече в субботу.

– А что сказала Юми-тян?

– Сотрудники «Мицубиси» всегда платят в срок. Им каждый месяц выделяют определенную сумму на развлечения, и ее обязательно нужно потратить. Я пообещала Юми-тян новый наряд, что-нибудь пошикарнее, если она согласится. Кроме того, клиент женат, так что осложнений не предвидится.

– А вы с Кодзи вчера гуляли? – Таро оглядел помещение, как телохранитель, который оценивает варианты для отхода.

– Да. Я выпил лишнего, потому и проспал.

Таро хохотнул:

– Он славный парень, твой Кодзи. На него можно положиться – не обосрет. Цыпочек подцепили?

– Только таких, которых интересует одно: тонированные у тебя в гоночной машине стекла или нет.

– Слушай, у женщин ведь, кроме головы, есть еще кое-что, – опять хохотнул Таро. – Как раз сегодня утром Аяка сказала, что парням твоего возраста нужна бурная жизнь – для здоровья...

– Таро, оставь Сатору в покое, – ласково улыбнулась мне Мама-сан. – Сакура зацвела – как на картине, правда? Мы с Таро пройдемся по магазинам, а потом поедem в парк Уэно. Девочки госпожи Накамори пригласили наших на праздник цветения сакуры^[32], и мы с Таро заглянем проверить, не натворят ли они чего. Ах да, чуть не забыла. Госпожа Накамори спрашивает, не сможете ли вы с Кодзи в следующее воскресенье сыграть в ее баре? Тромбонист из ее постоянной группы сломал руку. Попал в переделку, какая-то мутная история с погнутой водопроводной трубой и зверинцем, я не вникала в подробности. Короче, бедняга сможет разогнуть руку не раньше июня, так что группе пришлось отменить все выступления. Я сказала госпоже Накамори, что не знаю, когда у Кодзи снова начнутся занятия в колледже. Может, ты сам позвонишь ей сегодня или завтра? Что ж, пойдем, Таро. Нам пора.

Таро взял книгу, которую я читал.

– Что за штука? «Мадам Бовари»? Чудик-француз написал? Как тебе это нравится, Мама-сан? Шесть лет учился через силу, как из-под палки, а теперь на работе читает! – Он продекламировал строчку, которую я подчеркнул: «До идолов дотрагиваться нельзя – позолота пристаёт к пальцам»¹², – и на мгновение призадумался. – Забавная штука книги. Да, Мама-сан... Нам и впрямь пора.

– Спасибо вам за обед, – сказал я.

Мама-сан кивнула:

– Аяка приготовила. Знает, как ты любишь угря на гриле. Не забудь поблагодарить ее вечером. До свидания.

Небо прояснилось. Я ел обед и мечтал, что хорошо было бы тоже оказаться в парке Уэно. Девушки у Мама-сан очень славные. Относятся ко мне как к младшему брату. Наверное, они расстелют под деревом большое одеяло и будут петь старинные песни, а слова придумают сами. В Сибуя и тому подобных местах мне доводилось видеть, как иностранцы напиваются и звереют от спиртного. С японцами так не бывает. Они расслабляются от выпивки. Для японца это способ выпустить пар. А у иностранцев спиртное, похоже, разводит пары. И еще они целуются на людях! Я своими глазами видел: засовывают девушке в рот язык и тискают ее за грудь. И это в баре, у всех на виду! Я к такому никогда не смогу привыкнуть. Мама-сан велит Таро

¹² Перев. Н. Любимова.

говорить иностранцам, что у нас в баре нет мест, или требует с них такую астрономическую плату за вход, что в другой раз они уже не суются.

Диск закончился. Я доел последний кусочек жареного угря с рисом и маринованными овощами. Аяка готовит вкусные обеды.

Заболела спина. Рановато. Молод я для болей в пояснице. Наверное, из-за неудобного стула: на нем не распрямиться. Когда Такэси выкарабкается из очередного финансового кризиса, попрошу его купить новый стул. Однако, судя по всему, ждать мне придется долго. Что бы еще послушать? Я порылся в ящике с неразобранными пластинками, который Такэси оставил на полу за прилавком, но меня ничего не привлекло. Нет, ну, что-нибудь найдется – все-таки у нас в магазине двенадцать тысяч наименований. И вдруг мне стало страшно – а что, если музыка больше меня не греет?

День выдался хлопотливый. Наплыв и просто зевак, и покупателей. Я не заметил, как наступило семь часов. Снял кассу, положил выручку в сейф, который стоит в крошечном чулане, включил сигнализацию и запер дверь в чулан. Потом засунул в сумку «Мадам Бовари», коробку из-под обеда и диск Бенни Гудмена^[33], который собирался послушать вечером, – вот они, прелести служебного положения. Погасил свет, вышел и закрыл входную дверь на замок.

Я уже опускал ставни, когда в магазине зазвонил телефон. Черт подери! Первое желание было притвориться, что не слышу, но потом сообразил, что весь вечер промаюсь догадками, кто бы это мог быть. Начну обзванивать одного знакомого за другим, выяснять, не звонил ли он мне. А если окажется, что звонил, придется объяснять, почему я не взял трубку... Нет уж, к черту! Проще открыть магазин и ответить.

Потом я много раз об этом вспоминал: не зазвонил телефон в тот момент, не реши я вернуться и снять трубку – не произошло бы то, что произошло.

Незнакомый голос, глухой и напряженный, произнес:

– Говорит Квазар. Собаке нужен корм.

Фигня какая-то. Я подождал, что будет дальше. В трубке слышался шорох, похожий не то на шум волн, не то на гул в галерее игровых автоматов. Я молчал – чокнутым лучше не отвечать. Далее ничего не последовало. Словно на том конце тоже чего-то ждали. Я оказался терпеливее и, когда там дали отбой, повесил трубку, ничего не понимая. А, фиг с ним.

Я стоял спиной к двери. Она открылась. Звякнул колокольчик, и я подумал: «Нет, только не это! Рабочий день уже закончен!» Я обернулся и чуть не упал прямо на лимитированный бокс-сет Лестера Янга^[34] – пол «Джазовой лачуги Такэси» почему-то качнулся под ногами.

«Это ты!»

Она всматривалась в сумрак моего уголка.

Она заговорила. Она на самом деле стояла передо мной. Она пришла одна. Я часто представлял себе нашу встречу, но первый шаг всегда делал я. Я даже не понял, что она сказала. Она пришла!

– Вы еще работаете?

– ...Да!

– Как-то не похоже. Свет уже погашен.

– ...Да. Э-э, дело в том, что я собирался закрывать, но еще не закрылся, а пока я не закрылся, я работаю. Вот, пожалуйста! – Я включил свет. – Видите?!

Надо говорить спокойнее. Выгляжу, наверное, как младшеклассник.

– Не хотелось бы вас задерживать. Вам, наверное, пора домой.

– Задерживать? Что вы, вы меня несколько не задерживаете. Ничуть. Я к вашим услугам. Пожалуйста, проходите.

– Спасибо.

«Я», живущее в ней, глядело из ее глаз мне в глаза, на «я», живущее во мне.

– Знаете... – начал было я.

– Понимаете... – сказала она.

– Простите. Продолжайте, – сказали мы хором.

– Нет, продолжайте вы, – повторил я. – Вы дама.

– Вы подумаете, что я чокнутая. Я была здесь дней десять назад. – Она непроизвольно покачивалась с пятки на носок. – У вас играла музыка. Она не выходит у меня из головы. Фортепьяно и саксофон. Ну, вряд ли вы помните тот день, и ту музыку, и меня... – Она помолчала.

У нее была необычная манера говорить. Может, из-за акцента, не знаю. Мне это очень понравилось.

– Вы были здесь две недели назад. Точнее, две недели и еще два часа.

– Так вы меня помните? – обрадовалась она.

– Еще бы! – Я засмеялся и не узнал собственного смеха.

– Со мной была кузина с подружками. Они ужасно противные. Считают меня дурой, потому что я наполовину китаянка. Мама у меня японка. А вот отец – китаец из Гонконга. Я живу в Гонконге, – сказала она с вызовом, это надо было понимать так: «Да, я не чистокровная японка и не скрываю этого, нравится вам или нет».

Я вспомнил барабаны Тони Уильямса в «In a Silent Way»^{13[35]}. Точнее, даже не вспомнил, а почувствовал, глубоко внутри.

– Ну и что? Какая разница? Я сам наполовину филиппинец. А та мелодия называется «Left Alone»¹⁴. Ее написал Мэл Уолдрон. Хотите послушать?

– А можно?

– Конечно можно. Мэл Уолдрон – я на него просто молюсь. Готов встать на колени, когда слушаю. А Гонконг – он какой? Похож на Токио?

– Приезжие говорят, он грязный, шумный и противный. А по мне, так ничего лучше нет. На всем белом свете. Устанешь от Коулуна – можно сбежать на острова. На остров Лантау, например. Там на холме сидит большой такой Будда...

У меня вдруг возникло странное чувство, будто я – персонаж в книге, которую кто-то сочиняет, но потом оно рассеялось.

* * *

Вишня отцветала. Молодые зеленые листочки, пока еще шелковистые и гибкие, сохли на ветвях деревьев в переулках. Живые и легкие, как мандолины и цитры. В потоке прохожих на улицах не было ни одного в пальто. Иные даже пиджаки скидывали. Что ни говори – эта весна уже не первой свежести.

Забренчал телефон.

– Привет. Кто она?

Кодзи звонил из студенческой столовой.

– О ком ты?

– Не валяй дурака! Ты прекрасно понимаешь, о ком я! О девушке, которая вчера у госпожи Накамори ловила каждую ноту в твоём исполнении. Погоди-ка, по-моему, ее имя начинается на «Томо», а заканчивается на «ё». Точно-точно, Томоё!

– А, вот ты о ком...

– Ну хватит! Я что, не видел, как вы переглядывались весь вечер?

¹³ «В тишине» (англ.).

¹⁴ «Одиночество» (англ.).

– Тебе показалось.

– Нет, вы переглядывались! Все в баре заметили! И крот бы заметил! Ее отец заметил. Таро заметил. Потом подошел ко мне спросить – кто такая. Я-то надеялся у него что-нибудь разузнать. Он велел допросить тебя с пристрастием. Сам знаешь, Таро долго ждать не любит. Так что давай колись.

– Да нечего мне рассказывать! Она заходила ко мне в магазин четыре недели назад. На прошлой неделе пришла опять. Мы поболтали, в основном о музыке. Потом встретились на неделе еще разок-другой. Вот и все.

– Ага, встретились разок-другой, а то и семь!

– Ну ты и сам понимаешь...

– Не вполне. Я вчера не успел перекинуться с ней словечком, так, из чистого любопытства. А скажи, пожалуйста, ты уже успел... ну там, развязать ленточку, содрать обертку...

– Она порядочная девушка!

– А что, порядочная девушка – не женщина?

– Нет. У нас ничего такого не было.

– Да, ты всегда был тяжел на подъем, Сатору. Что тебе мешает?

– Что мешает...

Диву даюсь, сколько воспоминаний хранит моя память. Помню, как я накинул свою куртку ей на плечи и мы бродили по улицам, укрывшись под одним зонтом. Помню, как в кино-театре весь сеанс держал ее за руку. Помню ее зажмуренные от смеха глаза, когда мы наблюдали за уличным артистом – он неподвижно стоял на пьедестале, но как только ему в ящик бросали монетку, тут же оживал и принимал другую позу, до следующей монетки. Помню, как она пыталась сдерживать смех, глядя, как я катаю шары в боулинге, – полная катастрофа. Помню, как мы лежали на одеяле в парке Уэно и лепестки сакуры падали нам на лица. Помню, как она сидела на этом самом стуле в этом самом магазине и делала домашнее задание под мою любимую музыку. Помню ее сосредоточенное лицо и прядь волос, которая почти касалась страницы. Помню, как поцеловал ее шею в кабине лифта и как мы отпрянули друг от друга, когда двери внезапно открылись. Помню, как она рассказывала мне про своих золотых рыбок, про маму, про Гонконг. Помню, как она заснула на моем плече вечером в автобусе. Помню, как она сидела напротив меня за столом, а я не сводил глаз с ее лица. Помню, как она рассказывала мне про исторический период Дзёмон^[36] и древние племена, которые хоронили своих вождей в курганах на Токийской равнине. Помню взгляд, которым она смотрела на меня вечером у госпожи Накамори. Мы с Кодзи сыграли «Round Midnight»^{15[37]} так здорово, как никогда раньше. И еще сколько всего я помню!

– Не знаю, Кодзи, что мне мешает. Может быть, то, что ничего не мешает.

Так ли это? Сколько раз мы с ней в принципе могли зайти в дом свиданий. Конечно, я хотел ее. Но...

– Не знаю, Кодзи. Нет, я не увиливаю. Я правда не знаю.

Кодзи глубокомысленно засопел, как в тех редких случаях, когда ничего не может понять.

– Когда же я сподоблюсь увидеть ее снова?

– Возможно, никогда. – Я сглотнул. – Она возвращается в Гонконг, в международную школу. В Токио она приезжает с отцом, раз в два года, на несколько недель. Повидать родственников. Нужно смотреть правде в глаза, Кодзи. Встреча маловероятна.

– Это чудовищно! Ужасно! – Кажется, Кодзи огорчился сильнее моего. – Когда она улетает?

Я посмотрел на часы:

– Через полчаса.

¹⁵ «Около полуночи» (англ.).

- Сатору! Останови ее!
- Я думаю... ну, в смысле, что...
- Не думай! Действуй!

– Что ты предлагаешь? Похитить ее? Она сама распоряжается своей жизнью. Она хочет поступить в университет в Гонконге, изучать археологию. Мы встретились, нам было хорошо вместе. Очень хорошо. А теперь пришла пора расстаться. В жизни такое случается сплошь и рядом. Можно писать письма. В конце концов, мы ж не влюблены так, что жить друг без друга не можем. Ничего подобного...

- Бип-бип-бип!
- А это еще что?
- Извини, у меня тут лажометр зашкалило.

Я откопал старый альбом Дюка Эллингтона. Он напоминает мне о допотопных граммофонах, дурацких усиках и довоенных голливудских мюзиклах. Обычно от него у меня поднимается настроение. «Take the „A“ Train»^{16[38]} – в этой композиции столько непрошибаемого оптимизма!

Хмуро уставившись в темную лужицу на дне чайной чашки, я размышлял о Томоё в пятидесятый раз за день.

Зазвонил телефон. Я знал, что это Томоё. Так оно и оказалось. В трубке слышались гул самолетов и голос диктора.

- Привет! – сказала Томоё.
- Привет.
- Я звоню из аэропорта.
- Слышу.
- Ужасно жаль, что вчера мы не смогли попрощаться по-человечески. Мне так хотелось поцеловать тебя.
- И мне. Но кругом было столько народу...
- Спасибо, что пригласил нас с папой к госпоже Накамори. Папа тоже благодарит. Он уже сто лет ни с кем так весело не болтал, как вчера с Мамой-сан и Таро.
- Да, они тоже уже сто лет ни с кем так весело не болтали. А о чем они говорили?
- О делах, наверное. У папы доля в одном ночном клубе. И концерт нам очень понравился.
- Да разве это концерт! Просто мы с Кодзи.
- Вы оба прекрасно играете. Папа только о вас и говорит.
- Ну... Прекрасно играет только Кодзи. Благодаря ему и я звучу сносно. Он позвонил двадцать минут назад. Надеюсь, вчера в баре мы не слишком липли друг к другу. Кодзи говорит, все что-то заметили.
- Пустяки, все в порядке. Слушай! Надо знать папину манеру выражаться намеками. В общем, он приглашает тебя приехать в отпуск. Говорит, что найдет бар, где ты сможешь играть на саксе. Если захочешь, конечно.
- Он знает? Про нас?
- Понятия не имею.
- Вообще-то, Такэси до сих пор ни разу не давал мне отпуска. Точнее, я ни разу не просил...
- Скажи, а... – Она решает сменить тему. – Сколько времени нужно заниматься, чтобы достичь такого уровня исполнения?

¹⁶ «Сядь на поезд „А“» (англ.).

– Да разве это уровень? Вот Колтрейн – это уровень. Погоди секунду!

Я быстренько поставил «In a Sentimental Mood»¹⁷. Мирра и фимиам. Минутку слушаем вместе, как Джон Колтрейн^[39] играет вместе с Дюком Эллингтоном^[40]. Мне хотелось так много ей сказать.

Вдруг в трубку ворвались короткие гудки.

– Деньги кончились. Где-то была еще монетка... Ой, ну ладно! Пока!

– Пока!

– Когда прилечу, я...

В трубке одинокий гул.

В обед зашел господин Фудзимото, увидел меня и захохотал.

– Добрый день, Сатору-кун! – радостно возгласил он. – Погодка сегодня – загляденье! Что скажешь об этой красоте?

Положив на прилавок стопку книг, он с гордым видом приподнимает брови и слегка оттягивает свой галстук-бабочку. Совершенно нелепый: лягушачье-зеленый, в горошек.

– Уникальная вещь! – откликнулся я.

– И я так считаю! – Он прямо задрожал от удовольствия. – Мы устроили на работе конкурс на самый безвкусный галстук. По-моему, я всех сделал!

– Как съездили в Киото?

– Киото есть Киото. Храмы и святилища. Встречи с полиграфистами и печатниками. Надутые лавочки воображают, будто только им ведомо, что хорошо, что плохо. Слава богу, я дома. Родился токийцем – умрешь токийцем.

– Господин Фудзимото! – начал я заранее заготовленную речь. – Когда я рассказал Маме-сан, что вы любезно предложили мне помочь с устройством на работу, она велела передать вам и вашим коллегам вот это. Пригодится на вечеринке в честь цветения сакуры.

Я водрузил на прилавок огромную бутылку рисовой водки.

– Сакэ! – воскликнул господин Фудзимото. – Вот уважил так уважил! Царский подарок. Мои коллеги его оценят, не сомневайся. Огромное спасибо.

– Нет, это вам спасибо за вашу заботу. Только, пожалуйста, извините и не обижайтесь на меня, но я не могу принять ваше великодушное предложение. Я слишком невежественен для такой работы.

– Ну что ты, какие там обиды. Я все понимаю, ей-богу. Просто я хотел на всякий случай... – Господин Фудзимото, сильно моргая, искал подходящее слово, не нашел и рассмеялся. – Я нисколько не обижаюсь. Тебе вряд ли хочется стать таким, как я, верно?

Это соображение развеселило его, похоже, гораздо больше, чем меня.

– Мне не пристало о вас судить, – ответил я. – Но я был бы рад походить на вас. У вас замечательная работа. Невероятные галстуки. Отличный музыкальный вкус – вы прекрасно разбираетесь в джазе.

Улыбка вдруг сошла с его лица. Он перевел взгляд за окно.

– Вот последний цветок сакуры. На дереве он все время меняется, стремясь к совершенству. А достигнув его, опадает. Когда коснется земли, его неминуемо растопчут. Вот и получается, что абсолютно прекрасен он только то мгновение, пока находится в полете... Мне кажется, только мы, японцы, в состоянии это понять. Как ты думаешь?

По улице, скрежеща словно захмелевший Бэтмобиль, проплыл фургон, установленные на нем колонки голосили:

– Голосуйте за Симидзу! Только он знает, как победить коррупцию! Симидзу не подведет! Симидзу не подведет! Симидзу не подведет!

¹⁷ «Сентиментальное настроение» (англ.).

– Почему все происходит именно так, как происходит? – Господин Фудзимото шевельнул ладонью в воздухе. – После газовой атаки в метро, насмотревшись телерепортажей о том, как полиция ведет расследование со скоростью слепых черепашек, я все пытаюсь понять... Почему вообще что-либо происходит? Какая сила удерживает мир и не дает ему рассыпаться в прах?

Я не всегда понимаю, когда господин Фудзимото спрашивает всерьез, а когда его вопросы риторические.

– А вы знаете?

– Не знаю. – Он пожал плечами. – Честно, не знаю. Порой мне кажется, что это главный вопрос жизни, а все прочие – только притоки, которые в него вливаются. – Он провел рукой по редющим волосам. – Как ты думаешь, может быть, ответ – любовь?

Я не смог заставить себя думать – в уме мелькали разные картинки. То отец – человек, которого я считаю отцом, – глядел на меня через заднее стекло автомобиля. То какой-то бизнесмен, который три или четыре года тому назад упал на тротуар с девятого этажа, когда я выходил из «Макдональдса». Человек лежал метрах в трех от меня, изумленно разинув рот, из которого стекала темная струйка, расплываясь на тротуаре между осколками зубов и стекла.

Потом вдруг я представил брови Томоё, ее нос, ее шутки, ее акцент. Томоё летела в Гонконг.

– Тут нужна мудрость, господин Фудзимото. Я еще слишком молод, чтобы ответить на этот вопрос.

Улыбка вернулась на лицо господина Фудзимото, его глаза скрылись в морщинках.

– Очень мудрый ответ, Сатору!

Он купил диск Джонни Хартмана с прекрасной версией «I Let a Song Go Out of My Heart»^{18[41]} и попрощался.

Комар жужжал над ухом, как миксер на третьей скорости. Я дернул головой и прихлопнул мерзавца. Начался сезон комаров. Я как раз собирал останки комара в бумажку, когда вошла жена Такэси, с которой ему так и не удалось помириться. Она подняла солнцезащитные очки на макушку, и они утонули в густых волосах. Ее сопровождал одетый с иголки господин – адвокат, сразу догадался я. Они оглядывали все вокруг. Когда я устраивался на работу, то провел целый вечер у них с Такэси, в Тиёда. Но сейчас она еле кивнула, словно не узнала меня. Адвокат, тот вообще не замечал моего присутствия.

– Помещение *он* арендует. – Жена Такэси произнесла местоимение с особой горечью, как и подобает бывшей жене. – Но стоимость товара довольно высокая. По крайней мере, *он* всегда хвастал своим ассортиментом. Хотя, конечно, реальную прибыль приносят парикмахерские салоны. Этот магазинчик – всего лишь *его* хобби. Одно из многих, между прочим.

Адвокат молча слушал.

Они направились к выходу. В дверях жена Такэси обернулась и сказала:

– А тебе, Сатору, пусть это послужит уроком. Под влиянием чувств не следует принимать важных решений, от которых зависит жизнь! Того и гляди подсунут тебе закладную на картонный домик! Попомни мои слова.

И вышла.

Я размышлял над ее словами, а сам слушал Чета Бейкера. Труба без особой спешки стремилась в никуда. А его голос – дзенское бормотание в ласковой пустоте. «My Funny Valentine». «You Don't Know What Love Is». «I Get Along without You Very Well»^{19[42]}.

¹⁸ «Пусть песня рвется из моей груди» (англ.).

¹⁹ «Моя смешная голубка». «Ты не знаешь, что такое любовь». «Я без тебя прекрасно поживаю» (англ.).

Телефонный звонок. Такэси вне себя. И снова пьян.

– Не впускай! – истерически орал он. – Ни за что не впускай эту бешеную корову!

– Кого?

– Ее! И чертова кровопийцу адвокатишку сраного! Который должен был представлять меня! Они ж намылились с тесаком по мои яйца! Не позволяй им рыться в дисках! Не показывай счета! Они не имеют права! Срочно спрячь лимитированный первопресс Армстронга! И золотой диск «Maiden Voyage»!^{20[43]} Засунь хоть в трусы, слышишь?

– Такэси!

– Что?

– Уже, Такэси.

– Что – уже?!

– Они уже приходили. Пробыли несколько минут, адвокат просто осмотрел помещение, и все. Они не проверяли счета и ничего не пытались оценивать.

– Офигеть! Просто офигеть. Нет, ну какова, а! Это не женщина, это коровье бешенство на двух ногах! Правда, на каких ногах... – Он повесил трубку.

Солнечные лучи ластились и чуть не мурлыкали. На стене едва заметно колыхались тени ветвей и листьев. Вспомнилось, как много лет назад девушки Мамы-сан катали меня на лодке по озеру. Это одно из самых первых воспоминаний моего детства.

Забившись в свой уголок, чувствуешь себя безопасно, но порой так одиноко.

Что же мне делать? Я закатал рукав рубашки и посмотрел на предплечье. Томоё синей ручкой вчера нарисовала там змейку. Я спросил: почему змейку? А она рассмеялась словно шутке, понятной только ей.

У меня в голове встретились две мысли.

Первая прошептала: мы не переспали друг с другом, потому что секс завершил бы начало наших отношений и положил бы начало их завершению.

Вторая настоятельно потребовала действий.

Может, жена Такэси и права – нельзя принимать жизненно важные решения, руководствуясь только чувствами. Такэси, кстати, частенько говорит то же самое. «Наутро после блэдок может выясниться, что они тебе не по карману», – любит он повторять. Да кто они такие, в конце концов, Такэси и его жена, чтобы учить жить других? Если не любовь, тогда что?

Я посмотрел на часы. Пятнадцать ноль-ноль. Ее отделяли от меня тысячи километров и один часовой пояс. Можно позвонить и оставить Такэси деньги, чтобы не удивлялся, когда придет квитанция.

– Приветик! – откликнулась Томоё, словно я звонил из автомата за углом. – А я распаковываю чемоданы.

– Соскучилась?

– Капельку, совсем чуть-чуть!

– Ну ты и врушка! Не сомневалась, что позвоню?

В ее голосе звучала улыбка.

– Не сомневалась. Когда ты прилетаешь?

И мы с ней говорили, говорили и не могли наговориться: каким рейсом лучше лететь, куда пойдем в Гонконге, что она скажет отцу и как мне разумней распорядиться своими жалкими сбережениями. Так из моего укрозного уголка я попал прямиком в рай.

²⁰ «Первое плавание» (англ.).

Гонконг

* * *

Луна, луна средь бела...^[44]

Похоже, будильник законтачен с датчиком у меня в мозгу, который посылает сигнал руке, та послушно приподнимается и передает команду указательному пальцу, и он выключает будильник буквально за секунду до того, как эта зараза начнет трезвонить. И так каждое утро, каждое божье утро – не важно, сколько виски я принял накануне вечером и в котором часу добрался до постели.

Забыл.

Черт подери. Какой-то жуткий кошмар приснился. Не могу припомнить подробностей. Да и не хочу, если честно. Облава на наш офис. Хью Луэллин ворвался вместе с начальником китайской полиции и воспитателем моего скаутского отряда (на его «вольво» я в детстве насрал, в прямом смысле слова). Все на роликах. Я бросился стирать файлы, связанные со счетом 1390931, – их почему-то оказалось ужасно много, – но в спешке не получалось правильно ввести пароль. К-А-Т-И-Ф-Р, нет, К-Т-И, нет, опять неправильно, и опять надо все заново. А они все ближе и ближе, поднимаются с этажа на этаж, кофе из опрокинутых чашек растекается лужицами, глаз электрического вентилятора обращается в мою сторону, и неоплаченные телефонные квитанции хлопают крыльями, как летучие мыши в сумерках... Окно открыто. Сорок дней и ночей подряд дует ужасный ветер. Мышь в обмороке, не реагирует на двойной щелчок. Что это было? Может, что-то важное? Забыл.

Сколько раз мне снились сны про компьютер? Хорошо бы вести дневник снов, но даже это обернется против меня в случае чего. Представляю, как репортеры опубликуют самые скандальные куски, а тюремные психологи будут обсуждать клубничку. Интересно, кому, где и когда впервые приснился компьютерный сон? Еще интереснее, снятся ли компьютерам люди?^[45]

Ох уж этот Луэллин в роговых очках. Я только вчера с ним встретился, и вот нате – сукин сын уже проник в мое подсознание.

Минутная стрелка снова сигналил. Секундная стрелка крутится и крутится, сматывая мгновения моей жизни, как сматывают на катушку веревочку воздушного змея, когда пора идти домой. Черт. Времени в обрез – начал расходовать утренний лимит. По утрам чувствую себя таким же разбитым, как вечером. Разбитый, растресканный, как пасхальное яйцо. Вот-вот скорлупа осыплется. И похоже, опять начинается простуда, серьезно. А все этот Гон-хренов-конг. Вечно хожу разваренный, как вонтон. Кстати, Пасха на носу. Ну давай, Нил, давай. В душ-то доберешься. Горячий душ творит чудеса. Херня. Спида сотворили бы чудо, но не осталось ни крупинки.

За волосы вытаскиваю себя из кровати, наступаю в тарелку с вафлями. Дерьмо! Ну она сегодня придет, надеюсь, приберется тут. По крайней мере, когда вернусь, в доме будет еда. Конечно, китайская, но все же лучше, чем опять вафли, брр.

Марш в гостиную. На автоответчике было какое-то сообщение. Слава богу, додумался включить немой режим, перед тем как залечь, а то бы шиш поспал. Вот, теперь стряхнул всякую хрень с дивана на пол, плюхнулся рядом с телефоном и нажал кнопку «прослушать».

«Проснись и пой, Нил! Это Аврил. Спасибо, что смылся вечером. Не забудь, на 9:30 у тебя назначена встреча с адвокатами господина Вэя, а Тео ждет от тебя предварительного доклада, так что тебе лучше прийти не позже 8:45. Пей скорее свой кофе. До скорого».

Аврил. Красивое имя у этой глупой шлюшки.

Не очень-то расслабляйся, Нил. Раз, два, три, встал! Ну-ка, встал, кому говорят! Марш на кухню. Выброси старый фильтр из кофеварки в мусорное ведро. Черт, оно переполнено, кофейная гуща разлетелась повсюду, ну извини, горничная, так, новый фильтр, молотый кофе, побольше, к черту рекомендации, сам знаю, шелк – кофеварка, вари. Вари погуще для старины Нила, для тебя, дружок. То, что надо. Забыл. Открывай холодильник. Половинка лимона, три бутылки джина, пинта молока – срок годности истек месяц назад, пакет сушеной фасоли и... коробка вафель. Уф, Бог в своих небесах и в порядке Нил!^[46]

У меня остались вафли. Вафли в тостер. Теперь двигай в спальню, Нил. В шкафу должны быть белые рубашки, она туда их каждое воскресенье вешала, все эти шкуры, содранные с *гвайло*, с белых дьяволов. Ух и разозлюсь же я, если она опять посдергивала их с вешалок. Ей лишь бы внимание привлечь.

Нет, все в порядке. Висят ровными рядами. Трусы и брюки с вечера валяются на стуле. Дешевый стул из гнутых трубок. Жалко кресла времен королевы Анны^[47]. Из всех вещей в этой квартире оно одно было старше меня. Ушло вслед за Кати. Давай, Нил, одевайся – майка, рубашка, пиджак. Чего-то не хватает. Ремень. Где ремень?

– Ага... Очень смешно. Где долбаный ремень?

В гостиной загудел кондиционер.

– Так... я иду в гостиную. Если ремня не будет на подлокотнике дивана, я разозлюсь на хрен!

Я пошел в гостиную. Ремень висел на подлокотнике дивана.

– Ну вот и прекрасно, черт подери.

Тут я вспомнил, что оделся, а душ не принял. От меня воняло, а тут еще и встреча с этим, как его там, из Тайваньского консорциума.

– Ты кретин, Нил.

Никто не возразил.

Почему-то никто не возражает, когда называешь себя кретином. Теперь душ сожрет остаток утреннего лимита. Если сойдет распорядок – рас-порядок! – утренних процедур, то я опоздаю на паром и придется выдумывать очень уважительные причины.

Я выключил кондиционер.

– Сейчас только май, черт тебя подери. Хочешь меня заморозить до смерти, да? С кем ты тогда будешь дурака валять, скажи?

В ванной обнаруживаю, что она опять развлекалась с жидким мылом. Кати всегда покупала жидкое мыло во флаконах с помпочкой. И горничная тоже. И все было хорошо, пока она не обнаружила, как весело брызгать из помпочки. Лепехи мыла повсюду – на стенах, на унитазе, на полу в душевой кабинке, и там – ну да, как раз там, – куда я только что положил рубашку. Везде эти мерзкие пятна, похожие на брызги засохшей спермы.

– Ну-ну. Развлекаешься? А вытирать все это кто будет?

Как ни странно, она никогда не прикасается к косметике и туалетным принадлежностям Кати. Только к моим. Интересно, почему я до сих пор не избавился от женского барахла. В

шкафчике лежит упаковка тампонов. Две упаковки. С одной капелькой и с тремя. Горничная ни разу не взяла ни одного. Не понимаю почему. Может, это одна из китайских причуд – не пользоваться тампонами. Ведь не надевают же они памперсов на младенцев, и те кладут прямо в трусы, где угодно и когда угодно. Но при всем при том горничная пользуется тальком, увлажняющим кремом, пеной для ванны – очень охотно, без зазрения совести. И почему она, собственно, должна испытывать угрызения совести по этому поводу, если не испытывает по другим?

Сунул голову под душ. Так, намочил, намылил шампунем, втер, ополоснул, теперь восстановитель, размазал пальцем полоску подсохшего мыла на стене, взбил в пену, смыл, вытер. На все про все две минуты. Ополоснулся – и хорошо, а о расплате подумаем потом.

Досуха вытираюсь, втягиваю живот. В последнее время это мало помогает. Нил, когда у тебя начала расти эта хреновина? По идее, от постоянного стресса теряют в весе. Я наверняка теряю, но из-за диеты из вафель, фруктовых пастилок, сигарет и виски набираю больше, чем уходит из-за стресса. Пузо как у беременной. Тьфу! Передергиваюсь от отвращения. Интересно, если бы Кати удалось забеременеть, изменилось бы что-нибудь или нет? Завязал бы я тогда, пока еще мог, или маялся бы еще больше? Если только можно маяться еще больше и... и не умереть. Не знаю.

Запахло горелым. Черт! Утюг!

Да нет же, я не включал утюг. Вафли подгорели. Черт, черт, еще раз черт. Завтрак пропал к чертовой матери. Можешь не спешить, Нил, вафли уже не спасти. Вафли, как тот мост, слишком далеко^[48]. Когда вафля перестает быть вафлей? Когда она превращается в кусок угля, черт бы его побрал. Придется для питательности насыпать побольше сахара в кофе, другого выхода не вижу. Жидкий завтрак. Так, в гостиную. Из-под двери показалась темная струйка. Кровь, что ли? Чья кровь? Ее? В этой квартире всего можно ожидать, больше я ничему не удивлюсь. Нет, жидкость темно-коричневая. Вот же ж хрень! Наверняка я сунул в кофеварку два фильтра вместо одного, а мы ведь знаем, что бывает в таких случаях, правда, старина Нил?

Бегом на кухню. Кофеварку долой, тостер долой, голову долой!^[49] Не угодно ли стакан чистой воды на завтрак, Нил? С удовольствием. Ох, нет чистых стаканов. Ну что ж, тогда плошку чистой воды. Превосходно. Приятного аппетита, Нил. Окидываю взглядом свои кухонные владения. Видок – будто Кит Мун похозяничал здесь месяц. Хотя нет, Кит Мун против меня – чистюля^[50]. Извини, горничная, я тебе за это приплачу.

– Ты ж проследишь, чтобы я приплатил. И сполна, и сверх меры.

Надевай галстук, Нил, и бегом на работу. Этим узкоглазым толстосумам и так придется тебя ждать, нельзя испытывать их терпение. Сумасшедшее утро. Даже в окно не успел взглянуть – что за погода. Прочитал прогноз на пейджер: облачно, без осадков. Значит, зонтик не понадобится. Типичная азиатская не-погода. Забыл. Привычный пейзаж: голый склон холма, затянутый туманом, сонное море.

Выключил кондиционер. Опять. Радио оставляю включенным – для нее, как, бывало, моя мама – для собаки. Из спальни слышны деловые новости по-китайски, на кантонском диалекте. Не знаю, как она к ним относится – иногда слушает, иногда выключает, иногда ловит другую волну.

– Будь умницей, води себя хорошо. – Я втиснул ноги в туфли, не развязывая шнурков, схватил кейс и свою связку ключей.

Кати обычно отвечала:

– Слушаю и повинуюсь, мой охотник-добытчик.

Она никогда не отвечает.

Пошел, пошел... Ну все, вышел.

Лифт как раз идет вниз. Слава богу. А то опоздал бы на автобус к парому. Двери открылись. Протиснулся внутрь, в толчею мужских тел, желтоватых и розовато-серых. Да ладно, все мы одного племени, обитатели резервации финансового благополучия, иначе нам было бы не по карману это жилье. В лифте пахло пиджаками, лосьоном после бритья, кожаными ремнями, гелем для волос и еще чем-то затхлым. Может, застоявшимся тестостероном. Все молчали. Похоже, не дышали. Я повернулся так, чтобы мой член не упирался в член другого добытчика, и в поле зрения попала дверь моей квартиры с номером 144.

– Нехороший номер, – сказала когда-то госпожа Фэн. – Дело в том, что «четыре» по-китайски произносится так же, как «смерть».

– Нельзя же всю жизнь только и делать, что избегать цифры «четыре», – возразила ей Кати.

– Допустим. – Госпожа Фэн прикрыла печальные глаза. – Есть еще одна проблема.

– Какая же? – спросила Кати, улыбаясь мне краешком рта.

– Лифт. – Госпожа Фэн распахнула пронизательные глаза.

– У нас четырнадцатый этаж! – сказал я. – По-вашему, лифта тоже надо избегать?

– Нет. Но лифт находится как раз напротив вашей квартиры!

– И что? – Кати больше не улыбалась.

– Двери лифта – это пасть! Она пожирает удачу. Удача не переступит порога этой квартиры.

Я взглянул наверх – и увидел себя, взирающего вниз, на самого себя, сквозь дымчатое стекло, в окружении сонма моих же неподвижных голов. Вроде как повстречался с собственным призраком.

– К тому же вы находитесь на острове Лантау, – добавила она, словно вспомнив еще об одном важном обстоятельстве.

Дзинь, звякнул звоночек.

– А чем плох остров Лантау? Это единственное место в Гонконге, где можно поверить, что мир когда-то был прекрасен.

– Мы не любим здешние течения. Слишком они северные. И слишком восточные.

Дзинь, звякнул звоночек. Дзинь, дзинь, дзинь. Второй этаж. Первый. Наконец-то. Автобус еще не ушел. Мы дружно бросились через дорогу и взяли его штурмом. У меня в голове звучала музыка из «Джеймса Бонда». Вспомнилось, как мальчишками, играя в войну, мы погружались на какбудтошний бронетранспортер.

Автобус переполнен – места только стоячие. Ничего не имею против. Напоминает час пик на старой доброй кольцевой линии в старой доброй Англии. Сейчас как раз начинается сезон крикета. За что я люблю автобус – за то, что с момента, когда в него садишься, и до момента, когда переступаешь порог офиса, от тебя ничего не зависит. Ничего не нужно решать. Превращаешься в зомби.

И тут у какого-то придурка звонит мобильный телефон. Чуть не дырявит барабанные перепонки. Невыносимо! Да ответит он или нет? Давай же, отвечай, глухой придурок! И чего это все уставились на меня?

Ах да, это мой телефон. Когда эти штуки только-только появились, сначала всем казалось – ура, супер, до чего удобно! Потом спохватились, поняли – удобно, как электронный ошейник у преступников, выпущенных под залог. Спыхватились, да поздно.

Достаю телефон, отвечаю на звонок, позволяю электронам нерелевантности завершить свое путешествие по проводам, через пространство и ко мне в ухо.

– Алло, Броуз слушает.

Вот, теперь самый последний кретин в этом автобусе знает, что моя фамилия – Броуз.

– Нил, это я, Аврил.

Ясно, что Аврил. Кто же еще? Похоже, она даже ночует в офисе. Она всюду трудилась над отчетом для тайваньцев, когда я уходил вчера поздним вечером или сегодня ранним утром, в общем, как всегда. В компании «Жардин-Перл» пашет целая армия адвокатов. А в «Кавендиш» – раз-два и обчелся: только я, да Аврил, да Мин, который даже договор на аренду квартиры – моей квартиры – толком составить не смог. Китайцы – это уже плохо, риелторы – еще хуже, но китайские риелторы – эти ребята явно служат дьяволу. Вот бы кому юристами работать, но на своей службе они гребут куда больше денег. Этот долбаный отчет для тайваньцев! Вдобавок ко всем моим неприятностям я должен еще разбираться в лабиринте цифр, мелких букв, подвохов. В принципе, хорошо, что Аврил занимается этим дерьмом, но иногда она так достает. Ее прислали из Лондона в январе, поэтому она от усердия землю носом роет. Совсем как я три года назад.

– Хорошо выспался, Нил?

– Плохо.

Аврил явно хотела меня доконать и выжать извинение за то, что вчера я рано ушел. Точнее, уже сегодня. В час ночи. Рано, кто ж спорит. Хрен ей, а не извинение.

– Я насчет папки с материалами по Микки Квану.

– А что с ней?

– Не могу ее найти.

– А!

– Так где же она? Ты работал с ней вчера вечером. Перед уходом.

Пошла к черту, Аврил.

– Я работал с ней вчера вечером. За шесть часов до ухода.

– Но ее нет у тебя на столе. И у Гуйлан тоже нет. Значит, она может быть только у тебя в кабинете. Лично я не касалась ее со вчерашнего дня. Может, ты... Может, она куда-нибудь задевалась? Или завалилась? Может, в ящике твоего стола?

– Аврил, я на острове Лантау, в автобусе. Отсюда не видно моего кабинета.

Сквозь толщу пиджаков, галстуков, тел, ушей, которые притворялись, что не слушают, до меня донесся смешок. Обхихикался, идиот. А может, просто чихнул.

Аврил – это экспериментальный образец ходячего здравого смысла: чувство юмора отсутствует напрочь. Надо дать ей прозвище Спок^[51].

– Я не всегда улавливаю, Нил, что ты хочешь сказать. Я понимаю, что тебе сейчас не видно твоего кабинета. Прекрасно понимаю. На всякий случай напоминаю, если ты опять забыл: Хорас Чун и Тео хотят услышать отчет о том, как продвигается дело Вэя, через пятьдесят две минуты. Уже через пятьдесят одну. Тебя нет на месте, потому что ты на острове Лантау, в автобусе. Ты появишься не раньше чем через тридцать восемь минут. Даже через сорок одну минуту, если ты не позавтракал и заскочишь за пончиками. Господин Чун всегда приходит на десять минут раньше. Значит, к тому моменту, когда ты войдешь в кабинет, упомянутый отчет должен быть полностью закончен, и это придется сделать мне. Для этого мне нужна папка с материалами по Микки Квану, вот я ее и разыскиваю.

Я вздохнул. Постарался придумать что-нибудь уничтожающее в ответ, но силы меня покинули. Простуды замучили, никак не отвяжутся. Надо с ними что-то делать.

– Да, Аврил, все это верно. Но я честно, искренне, безумно, сильно не представляю^[52], куда подевалась папка.

Автобус дергался то назад, то вперед. Мелькнули теннисные корты, здание международной школы, полукружье бухты и рыбацкая джонка в белесом азиатском мареве.

– Нил, у тебя ведь сохранилась копия на винчестере?

Тут я встрепенулся:

– Да, но...

– Тогда я скопирую файл с твоего компьютера и распечатаю еще раз. Там же не больше двадцати страниц, да? Скажи мне свой пароль.

– Боюсь, что не могу этого сделать, Аврил.

Молчание. Аврил думает.

– Боюсь, что тебе придется, Нил.

Мне вспомнилось, как свеживали кролика – я это точно видел, только запомнил, где именно. Под ножом шкура разошлась, как застежка-молния. Только что был кролик как кролик, такой хорошенький, словно бы дремал, и вот уже – длинная кровавая прореха от кроличьих зубов до кроличьего пениса.

– Но...

– Слушай, Нил, если ты скачал какую-нибудь шведскую садомазопорную, это останется между нами.

Как бы тихо я ни говорил, все равно человек десять услышат.

– Я не могу сказать тебе пароль. Это нарушение конфиденциальности.

– Нил, ты, наверное, не въезжаешь... То есть наверняка не въезжаешь. Иначе б не ушел вчера так рано домой. Мы рискуем потерять этот договор. Он стоит восемьдесят два миллиона. Голландский филиал банка «Бэрингс»^[53] и «Ситибанк» каждую ночь поют Вэю серенады под балконом. И поют они слаще нас. Без ресурсов Микки Квана мы не сможем компенсировать потери в Бангкоке и Токио, и тогда наша песенка спета. Ну и конечно, мистер Кавендиш точно будет знать, кто виноват: я не хочу, чтоб собак вешали на меня. Ты, может, и рад будешь провести остаток жизни, заведя «Макдональдсом» в Бирмингеме, но я хочу от жизни чуточку больше. Быстро говори пароль! В конце концов, поменяешь его, когда придешь на работу. Твоя конфиденциальность будет нарушена всего сорок девять минут! Ну, давай! Если ты не доверишь мне, кому ты вообще доверишь?

Да господину Никому, вот кому я доверяю, черт возьми. Я натянул пиджак на голову и засунул телефон под мышку. Квазимодо Броуз, да и только.

– К-А-Т-И-Ф-О-Р-Б-С, – прошептал я. Главное – удержаться и не попросить ее не совать нос куда не следует; тогда уж точно сунет. – Теперь ты счастлива?

Нужно отдать Аврил должное, она не стала издеваться. Лучше бы стала. Неужели я доказал до того, что вызываю у людей только жалость?

– Принято. Встретимся в кабинете у Тео. Не бойся, я никого не подпущу к твоему компьютеру.

Автобус подъехал к порту. Как всегда, в бухте Дискавери турбопаром готовился к отправке. Но можно не спешить: звучит только первый гудок. Второй гудок через минуту. Третий – через две. Паром отправится через три минуты, а от автобуса до парома хватит шестидесяти секунд, если проездной в кармане. А он у каждого в кармане. Времени еще целый вагон, в который спокойно въедет «тойота-лендкрузер». Двери автобуса с шипением открылись, и толпа вывалилась наружу. Пассажиры выпрыгивали один за другим, автобус покачивался в такт.

Может, она здесь, рядом? Касается моей руки? Почему я всегда думал, что она весь день сидит дома? Гораздо логичнее предположить, что она гуляет, бродит по окрестностям. Она же не любит одиночества.

Прекрати, Нил. Это твоя квартира, твой «домашний очаг». Ты возвращаешься туда, потому что тебе больше негде жить. Не тащи ее за собой на остров Гонконг. Ей не под силу пересекать водные пространства. Кстати, в Китае именно так и считается. В священные места и храмы ведут лестницы, потому что они не умеют прыгать. И пересекать водное пространство тоже не могут. А вдруг могут?

Двадцать шагов до билетного контроля. По-моему, утренний кризис идет на убыль. Настоящий криминал надежно упрятан в недрах моего жесткого диска, маловероятно, что

Аврил случайно наткнется на него, а искать у нее времени нет. Да и мотивов тоже. К тому же она слишком тупа. По мере того как приходно-расходные операции по счету 1390931 стали все запутаннее, мои меры предосторожности стали все изощреннее, а вранье – все менее правдоподобным, потому что один прокол тянул за собой другой. Правда заключается в том, что подпевалы Денхольма Кавендиша не желают знать правды, которую может унюхать даже человек, чьи умственные способности подпорчены Итоном. Не волнуйся, Нил. Аврил просто распечатает файл с делом Микки Квана, и все. Гуйлан заварит кофе, густой, как битум, – хоть трещины в асфальте заделывай. Я навешаю Тео на уши лапшу про чересчур рьяных аудиторов, а ему, как всем начальникам, гордость не позволит задать даже простейшие вопросы. Затем Тео навешает сотрудникам отдела внутреннего финансового надзора лапшу про капитал, размещенный в японских банках на условиях двойного хеджирования. Они навешают лапшу Джиму Хершу, что, мол, компания обязательно должна со всем разобраться в течение следующего финансового квартала, а Херш, в свою очередь, навешает лапшу начальнику Луэллина, что, мол, холдинговая компания «Кавендиш» невинна, как агнец, и что грязные слухи, – которые, будем откровенны, старина, распространяются китайцами, – лишены всяких оснований, и не надо никаких дипломов полицейской академии, чтобы понять, под чью дудку сейчас пляшет Гонконгская народная полиция, не так ли, камарад? И опля! – тут мы и получим наши шестизначные премии, из которых пятизначная сумма уже потрачена, а оставшееся в течение ближайших восемнадцати месяцев спустят на автомобили, недвижимость и на индустрию развлечений. Ты снова сделал это, Нил. Прошел по краю. Девять жизней? А вот хрен тебе. Девятьсот девяносто девять.

Все в порядке, Нил. Второй гудок. Остается шестьдесят секунд.

– Нил? Ты почему не садишься на паром?

Такое чувство, будто вот-вот стошнит, и начинаешь перебирать в уме – что съел.

Но я вообще ничего не ел.

В чем же дело? Может, она принуждает меня остаться? Удерживает за руку?

Нет. Она здесь ни при чем. Я прекрасно чувствую, когда она рядом. Сейчас ее здесь нет. К тому же она меня ни к чему не может принуждать. Решаю я. Я хозяин положения. Таковы правила игры.

И вообще, было кое-что поважнее, чем она.

Вчера вечером мы с Аврил готовили отчет для господина Вэя, магната-судовладельца. От чертова компьютера у меня болели глаза, живот сводило от голода – за весь день съел единственный сэндвич с беконом, латуком и помидором. Около полуночи начала кружиться голова. Я вышел в кафе, что через дорогу от башни «Кавендиш», заказал самый большой тройной дермобургер в меню, целых две штуки, и положил в кофе десять кусков сахара. Я смаковал каждый глоток, а кровь моя взыграла, как архангел Гавриил, когда в нее полился сахар. Это было что-то сверхъестественное. Плевать я хотел на естественное.

Я смотрел, как за стеклом по ночной улице движется поток машин, людей, чужих историй. Вдалеке пытел и шипел гигантский велосипедный насос, что-то накачивал. Кругом, куда ни кинь взгляд, вспыхивали и гасли неоновые буквы рекламных сообщений. Играла музыка, старый хит Лайонела Ричи про слепую девочку^[54]. Очень жалостливый. Когда-то я расстался с невинностью под аккомпанемент этой песни, задыхаясь под грудой курток, на вечеринке у приятеля в Телфорде. Не понимаю, какого черта я делал в Телфорде. Не понимаю, какого черта вообще делают в Телфорде.

Тут вошел этот парнишка со своей девушкой. Он заказал гамбургер и колу, она – ванильный молочный коктейль. Он взял поднос, поискал свободный столик – их не было – и встретился взглядом со мной. Подошел и на ломаном английском спросил, нельзя ли подсесть ко мне. Акцент не был китайским. Китаёзы скорее умрут, чем сядут за один столик с нашим братом. Или плюхнутся, не спросив разрешения, словно ты пустое место. Одно из двух. Я кивнул,

стряхнув пепел с сигареты. Он очень вежливо поблагодарил меня по-английски. «Супасибо барисоё», – сказал он.

Девушка точно была китайкой, но разговаривали они по-японски. У парня был футляр с саксофоном и маленький рюкзак, на котором еще болталась бирка авиакомпании. Они, похоже, едва-едва окончили школу. Ему не помешало бы как следует выспаться. Они не обнимались и не лизались, как принято у китайской молодежи в наши дни. Просто держали друг друга за руку через столик. Я, конечно, не понимал, о чем они говорят, но, по-моему, они строили планы на будущее. У них был такой счастливый вид. И воздух между ними так раскалился, что я подумал – они еще не спали друг с другом. Не было этой ленцы, выражения самоуверенной собственности, которое появляется после первых нескольких раз.

Если бы в этот момент из захватанной бутылки с кетчупом вылез какой-нибудь джинн или там Мефистофель и сказал: «Нил, если я превращу тебя в этого парнишку, согласишься отдать душу дьяволу на веки веков?» – я бы ответил не задумываясь: «Забирай нафиг, и поскорее». В япошку так в япошку, или кто он там.

Я посмотрел на свой «ролекс»: четверть первого ночи. Что за жизнь?!

Я ошибся насчет неба. Оно не белесое, нет. Если присмотреться – скорее цвета слоновой кости. А над горой сквозь отполированный солнцем тончайший слой перламутра струится сияние.

И море не пустое. Вдали, на краешке справа, темнеют острова.

Мягкие росчерки кисти на новом свитке в комнате госпожи Фэн, четырьмя этажами выше нас.

Так-так. Нил, позволь тебе кое-что напомнить. На твоей кредитной карте значится сумма, от которой стало бы не по себе даже Биллу Гейтсу. Развод будет стоить тебе почти всех денег, которые ты считаешь своими. Юристы, ухватившие такой кусок пирога, как ты, никогда не опаздывают на встречи с господином Вэем. Тайваньские магнаты-судовладельцы завтракают с политиками столь влиятельными, что по мановению их руки возникают и исчезают небоскребы.

Десять секунд до третьего гудка! Вот-вот запрут турникет. Размышляй над своими экзистенциальными проблемами во время обеденного перерыва – ха, когда это у меня в последний раз был обеденный перерыв! – не важно, когда угодно, но только не сейчас. А сейчас немедленно, сию секунду, прыгай на этот чертов паром. Больше повторять не буду.

От магазина галопом бежит человек. Энди Как-его-там. Помню его в лицо с тех времен, когда посещал поло-клуб на острове Лантау. На этом чертовом острове не найдешь ни одного чертова пони. Галстук от Ральфа Лорена извивается змеей, шнурки на ботинках развязаны. Да, Энди Как-тебя-там, береги себя – того и гляди свалишься и лоб разобьешь, а Джилл слетит с горки^[55].

– Задержите паром! Погодите!

Ба! Прямо Лоуренс Оливьерский^[56], а не Энди Как-его-там.

Неужели вот так и она смотрит на меня? Равнодушно, с примесью насмешки?

Китаец-дежурный возле турникета – наверное, сводный кузен брата-близнеца водителя автобуса – нажимает кнопку и запирает турникет. Энди Как-его-там завершает свой полет, хватается за ограду и, с трудом удержавшись, чтобы не взвыть, как обезумевший арестант за решеткой, умоляет:

– Пустите!

Китаец-дежурный едва заметно кивает на табло «Паром отбывает».

– Пожалуйста, пропустите меня!

Дежурный мотает головой и уходит в свою будку пить кофе.

Энди Как-его-там стонет, тихо мычит, нашаривает в кармане мобильный телефон, роняет его. Поднимает и, удаляясь прочь, разговаривает с неким Ларри, что-то сочиняет на ходу, при-
творно смеется.

Паром отчаливает от пристани и быстро уходит вдаль.

Иногда я тебя не понимаю.

* * *

Кати запретила мне провожать ее в аэропорт. Ее самолет улетал днем, в одну из самых сумасшедших пятниц. Мой рабочий стол превратился в узкое ущелье посреди гор срочных контрактов, грозивших обвалом. Поэтому в тот день мы выехали из дома раньше обычного и позавтракали в кафе на пристани у парома. Да, в том самом кафе, вон там. Где сейчас у окна сидит Энди Как-его-там и стучит по клавишам ноутбука на столе с таким остервенением, будто пытается предотвратить ядерную войну. Горбится так, что наверняка повредит себе позвоночник. Надо же, он и не подозревает, что сидит за тем самым столиком, за которым мы с Кати разыграли нашу прощальную гастроль.

Прощальная гастроль вышла совсем не в духе Ноэля Кауарда^[57]. На самом-то деле Нил Броуз и Кати Форбс выступили из рук вон плохо. Нам нечего было сказать, а может, слишком много нужно было сказать друг другу, но после стольких ночей молчанки вдруг оказалось, что наше время истекло. Я плохо помню, о чем мы говорили. Кажется, о планировке аэропортов, о регулярном поливе комнатных растений, о том, что Кати скоро снова увидит Лондон. Было такое ощущение, словно мы познакомились накануне вечером, провели бурную ночь в какой-то коулунской гостинице и только что проснулись рядом друг с другом. На самом деле мы не занимались сексом уже пять месяцев. С тех самых пор, как все выяснилось.

Черт подери, это было ужасно. Кати уходила от меня.

Гораздо лучше я помню, о чем мы не говорили. Мы не говорили о госпоже Фэн. Мы не говорили о ней. Мы не говорили о том, по чьей «вине», – черт, неужели, страдая бесплодием, люди за тысячи лет не придумали лучшего слова, чем «вина», – у нас ничего не получается. Кати всегда была милосердна. О возможности лечения, клиниках, усыновлении, обо всех этих полумерах мы не говорили вообще никогда – нам не хватало духу, ни тогда, ни сейчас. Если сама природа, будь она проклята, не хочет сделать свое дело, значит не нам ее подменять, черт подери. Мы не упоминали слова «развод», потому что он нависал над нами, как эта самая гора. И не упоминали слова «любовь». Это было большее всего. Я ждал, что Кати произнесет его первая. Она, наверное, ждала, что его скажу я. А может, эти слова уже перешли по наследству к романтичным несмышленишкам, родившимся лет на семь-восемь позже нас. К парочке вроде той, которую я видел вчера в кафе. Теперь любовь существует для них. Не для нас, старых переставших за тридцать. Даже не мечтай.

Раздался гудок парома. Я стоял на мостовой, как раз на этой розоватой плите, где стою сейчас. Я хорошо ее запомнил и с тех пор обхожу каждый день. Я подумал, что на прощание надо бы обнять Кати. Может, даже поцеловать.

– Тебе пора на паром, – сказала она.

Ну что ж, раз ей так угодно.

– До свидания, – ответил я. – Приятно было побыть твоим мужем.

В тот же миг я пожалел о сказанном. И до сих пор жалею. Эти слова хлестнули последним ударом. Она повернулась и пошла прочь. Я иногда думаю – если бы догнал ее, что тогда? Нас выбросило бы в другую вселенную и жизнь началась бы заново? Или я бы просто расквасил нос? Теперь этого не узнаешь. Послушный зову гудка, я пошел на паром. К стыду своему, я не оглянулся, когда паром отчалил, поэтому не видел, махала ли она мне вслед. Зная характер Кати, думаю, что вряд ли. Как бы то ни было, через сорок пять секунд я уже забыл о

ней. Все мое внимание приковали десять строк мелким шрифтом на пятой странице раздела бизнес-новостей в газете «Саут Чайна морнинг пост». Новый американо-британо-китайский следственный орган под названием «Инспекция по перемещению капиталов» провел обыски в офисах торговой компании «Шелковый путь». Эта компания, неизвестная в широких кругах, была мне прекрасно известна. Не далее как в прошлую пятницу, следуя полученным инструкциям, я, лично я, перевел на счет компании «Шелковый путь» 115 миллионов долларов со счета 1390931.

Черт подери...

Вокруг не было ни души.

Дорога от пристани и припортовой деревни вела к поло-клубу. Там уныло обвисли флаги. За клубом дорога превращалась в тропку, убегала к пляжу и становилась дорожкой, выходящей вдоль берега. Я никогда не ходил этим путем, поэтому понятия не имел, куда он меня заведет. Рыбак, натруженными руками вытягивавший сеть, обернулся, и наши взгляды на секунду скрестились. Я совсем забыл, что за пределами нашей Деревни проклятых договорами краткосрочной аренды^[58] есть люди, которые живут на острове Лантау всю жизнь, от рождения и до смерти.

По выходным отец брал меня с собой на рыбалку. На мрачное водохранилище, затерянное в Сноудонии. Папа работал электриком. Это настоящая работа, честный труд. Ты прокладываешь проводку, устанавливаешь людям распределительные щитки, исправляешь огрехи их самодельного тяп-ляп-ремонта, чтобы они не спалили свои дома. Папа был ходячим кладезем расхожей мудрости. «Дай человеку рыбу, Нил, и ты накормишь его на один день. Научи его ловить рыбу – и ты накормишь его на всю жизнь». Мы сидели на берегу водохранилища, когда я сказал папе, что собираюсь в Политехнический, на факультет экономики и финансов. Он кивнул, сказал: «Со временем можно будет получить хорошую работу в банке» – и закинул удочку. Наверное, тогда я и вступил на этот путь, который привел меня сюда. Последний раз мы с отцом ездили на рыбалку в тот день, когда я сообщил ему, что получил назначение в гонконгский филиал компании Кавендиша. С жалованьем втрое больше, чем у директора моей бывшей школы. «Здорово, Нил, – сказал отец. – Мама лопнет от гордости». Я ждал от него более бурной реакции. Он к тому времени постарел, вышел на пенсию.

Честно говоря, рыбачить мне было скучно. Лучше бы посмотрел футбол по ящику. Но мама настаивала, чтобы я ездил с отцом, и теперь я рад, что слушался ее. Даже сейчас при слове «Уэльс» ощущаю вкус сэндвичей с тунцом и яйцом, некрепкого чая с молоком и вижу, как отец пристально вглядывается в темную воду озера, окруженного холодными горами.

В ее появлении было что-то общее с гудением холодильника. Когда осознаешь этот звук, оказывается, что исподволь успел к нему привыкнуть. Не припомню, как долго, возвращаясь домой, мы обнаруживали, что шкафы распахнуты, кондиционер включен, а занавески раздернуты. Мы с Кати жили вместе и потому особо не задумывались. Кати приписывала все эти действия мне, а я – Кати. Ее появление не сопровождалось драматическими киношными эффектами. В комнате ничего не клубилось, тени не мелькали, на экране компьютера не появлялись напечатанные невидимой рукой послания, и магнитные буквы на холодильнике не складывались сами собой в слова. Ничего такого, как в «Полтергейсте» или «Экзорцисте». Скорее похоже на болезнь, которая развивается так постепенно, что ее невозможно заметить, пока она не достигнет летальной стадии. Так, пустяки: вещи обнаруживались черт знает где. Банка меда на платяном шкафу. Книги в посудомоечной машине. Все в этом роде. Ну и конечно, ключи. Ключи особенно. У нее была просто страсть к ключам. Нет, она была не из тех гостей, которые нагло заваливаются в дом среди бела дня. Мы с Кати сперва шутили: «Ха, опять призрак заходил».

Мне кажется, в конечном итоге именно она, а вовсе не разбитые вазы, серьезно повлияла на нашу судьбу – на нас троих.

Я прекрасно помню тот день, когда еле слышное гудение переросло в отчетливый гул. Это случилось прошлой осенью, воскресным утром. Я остался дома, а Кати отправилась в местный продовольственный, за покупками. Я валялся на диване, один глаз – в газету, другой – в телевизор. Показывали третий «Крепкий орешек», дублированный на кантонском диалекте. Я заметил, что на ковре у дивана играет маленькая девочка: лежит на животе у дивана и дрыгает ногами, как будто плывет.

У меня не было никаких сомнений в ее присутствии. И вместе с тем я был совершенно уверен, что никаких маленьких девочек здесь нет.

Вывод напрашивался сам собой.

Страх дохнул мне в затылок.

– Вызывайте агентов ФБР, да побольше! – сказал туповатый полицейский, который не верил в возможности Брюса Уиллиса.

Рассудок вернулся, предъявил удостоверение, приказал вести себя так, словно ничего предосудительного не происходит. А что мне оставалось делать? С воплями броситься вон из квартиры – куда? Все равно рано или поздно придется вернуться. К тому же Кати надо поберечь. Не докладывать же ей, что мы с утра до вечера и с вечера до утра живем под наблюдением призрака. И вообще, стоит опустить подъемный мост – и мало ли кто еще по нему заявится? Я заставил себя снова уткнуться в газету и сделал вид, что читаю статью, пусть она хоть на монгольском языке.

Страх, хоть и закованный в наручники, все равно орал во всю глотку: «В твоей квартире поселился призрак, черт возьми! Призрак, ты слышишь, кретин?»

Она по-прежнему плавала на ковре. Только перевернулась на спину.

Пришлось отложить газету. Итак, если она здесь, значит я сошел с ума? Или я сошел с ума, если ее здесь нет?

Что я о ней знал?

Только то, что она мне ничем не угрожала.

Я свернул газету и посмотрел туда, где, по моему мнению, была она.

Никого. И ничего.

«Ну, что я говорил!» – ухмыляясь, сказал Рассудок.

«Нил, – сказал Нил. – Ты сходишь с ума».

Я решительно направился на кухню.

За спиной послышалось хихиканье.

«Мудак», – сказал Страх Рассудку.

Щелкнул замок, звякнули об пол ключи – Кати уронила связку. Я вышел в коридор. Кати наклонилась за ключами, поэтому, к счастью, не видела выражения моего лица.

– Уф! – разогнулась она с улыбкой.

– Добро пожаловать! – приветствовал я ее. – Что это у тебя? Шампанское?

– Шампанское, омары и ягнятина, мой охотник-добытчик. А ты спал, да? Ты какой-то смурной.

– А... да. Задремал. Неужели я опять забыл про твой день рождения?

– Нет.

– В чем же дело?

– Вот накормлю тебя до отвала, чтобы у тебя было игривое настроение и много спермы.

Я хочу ребенка. А как ты?

А я – как Кати.

Я очутился в каком-то грязном дворе, окруженном покосившимися рыбацкими лачугами. Здесь дорожка разветвлялась на множество тропок. Черный пес пристально смотрел на меня единственным глазом, оценивая, что я за зверь. Лучше бы он сидел на цепи. А вдруг он бешеный? Из-за кочана капусты размером с шалаш выглянула женщина.

– Идешь к большому Будде? – спросила она.

Я увидел себя со стороны, ее глазами. Во двор забрел иноземный дьявол. Ноги по щиколотку в грязи, туфли из Пенсильвании, шелковый галстук из Милана, кейс набит всякими японскими и американскими штучками, которые стоят больше денег, чем она видела за три года. Что ей еще было думать?

– Да, – кивнул я.

Она указала тупорылым овощем на одну из тропинок.

– Большое спасибо, – поблагодарил я.

Нахоженная тропа, углубляясь в лес, становилась все более сомнительной. Листья, ветви, стебли, сплетения корней, шишки, шипы и заросли. Какая-то неказистая бурая птичка пела среди изумрудов и опалов. Сухая трава. Земля, камни, булыжники, черви шевелятся под ногами.

Я ни о чем не думаю. День копит жар.

Послышался рокот вертолета. Я представил, как Аврил и Гуйлан свешиваются с борта, в шлемах с гарнитурой, с биноклями у глаз; Аврил что-то говорит в объектив кинокамеры, будто репортер радиостанции, докладывающий сведения о дорожных пробках. Я даже рассмеялся. В зарослях что-то шелестело и топало. Я замер, прислушиваясь, но все стихло. А кстати, интересно, на острове Лантау водятся змеи?

Тридцать один денек в сентябре,
В апреле, июне и в ноябре.
Все остальные – насрать...^[59]

Насекомые жадно жужжали у самого лица – им не терпелось отведать моего пота.

Теперь пора представить горничную.

Честно говоря, мысль обзавестись прислугой пришла в голову Кати. Мне до этого дела не было, я ее не нанимал и первые шесть месяцев – до нынешней зимы – даже в глаза не видел. До тех пор, пока Кати не уехала в Англию. В нашей фирме есть мужчины, которые нанимают прислугу с прицелом, что она будет не только застилать постель и водить детей в школу. В «Кавендише» предпочитают филиппинок – они более сговорчивы, потому что у них нет гражданства. К тому же филиппинка знает: чем она услужливей, тем скорее хозяин, покидая Гонконг, порекомендует ее своему преемнику.

Может, Кати наслушалась этих историй в своем женском клубе. Поэтому, наверное, и решила взять горничную-китайку. Я очень удивился, когда Кати сказала, что ей нужна прислуга. Семья Кати в Кембридже вроде бы принадлежит к верхним слоям среднего класса, но доход родителей дотягивает лишь до нижней планки этого сегмента, так что приходилось полагаться на старые связи и затягивать пояса потуже, чтобы отдать детей в хорошие школы. Мы с Кати познакомились в лондонской адвокатской конторе, а не в палате лордов.

И все-таки оказались здесь, в колониальных владениях. Прошу прощения, в бывших колониальных владениях.

Я расстроился, когда обнаружил, что Кати подпала под влияние женского клуба. Но вынужден был согласиться, когда она заявила, что ей, а не мне, приходится поддерживать порядок в доме. И что когда она забеременеет – и тут я опять не смог ничего возразить, – о работе по

хозяйству придется забыть. Вдобавок я заподозрил, что Кати увлеклась идеей наведения межкультурных мостов и решила сделать своим хобби постижение загадочной китайской души.

Если это подозрение верно, то Кати сильно просчиталась. Хобби ничего не принесло ей, кроме огорчений, которые тут же по эстафете передавались мне, как только я переступал порог дома. Кати дарила ей подарки – горничная их принимала, не сказав ни слова в ответ. Кати жаловалась: горничная угрюма, непредсказуема и делает толстые намеки, что ее родственники в Китае умирают с голоду, а ей не хватает денег спасти их. Кати подозревала, что по ночам она подрабатывает хостессой в баре. И вроде бы пропала пара золотых сережек, хотя Кати и не была вполне в этом уверена. Теперь я думаю, что, возможно, в пропаже была виновата наша призрачная дочурка.

– Если ты недовольна, уволь ее, и все.

– Но ведь у нее семья голодает!

– Это не твои проблемы. Ты же не Леди Благотворительность.

– Рассуждаешь, как законченный законник.

– А у тебя голова только ею и забита с утра до вечера.

– Нил, поговори с ней.

– Почему я?

– Я пыталась, но в китайской культурной традиции женщины уважают и признают только мужчин. Держись с ней потверже, и все. Я дам ей выходной в субботу, а в воскресенье, когда ты дома, попрошу прийти. Пожалуйста, не забудь. Ничего не намечай в воскресенье.

– Но ведь сережки-то твои.

Не надо было этого говорить.

После того как я с большим трудом наконец успокоил Кати, то спросил, что, собственно, мне нужно сказать горничной.

– Скажи, что у нас есть определенные требования, и она должна их соблюдать. Что у нее есть обязанности. Может, она чего-то не поняла, потому что мы плохо объяснили, когда ее нанимали.

– А если она просто ленивая сучка, и все? Почему ты думаешь, что мои слова на нее действуют?

– Ну как же, китайский менталитет! У китайцев такая психология: если покажешь им, кто хозяин, они слушаются. На меня она смотрит, как на кусок собачьего дерьма. Жена Тео рассказывала, у них такие же проблемы. Даже если она не поймет ни слова, не беда. Все, что нужно, эти люди понимают по интонации.

Вот так в воскресенье и состоялась моя встреча с горничной. В общем, Кати сама нас свела.

Я предполагал увидеть уборщицу. Горничная есть горничная. Ей оказалось лет двадцать восемь – двадцать девять. Она была в униформе – белая блузка с черной юбкой, черные колготки – и слегка вспотела. Она выслушала, как я отбарабанил свой монолог, – безразлично, стараясь не смотреть мне в глаза. У нее были роскошные волосы и смуглая кожа. Увидев ее, я уже через тридцать секунд понял: рано или поздно мы с ней окажемся в постели. И я знал, что она тоже это понимает.

С этого момента, даже в те ночи, когда мы с Кати занимались любовью по три раза кряду, чтобы она забеременела, я закрывал глаза и представлял, что подо мной лежит горничная.

Тропинка, огибая трапистский монастырь, резко уходила в гору, в самую сердцевину розовеющего утра. Вскоре вершины деревьев остались далеко внизу. Я даже не предполагал, что в этих краях так много неба! Я сбросил пиджак, перекинул его через плечо. Кейс по-прежнему сжимал в руке.

Дошел до выступа скалы, присел. Сердце гудело, как струны контрабаса. Может, принять таблетки? Доктор, который лечит сотрудников компании Кавендиша, китайский шарлатан, сказал: «Принимайте по три таблетки в день, и все будет в порядке». Я спросил, что это за таблетки. Он ответил: «В этой бутылочке зеленые, в этой – розовые, а в этой – синие». Спасибо, доктор. Сегодня обойдусь без ваших таблеток.

На небе – сплошная алхимия. Солнце растопило свинцовую серость и превратило ее в серебро. Сквозь серебро постепенно начинала просвечивать синева. Хороший денек выдался.

Поросшая бурым плюшем глыба подняла голову, моргнула, сочувственно посмотрела на меня и замычала. Когда я в последний раз был рядом с коровой, если не считать отбивной? Забыл. Давным-давно, в Уэльсе. Гонконг поблескивал вдали, сквозь дымку. Небоскребы и строительные леса тянулись кверху, тесня друг друга, словно деревья в джунглях.

Зазвонил мобильный, и меня как током тряхнуло.

Черт, что же я натворил. Боже, помоги мне проснуться, очнуться, вернуться на землю!

Корова опять печально замычала. Да в бога душу мать! Я адвокат. Я живу в мире, где «тринадцать» означает только одно – «тринадцать миллионов баксов». А я прогуливаю работу, как школьник контрольную по математике. Это тайваньцы! Думай! Какая причина покажется им достаточно веской и уважительной, а не надуманной отговоркой? Что можно привести в свое оправдание? Похищение? Нет, сердечный приступ? Аврил знает, что я принимаю лекарства от сердца. Припадок? Думай, думай! Сильный, невыносимый, мучительный приступ тошноты. А как я объясню, почему не сел на паром? И вообще, придется платить доктору, предъявлять квитанцию об оплате, искать внушающих доверие свидетелей...

Отвечай! Отвечай же!

Я нажал кнопку «ответить» и сказал, э...

Нил, а не пора ли тебе самому решать, что такое настоящий кризис?

Э... Ничего. Я слушал удары сердца – как разрывы гранат в соседней долине.

– Нил? Нил? – Аврил, конечно. – Нил, где ты?

Большая муха села мне на колено. Готический трехколесный велосипед. Уф, отпустило.

– Нил! Ты слышишь меня? Цзян Юн здесь. Он предельно вежлив, но совершенно не понимает, что могло тебя так сильно задержать. И я тоже не понимаю. И Джим Херш вряд ли поймет. Если Цзян Юн для тебя недостаточно важная персона, то имей в виду, из Петербурга тебе уже дважды звонил господин Грегорский. А сейчас еще даже не девять утра.

Я посмотрел на свой «ролекс». Надо же, как время пролетело. Корова поморщилась. Я учуял запах свежей навозной лепешки.

– Я знаю, что ты там, Нил. Я слышу, как ты дышишь. Сейчас тебя спасет только одно – если твой паром перевернулся. Нил, ты слышишь меня, Нил? Если ты не в состоянии говорить, стукни два раза по телефону, хорошо?

Ага! В ее хамском тоне уже зазвучали нотки сомнения. Я хихикнул. Умница Аврил всегда найдет выход. Она далеко пойдет, наша Аврил.

– Нил! Ничего смешного! Ты срываешь крупнейший контракт, который нам когда-нибудь светил! О котором можно было только мечтать. Мне придется сообщить о твоём поведении господину Кавендишу. Ты ведь не рассчитываешь, что я буду тебя покрывать?

Да заткнись ты уже, достала. Я нажал «отбой» и положил чертову штуковину на теплый камень.

В небе кружил гриф. Появилось облако-наковальня.

Их появление невозможно заметить. Они таятся в укромных пыльных уголках. Они разрастаются до невероятных размеров, а ты не подозреваешь о них ни во сне, ни наяву, не видишь их истинного облика. А потом в один прекрасный день – случайная встреча, промельк желаний, неведомых тебе самому, и засовы сдвигаются...

Аврил добралась-таки до моего пейджера. Господи, я до зубов вооружен всякой телекоммуникационной дребеденью. Я сдернул пейджер с пояса, разоружившись, как Джон Уэйн^[60], после того как перестрелял легион гнилозубых мексиканских бандитов. Открыл кейс. Опа! А вот и папка с надписью «Микки Кван»! И еще визитная карточка Хью Луэллина. Я бросил пейджер и мобильный телефон в кейс, встал, хорошенько размахнулся и запустил кейс в полет. Он описал изящную параболу. Пейджер все еще жалобно пищал, мяукал, как дорогой породистый котенок. Кейс с разгону упал на крутой склон и понесся вниз, подпрыгивая и кувыркаясь в воздухе, выписывая кульбиты, разгоняясь до убийственной скорости, как Мама-львица^[61], как голубь-турман, как лемминг, как Хрюша из «Повелителя мух»^[62].

На миг завис в лучах утреннего солнца, будто невесомый.

И спикировал в море, как баклан.

* * *

Видимо, Кати забыла уволить горничную.

Через неделю после того, как Кати улетела, я вернулся с работы поздно вечером и обнаружил, что грязное белье выстирано, посуда помыта и аккуратно расставлена по местам, туалет и ванная надраены, окна сияют. Она даже погладила рубашки, благослови бог ее маленькие китайские грудки с сосочками, как ягоды кизила.

Конечно, я решил не отказываться от ее услуг. А то вечно приходится записывать в календарь-памятку все дела, вплоть до посещения туалета. Серьезно.

Горничная сразу сообразила, что Кати уехала.

Она пришла в воскресенье утром. Я лежал на диване и смотрел «Улицу Сезам». Я услышал, как повернулся ключ в замке. Она вошла в гостиную, будто хозяйка. Фартучка на ней не было.

Она прикрыла за собой дверь, подошла ко мне, словно я неодушевленный предмет, опустилась на колени, сжала мой член в руке и стала его массировать. Зелибоба пел песенку про то, как звук «а» на письме волшебным образом превращается в букву «о». Я попытался поцеловать ее, но она оттолкнула меня свободной ладонью, а другой рукой орудовала все энергичнее. Сорвала с меня футболку. Брюки стянула ногой. Спортивная девушка. Прищепила пальцами мошонку, увела меня, как быка на веревочке, в спальню и уложила на кровать, с той стороны, где спала Кати. Потом сбросила трусики и встала коленями мне на грудь. Я потянулся расстегнуть ей блузку, но она предостерегающе зацокала языком, шлепнула меня, вонзила ногти мне в мошонку и не разжимала пальцев, пока я не попросил пощады. Только тогда она заговорила – в первый и, кажется, в последний раз.

– Скажи: хочу тебя, не хочу суку Кати.

– Да, да.

– Скажи!

– Я хочу тебя. Не хочу ее.

– Дальше скажи. Кати сука. Кати дрянь. Не женщина. Настоящая женщина ты. Скажи.

У меня язык не поворачивался.

Не выпуская моих захваченных в заложники яиц, она одной рукой стянула с себя блузку и расстегнула лифчик. В соседней комнате раздалось хихиканье. Соски у нее набухли и потемнели, прямо как в сказке.

– Ну?

– Она сука. Дрянь. Ты настоящая женщина.

– Дать мне много денег. Ее вещи. Мне подарок.

– Она почти все увезла.

- Нет. Много есть. Теперь я. Все мое. Скажи.
- Ее ладонь скользнула по моему члену, сдавила сильнее.
- Теперь все твое, – выдохнул я.
- Она положила мою руку себе на грудь.
- Скажи: ты сильнее я.
- Ты сильнее меня.

Покончив с формальностями и утвердив условия договора, она прижалась ко мне. У меня мелькнула мысль о мерах предосторожности, но в следующую секунду я забыл обо всем. Только ритмичные волны влажного тепла. Глубже и глубже. Быстрее и быстрее.

Я хотел поменяться с ней местами, но она укусила меня, отпихнула локтем и снова заваляла на спину.

А потом над нашими телами жужжал вентилятор. Ничего не осталось от жаркой приливной волны – только запах и пена отлива. Я чувствовал... Не знаю что. Может, ничего. Звучали финальные аккорды музыкальной заставки «Улицы Сезам».

Она встала с кровати и присела к туалетному столику Кати. Открыла ящик, достала ее коралловое ожерелье. И надела на шею. Более тонкую, чем у Кати.

Я снова хотел ее. Все равно пропал, а платить придется по полной. Не только деньгами. Нужно не продешевить и взять свое. Я встал и оттрахал ее сзади, на туалетном столике. Мы нечаянно разбили зеркало.

Секс с горничной превратился в наркотик. Один раз попробовал – и зависимость становилась все сильнее. Я думал о ней на работе. Когда я возвращался домой, мой член вставал, едва ключ касался замочной скважины. Если уже в прихожей чувствовался запах духов Кати, значит она пришла. Если нет... приходилось довольствоваться виски. В офисе Хьюго Хэмиш и Тео решили, что я страдаю от разлуки с Кати, и вечно уговаривали после работы сходить в «Бешеных псов», пропустить по стаканчику. Чтобы развеяться. По правде сказать, воспоминания о Кати меня не особо терзали. Они хранились в другой кабинке моей памяти, там, куда я не наведывался без нужды. Горничная – другое дело. Она сама ко мне наведывалась.

Как-то раз я вернулся домой и увидел в прихожей тапочки госпожи Фэн. Я понял, что к нам пришла беда. Госпожа Фэн и Кати сидели за столом в гостиной. Видок у них был, мол, вот, помяни черта, он и... В общем, Нилу Броузу только что вынесли приговор – окончательный, обжалованию не подлежащий.

– Нил, – произнесла Кати тоном школьной директрисы: она всегда прибегает к нему, когда сильно волнуется, но хочет показать, что полностью владеет собой. – Госпожа Фэн рассказывала мне о нашей гостье. Сядь, послушай.

Мне хотелось пива. Хотелось в душ. Хотелось бифштекса с жареной картошкой и посмотреть матч «Манчестер юнайтед» – «Ливерпуль» по кабельному.

– Выслушай госпожу Фэн! Это очень важно! Сядь!

Раньше сядешь – раньше выйдешь. Я вздохнул.

Госпожа Фэн терпеливо ждала, пока я усядусь и перестану ерзать.

Она смотрела на меня так пристально, словно проводила опознание моей личности. Я почувствовал себя подозреваемым.

– В этой квартире живете не только вы, – изрекла госпожа Фэн.

– Знаю.

– Еще маленькая девочка. Сейчас она прячется. Боится меня.

Ничего удивительного, подумал я. Глаза у госпожи Фэн были как двери дымчатого стекла. Когда она моргала, я отчетливо слышал, как с шипением съезжаются створки.

– Есть три варианта. Первый. Давным-давно нежеланных детей привозили зимними ночами на остров Лантау и бросали тут умирать от холода и голода, среди диких зверей. Может,

ваша девочка из этих. Но вряд ли – эти, древние, не любят селиться в современных домах. Второй вариант. Когда японцы во время войны оккупировали Гонконг, они вывозили арестованных на берег залива Дискавери и заставляли рыть себе могилы. А потом расстреливали на краю. Как раз там, где в семидесятые построили первую очередь многоквартирных домов. Может, девочка что-нибудь украла, и за это ее расстреляли. Третий вариант. Девочка... Я не знаю, как это сказать по-английски. Она – дочь *гвайло*, который тут жил, и горничной. Мужчина уехал, а горничная сбросила ребенка из окна.

– Любящая мать, – вставил я.

– Нил, помолчи!

– Мальчик – это, конечно, бесчестье. Но девочка – еще хуже. С девочками часто так поступают, если родители бедны. Даже когда оба они китайцы и состоят в законном браке. В будущем расходы на приданое могут совершенно разорить родителей. Думаю, ваша девочка из них.

Почему они в четыре глаза смотрят на меня? Чем я провинился?

– Тут есть один нюанс, – сказала Кати. – Госпожа Фэн сказала, что такая девочка привязывается к мужчине. То есть к тебе.

– Ты хоть соображаешь, что говоришь?

– Госпожа Фэн говорит, что девочка ревнует тебя ко мне. Видит во мне соперницу. Я не смогу забеременеть, пока мы живем в этой квартире. Нам нужно уехать с острова Лантау. Они не способны пересекать водное пространство.

– Мне кажется, доктор Чен несколько правдоподобнее объясняет, почему чета Броуз-Форбс никак не может обзавестись наследником.

Черт, не стоило это говорить.

– Значит, по-твоему, все это – плод моего воображения?

– Нет. В доме, пожалуй, и правда кто-то завелся. Но космические цены на жилье в Центральном округе или в Виктории – более осязаемая реальность. Когда речь идет о деньгах, китайцы сразу забывают про свой хваленый фэншуй. Так что, Кати, выбрось переезд из головы. Он нам не по карману. А о том, чтобы перебраться в Коулун, где обитает всякий сброд и рулят триады, и речи быть не может. Родишь там ребенка, а его наруют на кусочки и засушат из них лекарств.

Госпожа Фэн молча наблюдала за нами. Явно не без удовольствия.

– Госпожа Фэн, – обратился я к ней. – Вы знаете все на свете. Скажите, что нам делать? Вызвать экзорциста?

Мой сарказм пропал зря. Госпожа Фэн кивнула в ответ:

– В рядовом случае – да, конечно, я могла бы порекомендовать квалифицированного геоманта. Но ваша квартира такая несчастливая, что, я уверена, тут уже ничего не поможет. Вам нужно переехать.

– Мы не переедем. Мы не можем позволить себе переезд.

Госпожа Фэн встала из-за стола:

– В таком случае разрешите откланяться.

Кати тоже поднялась и пробормотала что-то вроде «прошу вас, оставайтесь, выпьем чайку», но госпожа Фэн уже направилась к выходу.

– Остерегайтесь того, что за дверью, – бросила она на ходу, не оборачиваясь.

Пока я соображал, что бы значили ее слова, Кати ушла в комнату для гостей и захлопнула за собой дверь. Щелкнул замок.

Сумасшедший дом, просто сумасшедший дом. Я достал банку пива и лег на диван. Готовить еду не было сил. Спасибо тебе, Кати. За целый день не удосужилась сварить ужин. Подумаешь, в доме призрак завелся!

Никогда не думал, что в этой чертовой квартире столько замков и запоров.

Мальчик с девочкой в кафе вчера вечером так и не выходят из головы.

Мы с Кати. Куда подевалась Любовь?

А Любовь отправилась в койку и трахалась до тех пор, пока это ей не наскучило до зеленых чертиков, если честно. Тогда она осмотрелась вокруг: чем бы еще заняться. И тут увидела, что у всех старых добрых друзей народились славные ребятишки. Любовь решила последовать их примеру, но, как она ни старалась оплодотворить себя, месячные неуклонно приходили в свой срок. И тогда Любовь обратилась в клинику по лечению бесплодия, и там ей открыли правду. Насколько я могу судить, труп Любви и поныне там. Вот вам, мальчики и девочки, история про то, куда девается Любовь.

Я хочу вернуться в кафе и сказать им: «Послушайте меня! Вы больны, оба. Вы все видите в искаженном свете».

Да кто ты такой, Нил, чтобы ставить людям диагнозы?

Тем же вечером позвонила Кати. Едва горничная ушла. Не прошло и двух минут. Я, потный и липкий, как раз собирался принять душ. Как это женщины умудряются даже на расстоянии учуять такие вещи? Она обращалась к автоответчику. Совершенно пьяная. Я слушал, стоя нагишом в гостиной, насквозь пропитанной запахом моих бесчисленных совокуплений с горничной, которую Кати ненавидела.

– Нил, ты же дома, я знаю. У нас пять часов. А у вас там сколько? Одиннадцать, что ли? Я понятия не имел, который час.

– А я тут смотрю по телику, как наших разделяют в Уимблдоне. Вот... И вообще. Чего я хотела сказать? Забыла. У меня все в порядке, спасибо, а ты как поживаешь? А у меня все в порядке. Вот. Ищу квартиру... Почти нашла. Подписываю договор. Вот. Через неделю переезжаю в Ислингтон, в маленькую такую квартирку. Трубы там, правда, очень гудят. Зато нет призраков. Прости. Это не смешно. Я работаю секретаршей, по временному контракту, через агентство по трудоустройству. Ну, чтоб формы не терять. А Вернвуд слинял на Уолл-стрит. На его место взяли какое-то юное дарование, только-только из Лондонской школы экономики. Вот... Слушай, а перешли мне как-нибудь кресло королевы Анны? Оно ведь кой-чего стоит, ну, ты же знаешь... На прошлой неделе поболтала с твоей сестрой. Мы столкнулись совершенно случайно... в «Харви Николс», представляешь? Она говорит, ты продлил контракт еще на восемнадцать месяцев... А ты не собираешься прилететь на Рождество? Может, встретимся? Это мне вдруг в голову пришло... Хотя... Вряд ли у тебя найдется время... Тебе столько людей надо повидать... И вообще. Послушай, там в квартире остались кое-какие мои украшения. Не хватало еще, чтобы горничная все сперла и сбежала в Китай, правда? Кстати, ключи она мне так и не отдала... Так что смени замок, и поскорее. Вот... А у меня все в порядке. В отпуск очень хочется. В долгосрочный, лет на сорок... Вот... Может, позвонишь, когда вернешься? Если не очень устанешь... Я тут посмотрю парные финалы часок-другой... Ах да, вот что я хотела сказать! Твоя сестра просила передать, чтобы ты позвонил маме. У твоего отца опять эта штука, как его... панкреатит. Теперь вроде все... Пока... Звони...

Я так и не позвонил ей. А что мне было сказать?

Чья-то могила. Надгробие обращено к морю. Солнце стояло высоко, брало на измор. Я снял галстук, повесил на шипастый сук. Нечего было и пытаться разобрать имя того, кто здесь похоронен. Самая несуразная в мире система письма состоит из тысяч иероглифов. Я знаю пять: спиртное, гора, река, любовь, выход. Иногда мне кажется, что эти иероглифы и есть настоящие китайцы. Живучие, они уцелели на протяжении веков, хитрые, они прячут свой смысл за внешней похожестью друг на друга, чтобы дурачить иностранцев. Устойчивые ко всяким воздействиям извне. Даже Мао не удалось провести реформу родного языка.

С последней вершины тропа устремилась вниз по склону, мимо робкого ручья, мимо птичьего переполоха, мимо бабочки с блюдцами крыльев, полосатых, как зебра. Пару раз я терял тропинку, а она пару раз возвращалась и сама находила меня. Все это очень напоминало Брекон-Биконс^[63]. Я окончательно повзрослел, когда понял, что везде все одинаковое. И женщины тоже.

А потом тропинка завела меня в тупик. На ложный путь. Что ж, придется возвращаться сквозь лабиринт колючих кустов и пырея. Я уселся на землю и окинул взглядом панораму. На отвоеванной земле строили новую посадочную полосу для аэропорта. На поблескивающем илистом грунте резвились крошечные бульдозеры. Струйки пота стекали по рукам, по груди, по животу, под животом. Брюки липли к заднице. Стоило бы принять таблетки, но они в кейсе на дне залива.

Интересно, за мной уже кого-нибудь послали? Мина, наверное. Естественно, Аврил уже вовсю шаршила по моему жесткому диску, а из-за ее плеча Тео Фрезер пялился на экран. И куда оно все заведет? Все эти электронные сообщения из Петербурга, все эти «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», семи- и восьмизначные суммы переводов в дальние укромные уголки...

Тому, кто никогда не жил под одной крышей с призраком, трудно представить, каково это. Обычно воображают, что человек круглые сутки сам не свой, пребывает в постоянном страхе и напряжении и ждет не дожидается телефонного звонка от экзорциста. Ничего подобного. Скорее это похоже на то, будто живешь бок о бок с очень независимой кошкой.

Последние месяцы я жил с тремя женщинами. Одна была призраком, а стала женщиной. Другая была женщиной, а стала призраком. Третья была призраком и будет им всегда. Но это не история о призраках. Призрак обитает в тени, где ему и полагается быть. Если призрак выходит из тени, он становится человеком.

Мы с Кати возвращались с какой-то дурацкой корпоративной вечеринки. Вместе вошли в вестибюль. Я поставил на пол кейс, проверил почтовый ящик. Вынул несколько писем. В лифте надорвал конверт и тут вспомнил, что забыл кейс внизу. Мы поднялись на четырнадцатый этаж. Кати вышла, а я поехал вниз, взял кейс и снова поднялся к квартире. Когда двери лифта открылись, оказалось, что Кати по-прежнему стоит на площадке перед квартирой. Я сразу понял: что-то стряслось.

Кати дрожала, белая как мел.

– Дверь заперта. На засов. Изнутри. Изнутри.

Грабители? На четырнадцатом этаже? Видно, не успели уйти.

Мы оба знали – грабители ни при чем.

Она вернулась.

Понятия не имею, как я сообразил, что делать. Я достал из кармана ключи и погремел связкой. Потом резко толкнул дверь.

Она распахнулась в темноту квартиры.

За всю ночь Кати не сказала ни слова, хотя не спала – я это чувствовал. Очевидно, это и было началом конца.

Ну вот, я вернулся на тропу.

Мимо проехал автобус, набитый битком, как обычно. Люди во всю глазели на меня. Черт подери эту их китайскую манеру пялиться в упор! Это так невежливо! Подумаешь, обо-жженный солнцем иностранец в костюме вышел прогуляться в полдень^[64]. Никогда раньше не видели, что ли?

А солнце-то, солнце! Удар как у боксера. Меня мучила жажда. Снова пролетел вертолет. Склоны долины гудели и шуршали. Давно надо было сюда прийти. Здесь меня все ждало, а я мотался туда-сюда, в офис и обратно на турбопароме через реку Стикс.

Интересно, а где живет горничная? В Коулуне или в Новых Территориях? От порта до дому добирается на автобусе или на трамвае. Все приличные магазины остаются далеко позади. В подобном районе, наверное, живет и Мин. На узкой улочке, где стены зданий до пятнадцатого этажа облеплены вывесками потогонных цехов и мастерских, стрип-клубов, пунктов обмена валют, рестораников и бог знает чего еще. Вверху только огрызок грязного неба. Шум, конечно, никогда не затихает. В головах у китайцев, должно быть, есть какой-то звуковой фильтр, позволяющий выделять из этой какофонии только ту партию, которая их интересует. Такси, дешевые плееры, храмовое пение, спутниковое ТВ, вопли торговцев, усиленные мегафонами. Чем дальше, тем сильнее несет прогорклым жиром, мочой и димсамом^[65]. У подъездов топчутся небритые типы в несвежих рубашках, предлагают наркотики. А потом вверх по лестнице – лифты в таких местах вечно не работают, – в крошечную квартирку, где ютится семья из семи человек, бранятся, смотрят телевизор, пьют. Даже не верится, что я работаю в этом же городе. Даже не верится, что на горе Виктория красуются особняки, похожие на маленькие дворцы. Наверное, именно там японский парнишка сейчас мается джетлагом. А его девушка подает ему на серебряном подносике чай с лимоном. Или нет, скорее всего, ее горничная подает ему чай с лимоном. Интересно, как они познакомились? Ужасно интересно.

Каждый город состоит из множества городов.

Когда я впервые попал в Гонконг – еще без Кати, она прилетела позже, – мне дали один день, чтобы оправиться от джетлага. Я чувствовал себя прекрасно, поэтому решил воспользоваться выходным и осмотреть город. Я ездил на трамваях, внутренне содрогаясь от нищеты вокруг, и шествовал по пешеходным эстакадам, чувствуя себя комфортно только в окружении деловых костюмов и кейсов. В вагончике фуникулера я поднялся на вершину горы Виктория. Тут прогуливались жены богачей и няни с ребятишками, юные парочки разглядывали другие парочки. С лотков на колесах – мой отец называл такие сооружения базарными тачками – торговали путеводителями, нелущеным арахисом и какими-то безвкусными солоноватыми заедками, которые так обожают китайцы и индийцы. На одном лотке нашлись путеводители на английском и открытки с видами, я купил несколько. Неожиданно груда жестянок у прилавка зашевелилась и что-то тявкнула по-китайски. Морщинистое чумазое лицо с отвращением уставилось на меня. Я так и подскочил от неожиданности. Лоточник рассмеялся и сказал:

– Не бойся, он безобидный.

Нищий захрипел и повторил свои слова, только медленнее и громче.

– Что он говорит?

– Просит милостыню.

– Сколько ему нужно?

Дурацкий вопрос.

– Он просит не денег.

– А чего?

– Времени.

– Почему?

– Он думает, что раз ты зря тратишь время, у тебя его должно быть много.

Язык пересох. В последний раз я пил воду... а, выхлебал плоску вместо завтрака, и с тех пор – ничего. Обычно я пью только кофе или виски. Старый крестьянин что-то жег, костер потрескивал, как фейерверк. Бамбук? Крупитчатый лиловый дым тянулся через дорогу. У меня на глаза навернулись слезы. Я стоял под огромным деревом, крона которого раскину-

лась по небу, но скрывала его лишь частично, как слова не полностью скрывают то, что стоит за ними.

Дикие красные розы оплели кирпичную стену, крошившуюся в песок. При виде меня собака на привязи зашлась в истерике. Шквал оскаленных клыков и остервенелого лая. Решила, видно, что я призрак. Футоны на просушке. Китайская поп-музыка, жуткое бряцанье. Два старика сидели в комнате без всякой мебели. Над чайными чашками поднимался пар. Неподвижные лица без всякого выражения. Чего-то ожидали. Вот бы зайти и сесть рядом с ними. Ради этого и «ролекса» не жалко. Вот бы они улыбнулись и налили мне жасминового чая. Вот бы весь мир был таким.

Я смотрел, как за стеклом по ночной улице движется поток машин, людей, чужих историй. Вдалеке пыхтел и шипел гигантский велосипедный насос, что-то накачивал. Кругом, куда ни кинь взгляд, вспыхивали и гасли неоновые буквы рекламных сообщений. Японский парнишка со своей девушкой исчезли фиг знает куда, Лайонел Ричи растворился в своем сахаринном болоте. Второй гамбургер превратился в ком застывшего жира, я не смог его доест. Звучала «Bohemian Rhapsody»^{21[66]} в немыслимой аранжировке, почему-то на кантонском. Пора было возвращаться в офис, готовить отчет для господина Вэя, пока Аврил не разыграла страдания пресвятой мученицы. Сейчас, последняя песня, последняя чашка суперсладкого кофе, и я буду пай-мальчиком, вернусь на контрольную. Заиграли Битлы, «Blackbird»^{22[67]}. Никогда раньше не вслушивался в эту вещь. Красота. Просто красота.

– Нил Броуз?

Голос с валлийским акцентом, незнакомый и знакомый одновременно. Невысокий тип, смахивает на Мистера Крота^[68], да еще очки в роговой оправе.

– Да?

– Меня зовут Хью Луэллин. Мы встречались у Тео и Пенни Фрейзер на новогодней вечеринке.

– А, да... Хью... Конечно, конечно.

Киваю. Я его отродясь не видывал.

– Не возражаете, если я пристроюсь за ваш столик?

– Конечно устраивайтесь. Только не ждите особых удобств – сиденья пластиковые, а металлическая рама наглухо привинчена к полу. Простите мне мою дырявую память, Хью. Вы из какой компании?

– Раньше работал в «Жардин-Перл». Сейчас – в Инспекции по перемещению капиталов.

Черт. Ну теперь-то я вспомнил. Тогда у Тео мы поговорили о регби, потом о бизнесе. Я мысленно записал его в прирожденные компромиссные кандидаты и тут же выбросил из головы.

– Браконьер подался в лесники, да?

Хью Луэллин улыбнулся, сгрузил еду с подноса на стол, высвободился из вельветового пиджака с кожаными заплатками на локтях. Валлиец, мать его так. Вегетарианский бургер. Пенопластовый стаканчик с кипятком, в котором телепался пакетик чая.

– Чаще говорят: «Чтобы поймать вора, нужно быть вором», – ответил он.

Да, мой отец любил эту поговорку.

– Читал о вашей облаве в этой, как ее... Компания «Шелковый путь», да?

– Да-да. Не передадите ли мне кетчуп, будьте любезны.

²¹ «Богемская рапсодия» (англ.).

²² «Черный дрозд» (англ.).

– До меня дошли кое-какие занятные слухи о том, что они отмывали деньги для крупнейших наркодельцов из Кабула. Это правда? Можете смело со мной поделиться, я никому не скажу.

Хью вгрызся в вегетарианский бургер, пожевал, улыбнулся и проглотил.

– А до меня дошли кое-какие занятные слухи касательно счета один три девять ноль девять три один.

М-мать. Я чуть не сбилеванул съеденный дерьмобургер.

– Не понимаю, о чем вы! – рассмеялся я.

Глупо. Все лжецы именно так и говорят.

– Можете смело со мной поделиться, я никому не скажу. – Хью, улыбаясь, подцепил вилкой чайный пакетик.

– Это что, шифр кодового замка?

– Нет. Это секретный счет холдинга «Кавендиш», к которому имеете доступ только вы. Итак, он пошел ва-банк.

– Вы решили устроить мне проверку на вшивость или у вас есть ордер на мой арест?

– Я предпочел бы, чтобы у нас с вами состоялся дружеский разговор.

– Мистер Луэллин, вы даже не представляете, с кем имеете дело.

– Мистер Броуз, об Андрее Грегорском я знаю гораздо больше, чем вы. Уж поверьте. Вас подставили. На моих глазах это происходит не впервые. Как вы думаете, почему его имя нигде не фигурирует? Ни в одном документе, ни в одном файле. Равно как и имя Денхольма Кавендиша. Потому что они к вам нежно привязаны? Исключительно вам доверяют? Для них вы просто очередной пуленепробиваемый жилет.

Много ли ему известно?

– Это самый обычный хедж-фонд, предназначенный для...

– Я не хочу, чтобы вы ложью загоняли себя в угол, мистер Броуз. Я знаю, что у вас и в личной жизни сейчас сложный период. Но если вы откажетесь от сотрудничества со мной, к концу недели дело примет совсем плохой оборот. Я – ваша последняя соломинка.

– Мне не нужны соломинки.

Он пожал плечами, доел свой вегетарианский бургер. Я даже не заметил, как он умял эту гадость.

– Тогда наш дружеский разговор закончен. Вот моя визитная карточка. Очень рекомендую к завтрашнему дню изменить мнение. До свидания.

Хлопнула дверь. Я сидел, уставившись на свой недоеденный дерьмобургер.

Потом вернулся в башню «Кавендиш», но в вестибюле передумал. Попросил дежурного минут через пять сообщить Аврил, что я ушел домой. Двадцать минут прождал паром в порту, глядел на сияющие небоскребы у черной воды. По дороге домой обналичил в банкомате три четверти моего счета – на всякий случай, вдруг мои кредитные карты заморозят. Автобуса надо было ждать минут тридцать, поэтому я побрел в прохладном сумраке к своему дому.

В квартире меня ждала она. Кондиционер шпарил в режиме холодильника.

– Какого черта, скажи на милость! Ну извини. У меня куча дел.

В ответ – обиженная тишина.

– Мне нужно много чего обдумать, поняла? Я ложусь спать.

Я спрятал деньги в коробку из-под обуви и задвинул ее под туалетный столик Кати. До прихода горничной надо будет перепрятать в более надежное место. По воздействию горничная – наркотик, но по сути, конечно, сука и воровка.

* * *

Я вышел к храму. Где-то журчала вода. Фонтанчик сторожили два дракона. К черту гигиену, жажда замучила. Я пил до тех пор, пока вода не начала булькать в животе. Смерть от обезвоживания мне больше не грозила. Захотелось окунуть лицо и руки в эту прохладную, прозрачную воду, поэтому я снял «ролекс», положил его на нос дракону, стянул рубашку и окунулся в фонтан с головой. Под водой открыл глаза, увидел изнанку ряби и солнечных зайчиков на дне.

Ну, теперь куда? Одна тропинка пологая, другая крутая. Двинулся по пологой и через двадцать метров оказался у выгребной ямы. Вернулся к драконам и начал карабкаться по крутой. Мне стало намного лучше. Гораздо лучше. Как будто организм решил больше не тратить силы на борьбу с простудой и предпочел ей подчиниться.

Тропинка все круче забирала наверх. Иногда приходилось цепляться руками, чтобы не сорваться. Деревья сбились в чешуйчатые влажные заросли, сквозь них на тропу пробивались иглы света, острые и яркие, как лазерные лучи. Я снял пиджак и отдал его ежевичным кустам – он же все равно продран. Может, пригодится какому-нибудь монаху или беженцу. Воздух наполнился отчаянно фальшивившими птицами и их глазами.

Время меня потеряло.

Хотел посмотреть, который час, и вспомнил, что оставил «ролекс» на драконьем носу.

Ухватился за корень, чтобы подтянуться, но корень обломился, и я кубарем пролетел несколько ярдов вниз по тропинке. Что-то хрустнуло. Но нет, я встал, цел и невредим. Фантастическое ощущение. Почувствовал себя бессмертным.

Сверху нависала скала, огромная, как дом. Я взял ее приступом, словно мальчишка, и вскоре озираю свои владения с вершины. «Боинг-747» величественно, не спеша заходит на посадку, зазубренный рев двигателей свежевает день, как ножом. Я помахал пассажирам. Солнце сверкает на фюзеляже. Она рядом со мной тоже машет, весело так, аж подпрыгивает. Приятно доставить радость хоть кому-то, даже тому, кто не вполне существует.

– Она меня любит.

Горничная голышом вертелась перед зеркалом, прикладывая к себе одно за другим летние платья Кати. Примеряла те, что ей нравились. Те, что подходили, складывала в Катину сумку «Луи Виттон». Те, что не нравились, отбрасывала в сторону.

Я расслабленно парил, притороченный к кровати лишь неизбывной тяжестью гениталий.

– Кто тебя любит?

– Маленький девочка.

– Какая еще маленькая девочка?

– Твой маленький девочка. Живет здесь. Меня любит. Хочет сестричка. Играть.

Ветерок осторожно раздвинул занавески. Охренеть, эти китайцы чокнутые на всю голову.

Когда Кати позвонила в последний раз, она была совершенно трезва. Это не предвещало ничего хорошего.

– Добрый день, автоответчик Нила. С тобой говорит Кати Форбс, бывшая жена Нила. Как ты поживаешь? Работаешь, бедняга, без выходных. Нил, похоже, разучился снимать трубку и набирать номер. Передай, пожалуйста, Нилу, что я стала гордой владелицей роскошных апартаментов на северо-востоке Лондона. Лето стоит такое дождливое, какого не было уже много лет, и все крикетные матчи отменили из-за погодных условий. Дважды в неделю я хожу на сеансы к доктору Ключни, он прекрасно помогает от депрессии. Арчи Гуд взял на себя роль моего адвоката и отправит бракоразводные документы в конце недели. Объясни, пожалуйста,

Нилу, что я не хочу его ограбить, а требую только то, что принадлежит мне по праву. Если он потрудится оторвать свою задницу от дивана и перешлет мне кресло королевы Анны, это благоприятно отразится на моих требованиях. Нилу прекрасно известно, что эта вещь перешла ко мне по наследству и я ею очень дорожу. Спокойной ночи.

Вот ключ к пониманию Нила Броуза: он – человек каморок, кабинок, кабинетиков. Горничная находится в одной кабинке, Кати – в другой, моя маленькая гостья – в третьей, «Кавендиш, Гонконг» – в четвертой, счет 1390931 – в пятой. И в каждой живет свой Нил Броуз, который действует совершенно независимо от прочих. Вот как я устроен. Мое будущее – еще в одном кабинетике, но я не спешу в него заглядывать. Вряд ли мне понравится то, что там.

Как ни странно, горничная оказалась права. Когда я возвращался домой и заставал ее там, атмосфера была совершенно иной. Приглушенный Сибелиус вместо громоподобного Вагнера. Казалось, будто она сидит под столом и возится со своими куклами. Она никогда не беспокоила нас с горничной, и даже занавески висели так, как перед моим уходом. Ну разве что иногда слышались легкие, как поцелуи, шаги по мраморному полу в гостиной, и все.

В отсутствие же горничной в воздухе копились уныние и тоска. То же самое происходило, если я уезжал в командировку. Однажды я на несколько дней смотался в Кантон – та еще дыра. Вернувшись, я застал ее в дикой ярости, так что пришлось долго оправдываться, обращаясь к пустоте.

Тропка взобралась на гребень горы. Над верхушками камфорных деревьев виднелась голова Будды, совсем рядом. Офигительно Большой Будда. Платиново-серый, спряденный на прялке синева. Деревья обернулись грезой о деревьях. Кот-тень, тень кота.

Кожа зудела. Бессмертие плавилось. Должно быть, солнце вытапливало его, как бекон. Наверное, я сорвал ноготь на ноге – в туфле хлупает что-то мокрое и теплое. Все мои органы обмякли, еле-еле сокращаются, все медленнее и медленнее, словно обессиленные пловцы.

Откуда там, наверху, над твоей, Будда, головой появилась луна? Белая, голубая, клоко-чущая в бесшумном горниле солнечного света. Луна, луна, средь бела дня.

Я попал в век былого и грядущего^[69]. Столпотворение: люди, туристические автобусы, парковка, сувенирные ларьки, рекламные щиты, толчея возле билетных касс – только англичане и славяне умеют правильно стоять в очереди, – мотоциклы... Здесь и не здесь. Все они там, за стеной сверкающей жидкости. Где-то за соседней дверью бурлят чужеземные речи.

Величаво сложенные полные губы Будды. На грани слов, на грани молчания. Глаза под тяжелыми веками таят истину, в которой так нуждается мир.

Луна-шутница. То молодая, то старая, то молодая, то старая. Повстречайся мне сейчас тот старик-нищий, я бы сказал ему: «Прости, мне нечего тебе дать. Нет у меня больше времени. Ни пары минут. Ни пары секунд, черт подери».

Вот интересно – тот японский парнишка с саксофоном, наверное, играет где-нибудь в баре. Может, в Центральном округе, а может, в Коулуне. Хотел бы я его послушать. Хотел бы посмотреть, как его девушка смотрит на него. Очень хотел бы. Но теперь уже вряд ли. Хорошо бы поболтать с ними, узнать, как они познакомились. Расспросить про джаз и почему Джон Колтрейн так знаменит. Как много хочется узнать, как много. Вот бы спросить его, почему я женился на Кати и надо ли было подписывать и отправлять все эти бракоразводные документы. Счастлива ли она теперь? Встретила ли мужчину, который ее любит и у которого по всем показателям высококачественная сперма? Получится ли из нее нежная, любящая мать, или с годами

она превратится в запойную стерву? Прищучит Хью Луэллин Андрея Грегорского или Андрей Грегорский прищучит Хью Луэллина? С кем в итоге заключит контракт господин Вэй, магнат-судовладелец? Выиграет «Манчестер юнайтед» кубок или нет? Выпадут ли зубы у Коржика из «Улицы Сезам»? Наступит ли к Рождеству конец света?

Она легонько коснулась меня, подула мне в затылок, и ветер взвил мириады листьев. Кожа у меня раскалилась, стала какой-то чужой. Новый Нил внутри старого открыл глаза. Платиновые на солнце, синие в тени. Как только моя старая кожа отшелушится окончательно, он выберется наружу и побежит прочь. Печень нетерпеливо ерзала. Сердце перебирало возможные варианты. А это что за орган? Ну, тот, что перерабатывает сахар?

Что меня сюда привело?

Отец сказал бы про Денхольма Кавендиша – сэра Денхольма Кавендиша: «Образование заместо ума».

– Итак, Найл. – Д. К. решительно сжал губы, как старый генерал, которым он себя мнит. Шум на улицах Барбикана, в двадцати этажах под нами, подчеркивал драматические паузы, которыми этот напыщенный мудак перемежал свою речь. – Поговорим о вашей роли в нашем гонконгском филиале. Для ее понимания необходимо ответить на основополагающий вопрос: что, по-вашему, представляет собой холдинг «Кавендиш»?

Нет, Д. К. Основополагающий вопрос звучит так: «Какой ответ вы хотите услышать?»

Не ошибись, Нил. Пусть он упивается своим интеллектуальным превосходством. И не вздумай сказать, что он настолько туп, что даже имя сотрудника не может произнести правильно.

– Это крупнейшая юридическая и инвестиционная корпорация, сэр Денхольм.

Отлично. На его лице появилось вдохновенное выражение, будто его посетило прозрение, за которым последует откровение:

– Да, мы корпорация. Крупнейшая корпорация. Но этим дело не ограничивается, поверьте мне, Найл. Мы семья! Верно я говорю, Джим?

Джим Херш улыбнулся, будто говоря: «В самое яблочко попали, сэр!»

– А семьи без ссор не бывает. Случалось, мы с Джимом глаза друг другу выцарапывали, да, Джим, старина?

– Кто старое помянет... – все с той же улыбкой ответил Джим.

Ах ты, Джим Херш, лощеный американский выкормыш.

– Вот видите, Найл? Лизоблюдов в «Кавендише» на дух не выносят. Мы одолели все трудности! Превозмогли! А как? – спросите вы. А я вам отвечу: мы понимаем, что взаимовыручка превыше всего. Сотрудничество. Дружеская рука. Взаимное доверие. Взаимопомощь.

Он закурил сигару, подобно Уинстону Черчиллю, и обратил взгляд на портрет своего деда, который, в свою очередь, смотрел на него. Я с трудом сдерживал смех. У этого человека в голове не было ничего, кроме шаблонов и банальностей. Как он с такими трухлявыми мозгами умудрялся руководить юридической фирмой с филиалами на пяти континентах? Ответ был очевиден: сэр Денхольм только воображал, что руководит.

– Чтобы играть на азиатском рынке, нам потребуется... Как это я на днях сформулировал, Джим? В разговоре с Грейнджером?

– Насколько я помню, сэр Денхольм, вы сказали: «Нам потребуются чутье и дерзость при разработке новых стратегий».

– Вот именно! Чутье! И дерзость! Вы понимаете? *Чутье! И дерзость!* При разработке новых стратегий! Ситуация в Лондоне или там в Нью-Йорке всем ясна и понятна. Игровые поля размечены, ворота установлены. Но Азия – это последний неосвоенный рубеж. Разбойники-коррупционеры засели в китайских горах, и грабят, и грабят. Законность? Забудьте про

нее! Все куплены. Все до последнего человечка. Если мы хотим добиться успеха в Азии, мы должны играть по их правилам, но играть лучше! Мы должны быть оригинальнее в операциях с капиталами! Необходимо переосмыслить правила игры. Увидеть, куда бить, даже если стойки ворот невидимы! И любыми средствами обыграть! Улавливаете, Найл?

– На сто процентов, сэр Денхольм!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

...перышка воробей не уронит, если Бог не заденет его пальцем. – Аллюзия на Мф. 10: 29: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего».

2.

О да, господин Кобаяси... – Именно так зовут зловещего адвоката из неонуарного триллера «Подозрительные лица» («The Usual Suspects», 1995, реж. Брайан Сингер).

3.

Наха – главный город на Окинаве, самом крупном острове так называемых южных территорий, примерно посредине между Кюсю и Тайванем.

4.

...окончил Императорский университет. – Имеется в виду Токийский императорский университет, основанный в 1877 г., одно из самых престижных учебных заведений Японии; среди его выпускников – 18 премьер-министров и 10 лауреатов Нобелевской премии.

5.

Кансай – регион на юго-западе центрального острова Хонсю; главные города – Киото и Осака.

6.

...старый рюкюский замок. – Имеется в виду архитектурный памятник государства Рюкю, существовавшего на островах Рюкю (в состав которых входит Окинава) с XV по XIX в. и аннексированного Японской империей в 1879 г.

7.

Токунага... Красивое имя. – Имя пишется иероглифами, означающими «вечная добродетель».

8.

Арупадхату (Арупавачару, Арупалока) – в санскрите «сфера, не имеющая форм», одна из трех сфер обусловленного существования сансары.

9.

...очень редкий диск Майлза Дэвиса... откопал в коробке со всякой музыкальной всячиной, купленной... на аукционе в Синагаве. – Синагава – район Токио к востоку от императорского дворца, где сосредоточены посольства иностранных государств и штаб-квартиры крупных японских и международных компаний.

10.

«It Never Entered My Mind» («Мне и не приходило в голову») – композиция из мюзикла Ричарда Роджерса и Лоренца Харта «Выше и выше» («Higher and Higher», 1940); Майлзом Дэвисом исполнена на альбоме «Workin' with the Miles Davis Quintet» (1956).

11.

...«Stormy Sunday» Кенни Баррелла... – Кенни Баррелл (р. 1931) – американский джазовый гитарист, пластинку «Stormy Monday» («Бурный понедельник») выпустил в 1978 г.

12.

...«Flight to Denmark» Дюка Джордана... – Дюк Джордан (Ирвинг Сидни Джордан, 1922–2006) – американский джазовый пианист, с 1978 г. жил в Дании. «Flight to Denmark» («Полет в Данию», 1973) – первая из множества его пластинок, выпущенных датским лейблом «SteepleChase».

13.

...в одном клубе в Роппонги... – Роппонги – престижный токийский квартал, известный своими ночными клубами, барами и ресторанами, куда стекаются иностранцы.

14.

Тиёда – экономический и политический центр Токио, именно там находятся императорский дворец и значительная часть токийских достопримечательностей.

15.

Итигая – квартал в восточной части района Сидзуку, где сосредоточены студенческие кампусы.

16.

Как перкуссия Джимми Кобба в «Blue in Green». – Джимми Кобб (1929–2020) – известный джазовый барабанщик, участник записи альбома Майлза Дэвиса «Kind of Blue» (1959); «Blue in Green» («Синее на зеленом») – третья композиция с этой эпохальной пластинки.

17.

Настроение как раз для Билли Холидей. Я имею в виду «Lady in Satin», которую она записала после дозы героина и бутылки джина за год до смерти. – «Lady in Satin» («Дама в атласном платье») – последний альбом Билли Холидей (1915–1959); записан в феврале 1958 г., выпущен в июне.

18.

Чик Кория (1941–2021) – американский джазовый пианист и композитор, в 1970-е гг. один из лидеров стиля фьюжн.

19.

Еще один диск Билли Холидей. Она пела «Some Other Spring»... – «Some Other Spring» («Будет другая весна») – песня Артура Херцога-мл. и Айрин Китчингс, записана Билли Холидей в 1939 г.

20.

Сукияки – тонко нарезанные ломтики говядины, овощей или тофу, которые во время трапезы опускают в котелок с кипящим ароматным бульоном.

21.

Это время дня всегда ассоциируется у меня с Мэлом Уолдроном. <...> Нотки «Left Alone»... звуки саксофона Джеки Маклина... – Мэл Уолдрон (1925–2002) – американский джазовый пианист, с 1965 г. в Европе; титульная композиция с альбома «Left Alone» («Одиночество», 1959), написанная в соавторстве с Билли Холидей, стала его визитной карточкой. Джеки Маклин (Джон Ленвуд Маклин, 1931–2006), альт-саксофонист и флейтист из Нью-Йорка, играл на этой композиции.

22.

...«After the Rain» Дюка Пирсона... – Дюк Пирсон (Коламбус Кэлвин Пирсон-мл., 1932–1980) – американский джазовый пианист и композитор, одна из самых ярких фигур хард-бопа 1960-х гг. «After the Rain» («После дождя») – композиция с его альбома «Sweet Honey Bee» (1966).

23.

Чарли Паркер, пылкий и затейливый, уж он-то не понаслышке знал, что такое жестокость. «Relaxin' in Camarillo», «How Deep is the Ocean?», «All the Things You Are», «Out of Nowhere», «A Night in Tunisia». – «Relaxin' at Camarillo» («Отдых в „Камарильо“») – композиция записана в 1947 г. («Камарильо» – психиатрическая клиника, в которой Паркер перед этим провел полгода). «How Deep Is the Ocean» («Как глубок океан», 1932) – песня Ирвинга Берлина, Паркером записана в 1947 г. «All the Things You Are» («Все это – ты», 1939) – песня Джерома Керна и Оскара Хаммерстайна, впервые записана Паркером в 1946–1947 гг., однако наиболее известно исполнение (вместе с Диззи Гиллеспи и Чарльзом Мингусом) на концерте «Jazz at Massey Hall» (1953). «Out of Nowhere» («Из ниоткуда», 1931) – композиция Джонни Грина и Эдварда Хеймана, записанная Паркером в 1946 г. «A Night in Tunisia» («Ночь в Тунисе», 1942) – композиция Диззи Гиллеспи и Фрэнка Папарелли, записанная Паркером в 1946 г.

24.

Я мысленно нарядил ту девушку в ситцевое платье... – аллюзия на песню «A Gal in Calico» («Девушка в ситцевом платье», слова Лео Робина, музыка Артура Шварца) из фильма «Время, место и девушка» («The Time, The Place And The Girl», реж. Дэвид Батлер, 1946), вошедшую в репертуар многих известных исполнителей (Гленн Миллер, Бенни Гудмен, Бинг Кросби, The Manhattan Transfer и др.).

25.

Чарльз Мингус (1922–1979) – выдающийся джазовый контрабасист и композитор.

26.

Ли Морган (1938–1972) – американский трубач, представитель хард-бопа.

27.

...«A Caddy for Daddy» Хэнка Мобли... – Хэнк Мобли (1930–1986) – тенор-саксофонист, исполнял хард-боп и соул-джаз. Пластинку «A Caddy for Daddy» («Кадиллак для папочки») выпустил в 1965 г.

28.

Фэтс Наварро (Теодор Наварро, 1923–1950) – американский трубач, один из пионеров бибоп-импровизации.

29.

«Undercurrent» Джима Холла и Билла Эванса. Альбом то зыбкий, как океанская гладь под ветром, то тихий и медленный, как река под деревьями. А еще в нем есть композиции, где аккорды сверкают и рябят во внутренних морях. / И девушка тоже в нем была. Плыла на спине, обнаженная, течение ее покачивало. – «Undercurrent» («Подводное течение», 1963) – альбом гитариста Джима Холла (1930–2013) и пианиста Билла Эванса (1929–1980). В оформлении конверта использована знаменитая фотография Тони Фриссел «Дама в воде» («Weeki Wachee Spring, Florida», 1947).

30.

«Мистер Донат» («Mr. Donut») – популярная американская сеть пончиковых, основанная в 1956 г.; действует в Японии с 1971 г., где ее часто называют «Мисдо».

31.

...диск Кита Джарретта... не верится, что он импровизирует все это на ходу! – Кит Джарретт (р. 1945) – выдающийся пианист джазового и классического репертуара, импровизатор, композитор.

32.

...в парк Уэно... на праздник цветения сакуры... – Уэно – один из самых известных и посещаемых парков Токио, где традиционно проходят праздники любования сакурой.

33.

Бенни Гудмен (1909–1986) – кларнетист и руководитель оркестра, «король свинга».

34.

Лестер Янг (1909–1959) – тенор-саксофонист, кларнетист.

35.

...барабаны Тони Уильямса в «In a Silent Way».?– «In a Silent Way» («В тишине», 1969)?– первый фьюжн-альбом Майлза Дэвиса; именно барабанщик Тони Уильямс (1945–1997) привлек к его записи гитариста Джона Маклафлина, прославившегося уже в 1970-е гг.

36.

Период Дзёмон – период японской истории с 13 000 по 300 г. до н. э., примерно соответствует мезолиту и неолиту.

37.

«Round Midnight» («Около полуночи», 1944) – композиция Телониуса Монка, ставшая джазовым стандартом.

38.

«Take the „A“ Train» («Сядь в поезд „А“», 1939) – композиция Билли Стрейхорна, записанная оркестром Дюка Эллингтона в 1941 г.; через три года появилась и версия с текстом, который сочинила Джойя Шеррил.

39.

Колтрейн, Джон (1926–1967) – выдающийся саксофонист и композитор, реформатор джаза.

40.

...«In a Sentimental Mood». <...> ...Джон Колтрейн играет вместе с Дюком Эллингтоном. – «In a Sentimental Mood» («Сентиментальное настроение», 1935) – композиция Дюка Эллингтона. Совместная с Колтрейном версия была записана в 1962 г. для альбома «Duke Ellington and John Coltrane».

41.

...диск Джонни Хартмана с прекрасной версией «I Let a Song Go Out of My Heart»... – Джонни Хартман (1923–1983) – джазовый певец, баритон, известный исполнитель баллад; в 1963 г. записал классический альбом дуэтов с Джоном Колтрейном. Песню Дюка Эллингтона, Ирвинга Миллса, Генри Немо и Джона Редмонда «I Let a Song Go Out of My Heart» («Пусть песня рвется из моей груди») записал в 1947 г., но содержащий ее лонгплей «Just You, Just Me» вышел в 1956 г.

42.

...слушал Чета Бейкера. Труба без особой спешки стремилась в никуда. А его голос – дзенское бормотание в ласковой пустоте. «My Funny Valentine». «You Don't Know What Love Is». «I Get Along without You Very Well». – Чет Бейкер (1929–1988) – американский трубач, звезда кул-джаза, а также певец, мастер романтической баллады. «My Funny Valentine» («Моя смешная голубка», 1937) – песня Ричарда Роджерса и Лоренца Харта. «You Don't Know What Love Is» («Ты не знаешь, что такое любовь», 1941) – песня Джина де Пола и Дона Рэя. «I Get Along without You Very Well» («Я без тебя прекрасно поживаю», 1939) – песня Хоаги Кармайкла. Были исполнены Бейкером в середине 1950-х гг. и собраны на пластинке «The Best of Chet Baker Sings» (1956).

43.

«Maiden Voyage» (1965) – концептуальный альбом пианиста и композитора Херби Хэнкока (р. 1940).

44.

Луна, луна средь бела... – отсылка к новелле Итало Кальвино «Дневная луна» из сборника «Паломар» (1983). «Никто не смотрит на луну средь бела дня, когда наш интерес ей нужен больше, так как ее бытие пока еще проблематично» (перев. Н. Ставровской).

45.

...снятся ли компьютерам люди? – Отсылка к названию научно-фантастического романа Филипа Дика «Снятся ли андроидам электроовцы» (1968), легшего в основу фильма «Бегущий по лезвию» (1982, реж. Ридли Скотт).

46.

...Бог в своих небесах и в порядке Нил! – Парафраз строки из пьесы английского поэта и драматурга Роберта Браунинга «Пиппа проходит мимо» (1841):

47.

Жалко кресла времен королевы Анны. – Имеется в виду стиль мебели времен правления Анны Стюарт (начало XVIII в.).

48.

Вафли, как тот мост, слишком далеко. – Аллюзия на военно-исторический фильм «Мост слишком далеко» (1977, реж. Ричард Аттенборо), посвященный Голландской операции 1944 г.

49.

Кофеварку долой, тостер долой, голову долой! – Пародия на фразу Червонной Королевы из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

50.

...Кит Мун против меня – чистюля. – Кит Мун (1946–1978) – барабанщик английской группы The Who, своего рода эталон деструктивного стиля жизни.

51.

Надо дать ей прозвище Спок. – Спок – имя персонажа в научно-фантастическом телесериале «Звездный путь» (1966–1969), гибрида вулканца и человека, для которого характерно логическое мышление и отсутствие явного выражения эмоций.

52.

...я честно, искренне, безумно, сильно не представляю... – Обыгрывается название английского фильма «Искренне, безумно, сильно» (1990, реж. Энтони Мингелла), в котором героиню преследует призрак ее бойфренда.

53.

Голландский филиал банка «Бэрингс»... – История махинаций компании «Кавендиш» представляет собой отголосок финансового скандала 1995 г. в гонконгском отделении банка «Бэрингс», когда действия трейдера Ника Лисона привели к краху банковской системы (история изложена, в частности, в фильме «Аферист», 1999, реж. Джеймс Дирден, в главной роли Юэн Макгрегор).

54.

...старый хит Лайонела Ричи про слепую девочку. – Имеется в виду песня «Hello» с альбома Лайонела Ричи «Can't Slow Down» (1983), большой хит 1984 г.

55.

...свалишься и лоб разобьешь, а Джилл слетит с горки. – Аллюзия на известный английский детский стишок. В переводе С. Маршака:

56.

Прямо Лоуренс Оливьерский... – макароническое смешение имен английского актера Лоуренса Оливье (1907–1989), известного ролями шекспировского репертуара, и Томаса Эдварда Лоуренса (1888–1935), британского путешественника и дипломата, получившего прозвище Лоуренс Аравийский.

57.

Ноэль Кауард (1899–1973) – известный английский драматург и актер, автор ироничных, «типично английских» пьес.

58.

...за пределами нашей Деревни проклятых договорами краткосрочной аренды... – Ироническая отсылка к британскому фантастическому триллеру «Деревня проклятых» («The Village of the Damned», 1960, реж. Вольф Рилла), снятому по роману Джона Уиндема «Кукушки Мидвича» (1957); в 1995 г. вышел одноименный римейк режиссера Джона Карпентера.

59.

Тридцать один денек в сентябре... – перевранный стишок-запоминалка для детей:

60.

Джон Уэйн (Марион Роберт Моррисон, 1907–1979) – американский актер, прославился ролями в вестернах.

61.

...разгоняясь до убийственной скорости, как Мама-львица... – Отсылка к песне «Mama Lion» с альбома «Wind on the Water» (1975) дуэта Crosby & Nash.

62.

«Повелитель мух» – роман Уильяма Голдинга, опубликованный в 1954 г.

63.

Брекон-Биконс – горный хребет в Южном Уэльсе, на территории национального парка и природного заповедника.

64.

...обожженный солнцем иностранец... вышел прогуляться в полдень. – Здесь и ранее, в названии бара «Бешеные псы», обыгрывается английское выражение «только бешеные псы и англичане выходят на полуденное солнце», приписываемое Редьярду Кипплингу и ставшее популярным благодаря песне Ноэля Кауарда «Mad Dogs and Englishmen» (1931).

65.

Димсам (дяньсинь, «сердечное прикосновение») – легкие китайские закусочные блюда, жаренные или приготовленные на пару, подаются, как правило, с утра и до обеда. В Южном Китае и Гонконге распространены специальные димсамовые ресторанчики.

66.

«Bohemian Rhapsody» («Богемская рапсодия») – песня группы Queen с альбома «A Night at the Opera» (1975).

67.

«Blackbird» («Черный дрозд») – песня The Beatles с девятого студийного, так называемого «Белого альбома» (1968).

68.

Мистер Крот – персонаж сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах» (1908).

69.

...в век былого и грядущего. – Обыгрывается название фэнтезийной тетралогии Теренса Хэнбери Уайта «Король былого и грядущего» (1958), основанной на своде рыцарских романов «Смерть Артура» (1485), скомпилированном Томасом Мэлори.